КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

Джон Диксон Карр

ПОКА СМЕРТЬ НЕ РАЗЛУЧИТ НАС

«АЗБУКА»

Расследование ведет Гидеон Фелл

Пока смерть не разлучит нас
Джон Карр

Аннотация
Джон Диксон Карр. Пока смерть не разлучит нас
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая
Глава четырнадцатая
Глава пятнадцатая
Глава шестнадцатая
Глава семнадцатая
Глава восемнадцатая
Глава девятнадцатая
Глава двадцатая

Аннотация

Золотой век детектива подарил нам множество звездных имен. Произведения таких писателей, как Агата Кристи, Гилберт Честертон, Эрл Стэнли Гарднер, Рекс Стаут, развивали и совершенствовали детективный жанр, их романы, безоговорочно признанные классикой, по сей день любимы читателями и являются эталоном качества для последующих поколений авторов детективных историй. Почетное место в этой плеяде по праву принадлежит Джону Диксону Карру (1906–1977) – виртуозному мастеру идеально построенных «невозможных преступлений в запертой комнате». Роман «Пока смерть не разлучит нас» продолжает серию книг о сыщике-любителе докторе Гидеоне Фелле. Внешность героя, предположительно, была списана с другого корифея детективного жанра – Гилберта Честертона, а его заслуги в истории детективного жанра, по мнению большинства почитателей творчества Карра, поистине вызывают уважение. Так, писатель Кингсли Эмис в своем эссе «Мои любимые сы-

щики» назвал доктора Фелла «одним из трех великих преемников Шерлока Холмса».</p>

Джон Диксон Карр
Пока смерть не разлучит нас

John Dickson Carr
TILL DEATH DO US PART
Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1944
Published by arrangement with David Higham Associates Limited and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

© Е. А. Королева, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

* * *

Глава первая

Возвращаясь мыслями к случившемуся, Дик Маркхэм, возможно, и усматривал некие знамения или зловещие предостережения и в летней грозе, и в шатре предсказателя, и в стрелковом тире, и во множестве прочих обстоятельств той ярмарки.

Но на самом деле в тот момент он не замечал, даже какая стоит погода. Он был слишком счастлив.

Когда они с Лесли вошли в открытые ворота с каменными столбами, увенчанными геральдическим грифоном и ясенем, перед ними открылись просторы Эш-холла. Ровные лужайки пестрели павильонами и полосатыми шатрами. На заднем плане возвышались дубы и тянулась длинная, приземистая кирпичная стена хозяйского дома.

Эту картину лет через пять Дик Маркхэм припомнит с щемящей тоской. Буйно зеленеющая, такая родная Англия, Англия белых фланелевых брюк и послеобеденного безделья, Англия, которую мы, слава богу, никогда не променяем ни на какой чепуховый лучший мир. Вот она, раскину-

лась во всем своем великолепии, за какой-то год до развязанной Гитлером войны, впрочем слово «великолепие» едва ли применимо к поместью Джорджа Конверса, последнего барона Эша. Однако Дик Маркхэм, рослый молодой человек с бурным воображением, вряд ли обращал на это внимание.

— Между прочим, мы ужасно опоздали, — сказала Лесли задыхающимся от смеха голосом — судя по тону, ей на это было наплевать.

Оба до сих пор шагали довольно быстро. Оба теперь внезапно остановились.

Порыв ветра, холодного для такого жаркого дня, с неожиданной яростью взъерошил лужайки. Вознамерился сорвать с Лесли шляпу с широкими мягкими полями, пропускавшими свет, вынудив девушку спешно схватиться за нее руками. Небо потемнело от клубившихся, медленно наползающих туч, словно наступили сумерки.

— Слушай, — сказал Дик, — а сколько времени?

— В любом случае больше трех.

Он мотнул головой, указывая туда, где тень грозовой тучи придавала всему нереальный, словно в кошмаре, вид, как будто солнечный свет просачивался сквозь закопченное стекло. Никто

не прогуливался по лужайкам. Затрепетавшие шатры и павильоны, в которые ветер вдохнул подобие жизни, были пусты.

— Но… где же все?

— Наверняка на крикетном матче, Дик. Нам надо бы поторопиться. Леди Эш и миссис Прайс будут в бешенстве.

— А это разве важно?

— Нет, — улыбнулась Лесли. — Конечно не важно.

Он поглядел на нее: смеющаяся, задыхающаяся от быстрой ходьбы, она придерживала обеими руками поля шляпы. Он отметил отчаянную серьезность в глазах, притом что рот ее улыбался. Все ее мысли и чувства как будто сосредоточились в этих карих глазах, твердивших ему то, о чем она сказала прошлым вечером.

Он отметил естественную грацию в ее вскинутых руках и то, как белое платье облегает фигуру под хлещущим ветром. Она была невозможно, волнующе притягательна, настолько, что даже трепет ее губ и движение глаз запечатлелись у него в мозгу, словно он увидел ее на тысяче разных картин одновременно.

Дик Маркхэм, по крайней мере внешне ревнитель приличий, даже помыслить не мог, что

прямо в воротах чинного парка лорда Эша, в день чопорного приема в саду, под недреманным оком леди Эш, призрак которой маячил где-то на горизонте, он заключит Лесли Грант в объятия и поцелует, не особенно заботясь о том, кто их может увидеть.

Но именно так и произошло, пока ветер проносился по парку, а небо продолжало темнеть. Их диалог (и нечего тут зубоскалить) получился чуточку сумбурным.

— Ты меня любишь?

— Ты знаешь, что люблю. А ты меня любишь?

Начиная с прошлого вечера эти самые слова повторялись снова и снова, ничего при этом не теряя. Напротив, каждый раз они казались открытием: ослепительная вспышка в мозгу от осознания. Дик Маркхэм, смутно припомнив, где они находятся, наконец-то отпустил ее, и с его губ сорвалось проклятие.

— Полагаю, — произнес он, — нам придется пойти на этот чертов крикет?

Лесли ответила не сразу. Огонь чувств в глазах померк, и она перевела взгляд на небо.

— Через минуту польет как из ведра, — сообщила она. — Сомневаюсь, что крикет состоится. К тому же…

— К тому же — что?

— Я хотела зайти к предсказателю, — сказала Лесли.

Дик не смог бы объяснить, почему запрокинул голову и разразился хохотом. Отчасти из-за наивного выражения ее лица, этой ее безоговорочной серьезности, отчасти из-за того, что ему требовалось захохотать, чтобы хоть как-то выразить одолевавшие его чувства.

— Миссис Прайс говорит, он невероятно хорош, — тут же принялась заверять его девушка. — Потому я и заинтересовалась. Она говорит, он может абсолютно все о тебе рассказать.

— Разве ты сама о себе всего не знаешь?

— Можем мы зайти к предсказателю?

Где-то на востоке слабо пророкотал гром. Крепко взяв Лесли за руку, Дик быстрым шагом повел ее по гравийной дорожке к скоплению павильонов на лужайке. Никто даже не попытался расставить их в ряд или хотя бы в каком-то подобии порядка. Начиная с аттракциона по метанию кокосов и заканчивая так называемым «прудом», из которого полагалось выуживать бутылки, каждый владелец шатра устанавливал его, сообразуясь с собственными представлениями о прекрасном. Но шатер прорицателя узнавался

здесь безошибочно.

Он стоял отдельно от остальных, поближе к Эшхоллу. Больше всего он напоминал невероятно разросшуюся телефонную будку, только расширявшуюся у основания и сужавшуюся наверху. Выцветшая парусина была в вертикальную красно-белую полоску. Над пологом шатра висела аккуратная табличка, гласившая:

Великий свами
читает по ладони и в хрустальном шаре.
Видит все, знает все.

А еще большая картонная ладонь, для наглядности изрисованная стрелками.

Небо уже успело так потемнеть, что Дик разглядел свет, горевший внутри логова прорицателя, наверняка удушливо жаркого после солнечного дня. Мощный порыв ветра промчался между павильонами, барабаня и хлопая парусиной и раскачивая стенки, словно полусдувшиеся воздушные шары. Картонная ладонь нелепо задергалась, то ли маня их к себе, то ли прогоняя. И чей-то голос крикнул:

— Эгей!

Майор Гораций Прайс за «прилавком» мини-

атюрного тира сложил ладони рупором и орал, словно на плацу. Почти все остальные павильоны были пусты, их хозяева ретировались — очевидно, отправились смотреть крикетный матч. Отважный майор Прайс остался. Поняв, что его заметили, он поднырнул под прилавок и заспешил к ним.

— Подозреваю, он слышал? — спросила Лесли.

— Уверен, что слышали все, — сказал Дик, которого вдруг охватило жгучее смущение и приступ гордости. — Ты не против?

— Против! — воскликнула Лесли. — Против?

— Дружище! — начал майор, поглубже нахлобучивая свое твидовое кепи и слегка поскальзываясь на стриженой траве. — Дорогая! Я вас весь день везде ищу. И моя жена тоже! Так это правда?

Дик попытался напустить на себя невозмутимый вид, но выглядел при этом столь же невозмутимо, как раздуваемый ветром тент.

— Что именно, майор?

— Это бракосочетание! — многозначительно произнес майор Прайс едва ли не страдальческим тоном. Он нацелил на них палец. — Вы правда собираетесь пожениться?

— Да. Это точно правда.

— Дружище! — повторил майор.

Он понизил голос, переходя на торжественный тон, более подходящий для похорон, чем для свадьбы. Майор Прайс в преддверии важных событий становился сентиментальным, к немалому смущению окружающих. Он по очереди пожал им руки.

— Я в восторге! — заявил он с искренней симпатией, отчего у Дика Маркхэма потеплело на душе. — Как нельзя более кстати! Самое время! И я так считаю, и моя жена. Когда назначена свадьба?

— Мы пока еще точно не решили, — ответил Дик. — Извините, что опоздали на праздник. Однако мы были…

— Заняты! — подхватил майор. — Заняты! Понимаю! Больше ни слова об этом!

Строго говоря, ему не полагалось именоваться майором, поскольку он никогда не был кадровым военным, а до звания дослужился во время последней войны, но оно так шло Горацию Прайсу, что иначе его и не называли.

На самом деле он был стряпчим, и весьма расторопным. Вся деревня Шесть Ясеней, не говоря уже о половине округи, в случае судебной тяжбы отправлялась прямиком в его контору на Хай-стрит. Однако благодаря манере держаться, благодаря

плотно сбитой фигуре, подстриженным песочным усам и веснушчатому жизнерадостному лицу с голубыми глазами, а также исчерпывающим (и по временам утомительным) познаниям в делах военных или спортивных, он был «майором Прайсом» даже в глазах мировых судей.

И теперь он стоял перед ними, лучась улыбкой, покачиваясь взад-вперед на каблуках и потирая руки.

— Между прочим, это просто необходимо отпраздновать, — заявил он. — Все захотят вас поздравить. И моя жена, и леди Эш, и миссис Миддлсворт, и вообще все! Ну а пока что…

— А пока что, — предложила Лесли, — не спрятаться ли нам?

Майор Прайс непонимающе захлопал глазами:

— Спрятаться?

У них над головами пролетел выброшенный бумажный пакет, подхваченный крепчающим ветром. Дубы вокруг Эшхолла махали ветвями, а парусина павильонов хлопала, словно флаги в ураган.

— Сейчас начнется буря, — пояснил Дик. — Надеюсь, эти шатры надежно закреплены. Если нет, придется их потом собирать по всему соседнему графству.

— А, ничего с ними не случится, — заверил его майор. — Да и буря уже не имеет значения. Мероприятие почти окончено.

— Хорошо у вас шли дела?

— Дела, — сказал майор, — шли великолепно. — В его светло-голубых глазах отразилось бесконечное воодушевление. — Кстати, некоторые оказались чертовски хорошими стрелками. Например, Синтия Дрю…

Майор Прайс осекся. И краска вдруг бросилась ему в лицо, словно он допустил дипломатическую промашку. Дик с привычным раздражением понадеялся, что они не начнут снова тыкать ему в нос Синтией Дрю.

— Лесли, — произнес он громко, — сгорает от желания посетить этого предсказателя будущего. Если он, конечно, еще у себя. Так что вы нас извините, но нам надо бы поторопиться.

— Да ничего подобного! — решительно возразил майор.

— В смысле?

Майор Прайс протянул руку и крепко взял Лесли за запястье.

— Идите, конечно, к предсказателю. Он все еще сидит в своем шатре. Но первым делом, — широко усмехнулся майор, — вы должны оказать честь

моему аттракциону.

— Стрелять? — воскликнула Лесли.

— Всенепременно! — подтвердил майор.

— Нет! Прошу вас! Не надо!

Дик обернулся. Смятение в голосе Лесли удивило его. Однако майор Прайс в своем тяжеловесном и подавляющем благодушии не обратил внимания на волнение девушки.

Когда капля дождя клюнула Дика в лоб, майор повлек обоих к миниатюрному тиру. Тот представлял собой подобие сарая с дощатыми стенами и парусиновой крышей, а задней стенкой служил стальной лист, выкрашенный черной краской. Полдюжины картонных мишеней висели на фоне задней стены на веревке, закрепленной на блоке, чтобы их можно было подтягивать к себе после выстрела, не сходя с места.

Поднырнув под прилавок, майор Прайс нажал на выключатель. Над каждой мишенью загорелась маленькая электрическая лампочка, хитроумно запитанная от сухих батареек. На прилавке лежала богатая коллекция легких винтовок, в основном 22-го калибра, которые майор насобирал по всем Шести Ясеням.

— Вы первая, юная леди! — сказал он, сурово указав на почти наполненную монетами мис-

ку на столе. — Полкроны за шесть выстрелов. Понимаю, цена возмутительная, но это же на благотворительность. Попробуйте!

— Честное слово, — сказала Лесли, — лучше не надо!

— Чепуха! — возразил майор, выбирая небольшую винтовку и любовно проводя по ней рукой. — Вот, аккуратная маленькая модель, «Винчестер–61», бескурковая. Отлично подойдет, чтобы избавиться от мужа после свадьбы. — Он громко фыркнул. — Попробуйте!

Дик, уже положив в миску полкроны, разворачивался, чтобы поторопить ее, но замер на полпути.

В глазах Лесли Грант застыло выражение, которое он не сумел понять, за исключением мольбы и страха. Она успела снять свою широкополую шляпу; длинное каре густых каштановых волос, завитых наружу на уровне плеч, немного растрепалось от ветра. В этот момент душевного напряжения она была хороша, как никогда. Она выглядела лет на восемнадцать, а не на те двадцать восемь, в которых признавалась.

— Знаю, это глупо, — выдохнула она. Ее тонкие пальцы мяли широкие поля шляпы. — Только я боюсь оружия. Все, что связано со смертью или

хотя бы с мыслью о смерти…

Песочные брови майора Прайса поползли вверх.

— Черт побери, юная леди, — запротестовал он, — от вас же не требуется никого убивать. Просто взять винтовку и пальнуть в одну из мишеней. Попробуйте!

— Слушайте, — вмешался Дик, — если Лесли действительно не…

Очевидно убеждая себя, что это просто развлечение, Лесли закусила нижнюю губу и взяла у майора Прайса винтовку. Сначала она попыталась удержать ее на вытянутых руках, но поняла, что так ничего не получится. Она огляделась по сторонам, охваченная сомнением, затем прижалась щекой к прикладу и выстрелила не целясь.

Винтовочный выстрел, не столько грохот, сколько треск, потонул в раскате грома. Отметины от пули на мишени не появилось. И громовой раскат, похоже, окончательно сломил дух Лесли. Она довольно спокойно положила винтовку обратно на стойку. Однако Дик с внезапным испугом увидел, что она дрожит всем телом и готова расплакаться.

— Простите, — сказала она, — я не могу.

— Из всех толстокожих скотов в мире, — отче-

канил Дик Маркхэм, — я, должно быть, самый толстокожий, я даже не понял…

Он коснулся ее плеч. Осознание того, что она так близко, оказалось настолько сильным и волнующим, что он наверняка снова обнял бы ее, если бы не присутствие майора Прайса. Лесли уже пыталась засмеяться, и у нее почти получилось.

— Все в полном порядке, — заверила она вполне искренне. — Понимаю, что нельзя быть такой дурочкой. Но просто вот… — Она с жаром развела руками, не найдя подходящего слова. Затем она взяла с прилавка свою шляпу. — Можно уже пойти к предсказателю?

— Ну, разумеется, я пойду с тобой.

— Он принимает только по одному, — сказала Лесли. — Они всегда так делают. Ты останься, достреляй за меня. Ведь… ты же не уйдешь?

— Чтобы я ушел? — угрюмо произнес Дик. — Да это самая большая нелепость, какая только могла прийти тебе в голову.

Они мгновение глядели друг на друга, прежде чем она покинула его. И Дик почувствовал себя скверно: хотя она всего лишь направлялась в шатер в какой-то дюжине ярдов, они все равно расставались. И теперь он стоял и проклинал себя вслух, что так расстроил Лесли из-за какой-то

винтовки, и проклинал весьма обстоятельно, отчего даже майор Прайс, немного послушав его в виноватом молчании, похоже, забеспокоился.

Майор кашлянул.

— Женщины! — произнес он глубокомысленно, хмуро покачивая головой.

— Да. Но черт подери, я должен был догадаться!

— Женщины! — повторил майор. Он протянул Дику винтовку, и тот машинально взял ее. После чего майор продолжил с некоторой завистью: — Вы счастливчик, мальчик мой.

— Бог мой, а то я не знаю!

— Эта девушка, — заметил майор, — просто чертовка какая-то. Приехала сюда полгода назад. Свела с ума половину мужчин в округе. Деньги, конечно, тоже. И... — Тут он умолк. — Подумать только!

— Что, майор Прайс?

— Вы сегодня видели Синтию Дрю?

Дик бросил на него испепеляющий взгляд. Майор не смотрел на Дика, вместо того с большим интересом изучая ряд винтовок на стойке.

— Послушайте, — начал Дик. — Между Синтией и мной никогда ничего не было. Мне хочется, чтобы вы поняли это.

— Я это знаю, дружище! — поспешно заверил его собеседник, стараясь при этом выглядеть непринужденно. — Я нисколько не сомневаюсь! Но все равно в известной степени женщины…

— Какие женщины?

— Моя жена. Леди Эш. Миссис Миддлсворт. Миссис Эрншоу.

И снова Дик бросил взгляд на собеседника, изображавшего беззаботность. Майор Прайс оперся одним локтем о стойку, плотный силуэт на фоне маленьких огоньков над мишенями. И снова ветер пронесся между шатрами, раздувая пыль и поднимая парусину, но никто из них не обратил на это внимания.

— Минуту назад, — заметил Дик, — вы утверждали, что они хотят поздравить нас. Вы намекнули, что они прочесывают графство в поисках нас, чтобы осыпать поздравлениями.

— Все именно так, дружище! Это чистая правда!

— Так в чем дело?

— Однако же они искренне считают — заметьте, я всего лишь хочу вас предостеречь! — они искренне считают, что в известной степени бедняжка Синтия…

— Бедняжка Синтия?

— В некотором роде. Да.

Жестом отодвинув майора Прайса в сторону, Дик прижал винтовку к плечу и выстрелил. Грохот выстрела походил на ответную реплику, хотя он рассеянно отметил про себя, что попал в среднюю мишень, лишь немного не дотянув до «яблочка». Они с майором беседовали тем настороженным, заговорщическим тоном, каким мужчины обычно обсуждают опасные личные темы.

Но Дик сознавал, какие могучие силы скрываются в тишине Шести Ясеней, какая удавка пересудов затягивается.

— На протяжении двух с лишним лет, — произнес он с горечью, — вся деревня пыталась свести меня с Синтией, хотели мы того или нет.

— Я понимаю, дружище. Очень хорошо понимаю!

Дик снова выстрелил.

— Но ничего между нами нет, говорю же вам! Я никогда не обращал внимания, никакого серьезного внимания на Синтию. И Синтия это знает. Она не могла неверно меня понять, даже если другие превратно истолковали мое поведение.

— Мальчик мой, — сказал майор, проницательно глядя на него, — можно сколько угодно не

обращать внимания на девушку, но она все равно гадает, не скрывается ли за этим что-нибудь. Однако, заметьте, я прекрасно понимаю вашу точку зрения!

Дик выстрелил еще раз.

— А что до того, чтобы жениться, на радость обществу, уж извините. Лесли я люблю. Я влюбился в нее, как только она приехала сюда. Вот и все. Хотя что она во мне нашла…

Майор Прайс хмыкнул.

— Ну-ну! — произнес он с укоризной, оглядев Дика с головы до пят и махнув рукой. — В конце концов, вы наша местная знаменитость.

Дик что-то буркнул.

— Или, точнее, — поправился майор, — теперь вы одна из двух наших местных знаменитостей. Вам еще никто не рассказал о прорицателе?

— Нет. Кто он такой? Я имею в виду, это не может быть кто-то из своих, иначе его узнали бы и объявили его предсказания надувательством. Однако все, кажется, в один голос утверждают, что он исключительно хорош. Кто же он?

На прилавке стояла открытая коробка с патронами. Майор Прайс рассеянно нагреб горсть, а потом высыпал все обратно, роняя между пальцами. Он колебался, словно развеселившись от

какой-то мысли.

— Я тут вспомнил, — произнес он, — надо рассказать вам о чертовски смешном розыгрыше, какой я устроил Эрншоу сегодня днем. Эрншоу…

— Погодите, майор, не уходите от темы! Кто такой этот предсказатель?

Майор Прайс настороженно огляделся.

— Я открою вам, — решился он, — если вы пообещаете хранить пока тайну, потому что он не хочет шумихи. Вероятно, он один из величайших, ныне здравствующих авторитетов в мире криминалистики.

Глава вторая

— Авторитет в мире криминалистики? — переспросил Дик.

— Да. Сэр Харви Гилмэн.

— Неужели вы имеете в виду патологоанатома из Министерства внутренних дел?

— Его самого, — с удовольствием подтвердил майор Прайс.

Не только изумленный, но и встревоженный, Дик развернулся, чтобы внимательнее взглянуть на красно-белый полосатый шатер, над входом в который дергалась и манила на ветру призрачная картонная рука.

И он увидел странный театр теней.

Вокруг клубилась теперь такая тьма, что он с трудом различал табличку, гласившую: «Великий свами, читает по ладони и в хрустальном шаре. Видит все, знает все», которая украшала эту аляповатую конструкцию. Однако в шатре горел свет, лампочка наверху. И в темноте на освещенной стенке шатра отчетливо вырисовывались две тени находившихся внутри людей.

Тени размазывались, колыхаясь вместе с тре-

вожно раздувавшейся парусиной. И все же Дик различил женский силуэт с одной стороны, а с другой — отделенную от женщины каким-то подобием стола, приземистую, размахивавшую руками тень с удивительной, похожей на луковицу головой.

— Сэр Харви Гилмэн! — пробормотал Дик.

— Сидит там, — пояснил майор, — с тюрбаном на башке и рассказывает людям все о них самих. Он весь день был гвоздем программы.

— Он что-нибудь понимает в хиромантии или магических шарах?

Майор Прайс ответил кратко:

— Нет, мальчик мой. Зато он понимает в человеческой природе. А в этом, между прочим, и состоит весь секрет предсказаний.

— Но что сэр Харви Гилмэн здесь делает?

— Он снял на лето коттедж Поупа. Ну, вы знаете, в Виселичном переулке, недалеко от вас. — Майор снова хмыкнул. — Нас познакомил начальник полиции, и меня посетило вдохновение.

— Вдохновение?

— Именно. Я подумал: какая прекрасная мысль — попросить его сыграть предсказателя будущего и до самого последнего момента не раскрывать его личность. Более того, мне кажется, старик

развлекается вовсю.

— А какой он на самом деле?

— Маленький сухопарый старичок с блестящими глазками. Но, как я уже сказал, мне кажется, он веселится на полную катушку. Об этом знают супруги Эш — он вчера вечером чуть не довел леди Эш до обморока, — доктор Миддлсворт и еще пара человек.

Тут майор Прайс осекся и снова заорал, как на плацу, едва ли не в ухо Дику. Потому что один из только что упомянутых персонажей как раз торопливо лавировал между шатрами в сторону Эш-холла.

Доктор Хью Миддлсворт, с непокрытой головой и сумкой с клюшками для гольфа на плече, широко шагал, стараясь обогнать дождь. Он отвечал за гольф на этом приеме: вам предлагалось, сделав несколько коротких ударов, уложить мяч на импровизированную подставку и получить символические призы в зависимости от того, сколько ударов потребовалось, чтобы добраться до цели. На призыв майора Прайса он яростно замотал головой, однако майор так настаивал, что доктор неохотно подошел к тиру.

Хью Миддлсворт был и хороший доктор, и всеобщий любимец.

Причины этой всеобщей любви, наверное, трудно поддавались объяснению. Этот тишайший из людей был не особенно разговорчив. У него имелись любящая, хоть и острая на язык жена и весьма многочисленное семейство.

Лет сорока, худощавый, с тонкими каштановыми волосами, начавшими редеть на макушке, доктор Миддлсворт обычно выглядел слегка встревоженным. Морщинки залегали у него вокруг глаз и рта с узкой полоской каштановых усов. Щеки были впалые, как и виски. А реплики в разговоре ему заменяла понимающая улыбка, которая вспыхивала вдруг, освещая все лицо. Происходило это бессознательно — привычка врача, беседующего с больным, однако улыбка эта творила чудеса.

Подходя к ним сейчас и перебрасывая с плеча на плечо сумку с клюшками, доктор глядел на майора Прайса с удивлением.

— Разве вы не на крикетном матче? — спросил он.

— Нет, — ответил майор, хотя и вопрос, и ответ были совершенно излишними. — Вот подумал, задержусь-ка здесь… присмотрю за предсказателем. Я как раз только что рассказывал Дику о сэре Харви Гилмэне.

— А-а, — протянул доктор Миддлсворт.

Он раскрыл рот, словно собираясь что-то добавить, но передумал и снова закрыл.

— Кстати, — продолжал майор, — там сейчас Лесли Грант узнаёт свою судьбу. Если он скажет ей, что она встретит достойного человека и отправится в путешествие, это будет чистая правда. — Он указал на Дика. — Эти двое собираются пожениться.

Доктор Миддлсворт ничего не сказал. Он просто улыбнулся и протянул руку с сильными ловкими пальцами. Однако Дик понимал, что это он от души.

— Я кое-что слышал об этом, — признался доктор. — От жены. — Выражение легкой тревоги вернулось, и он замялся. — Что касается сэра Харви…

— Если учесть, чем занимается этот молодой человек, — подхватил майор, выразительно похлопывая Дика по плечу, — сэр Харви должен быть просто бесценен. А?

— «Бесценен», — с жаром отозвался Дик, — это не то слово. Этот человек выдавал экспертное заключение по каждому убийству, нашумевшему или оставшемуся незамеченным, на протяжении последних тридцати лет. Один мой друг какое-то

время жил по соседству с ним в Бейсуотере, так он рассказывал: тот зачастую возвращался домой с чьими-нибудь кишками в открытой стеклянной банке. Ральф говорит, что старик — ходячая криминальная энциклопедия, если только удастся его разговорить. А еще…

В этот момент все трое вздрогнули.

Одной из причин была короткая вспышка молнии, залившая мертвенной бледностью пейзаж, а за ней последовал ошеломительно близкий раскат грома. Молния высветила все вокруг в мельчайших деталях, словно вспышка фотоаппарата.

На заднем плане она выхватила тусклый силуэт Эш-холла из красного кирпича, с тонкими дымовыми трубами и окнами с частым переплетом, теперь словно залитыми лунным светом, — поместье почтенное, хотя обветшавшее, под стать владельцу. Она выхватила буйно раскачивавшиеся деревья. Выхватила худощавое озабоченное лицо доктора Миддлсворта и упитанную благодушную физиономию майора Прайса, сейчас повернувшегося к шатру предсказателя. Когда снова опустилась тьма и громовой раскат завершился треском, их внимание привлекло кое-что иное.

Внутри шатра предсказателя творилось нечто неладное.

Тень Лесли Грант вскочила с места. Тень мужчины тоже стояла на ногах, тыкая в нее пальцем через стол. И причудливость этой сцены с пляшущими на освещенной стене тенями не скрывала ее тревожного характера.

— Эй! — выкрикнул Дик Маркхэм, с трудом понимая, против чего протестует.

Однако гневное возмущение этих фигур он ощущал так же ясно, как будто они стояли рядом. Тень Лесли Грант развернулась, и сама Лесли выскочила из шатра.

Дик побежал к ней, забыв, что все еще держит под мышкой винтовку. Он увидел, как она застыла — белая фигура в сумраке, — словно пытаясь овладеть собой.

— Лесли! Что случилось?

— Случилось? — эхом отозвалась она. Голос ее звучал спокойно и мягко, едва ли выбиваясь из обычной тональности.

— Что он тебе наговорил?

Дик скорее ощутил, чем увидел, как карие глаза с поразительно яркими белками под ниточками бровей впились в его лицо.

— Ничего он мне не наговорил! — возразила

Лесли. — На самом деле мне кажется, что не так уж он и хорош. Обычная песня о счастливой жизни, неопасная болезнь — ничего серьезного, а еще письмо с приятными новостями.

— Тогда почему ты так перепугалась?

— Я не пугалась!

— Извини, дорогая. Но я видел твою тень на стенке шатра. — Тяготясь увиденным и волнуясь все сильнее, Дик принял решение. С трудом сознавая, что делает, он сунул винтовку в руки Лесли. — Вот, подержи минутку!

— Дик! Куда ты?

— Хочу сам посмотреть на этого типа.

— Но тебе нельзя!

— Почему это?

Вместо нее ответил дождь. Упало две-три крупные капли, а затем множество их пробежало по лужайке, как будто все деревья разом, шепча все настойчивее, уговорили наконец тучи пролиться дождем.

Поглядев по сторонам, Дик увидел, что до сих пор почти пустынные лужайки запружены народом, который бежал с крикетного матча, проводившегося на другой стороне поместья. Майор Прайс спешно собирал свои винтовки. Жестом позвав его и указав на Лесли, Дик кос-

нулся ее руки.

— Иди к дому, — сказал он. — Я скоро. — После чего он откинул полог шатра и нырнул внутрь.

Из душных недр его резко ударил голос, высокий, певучий, делано гортанный.

— Сожалею! — произнес голос. — Но мои силы иссякли. Только что ушел последний клиент. Я не в состоянии больше принять сегодня ни одной леди и ни одного джентльмена.

— Все в порядке, сэр Харви, — сказал Дик. — Я пришел сюда не для того, чтобы узнать судьбу.

Затем они посмотрели друг на друга. Дик Маркхэм не понял, почему его собственный голос застрял в горле.

В замкнутом пространстве едва ли в шесть квадратных футов под потолком висела электрическая лампочка, прикрытая абажуром. Ее свет проходил через сияющий магический шар и падал на столик, накрытый бархатом сливового оттенка, добавляя нечто гипнотическое к удушливой атмосфере.

За столиком сидел предсказатель, тощий и сухопарый коротышка лет пятидесяти с небольшим, в белом льняном костюме и с красочным тюрбаном, наверченным на голову. Из-под тюрбана глядело интеллигентное лицо с острым

носом, прямой линией рта, выпирающим подбородком и ужасно нахмуренным лбом. От уголков весьма примечательных глаз разбегались лучики морщин.

— Так вы меня знаете, — проговорил он нормальным голосом, сухим, словно у школьного директора. Он кашлянул, прочищая горло, потом кашлянул еще несколько раз, возвращаясь к верному тону.

— Правильно, сэр.

— Так чего же вы хотите, молодой человек? — Капли дождя ударили по шатру барабанной дробью.

— Я хочу знать, — ответил Дик, — что вы наговорили мисс Грант.

— Какой мисс?

— Мисс Грант. Той молодой леди, которая только что вышла от вас. Моей невесте.

— Ах, невесте…

Морщинистые веки встрепенулись. Майор Прайс говорил, что эта затея веселит сэра Харви Гилмэна. Необходимо обладать несколько сардоническим чувством юмора, подумал Дик, чтобы целый день провести в душной жаре, разговаривая с фальшивым акцентом и в качестве развлечения препарируя тех, кто сидит напро-

тив. Однако сейчас не осталось даже намека на веселье.

— Скажите мне, мистер…

— Моя фамилия Маркхэм. Ричард Маркхэм.

— Маркхэм. — Взгляд «великого свами» как будто обратился внутрь. — Маркхэм. Кажется, в Лондоне я периодически вижу пьесы сочинения некоего Ричарда Маркхэма? Пьесы того сорта, который называют, как мне кажется, — он замялся, — психологическим триллером?

— Именно так, сэр.

— В которых анализируются, если я правильно помню, образ мысли и мотивы людей, совершающих преступления. Так это вы автор?

— Извлекаю из материала все, что могу, — сказал Дик, внезапно ощутив желание оправдаться под этим взглядом.

«Да, — подумал он, — старик доволен». Сэр Харви издал звук, который сошел бы за смешок, если бы он удосужился чуть приоткрыть рот. Однако лоб по-прежнему оставался нахмуренным.

— Не сомневаюсь, мистер Маркхэм. А фамилия этой леди, вы сказали…

— Грант. Лесли Грант. — Он произнес эти слова как раз в тот момент, когда разразилась гроза и дождь полил как из ведра. Он лупил по крыше

шатра с таким гулким барабанным грохотом, что Дику пришлось перекрикивать шум. — Что это за загадки?

— А скажите-ка мне, мистер Маркхэм. Давно ли она живет здесь, в Шести Ясенях?

— Нет. Примерно полгода. Но в чем дело?

— Давно ли вы с ней помолвлены? Поверьте мне, у меня имеются причины для подобных вопросов.

— Мы обручились только вчера вечером. Но…

— Только вчера вечером, — повторил его собеседник без всякого выражения.

Лампочка под крышей шатра слегка покачивалась, отчего по поверхности хрустального шара скользили яркие всполохи. Грохот дождя усилился, перерастая в рев и заставляя дрожать парусиновые стенки. Сэр Харви Гилмэн, с интересом рассматривавший своего гостя из-за магического шара, развернул руку ладонью вверх и постучал костяшками пальцев, легонько и с ленцой, по покрытому бархатом столу.

— Еще один вопрос, молодой человек, — проговорил он заинтересованным тоном. — Откуда вы черпаете материал для своих пьес?

В любой другой момент Дик был бы только счастлив рассказать ему. Он был бы польщен,

даже заикался бы от восторга. Он понимал, что, похоже, оскорбляет сейчас остроносого старого патологоанатома, даже настраивает его враждебно. Однако он достиг точки отчаяния.

— Да ради бога, в чем дело?

— Я просто соображаю, как лучше донести это до вас, — пояснил сэр Харви, первый раз демонстрируя проблески человечности. Он поднял глаза. — Вам известно, кто на самом деле эта так называемая Лесли Грант?

— И кто же она на самом деле?

— Полагаю, — произнес сэр Харви, — мне лучше сказать вам.

Сделав глубокий вдох, он поднялся со своего стула по другую сторону стола. И в этот миг Дик услышал треск винтовочного выстрела.

После чего мир погрузился в кошмар.

Хотя звук был негромкий, голова Дика была уже настолько забита винтовками и мишенями, что он увидел происходящее буквально во всех деталях.

Он увидел, как в стенке шатра появилась маленькая черная дырочка от пули и ткань вокруг нее начала сереть из-за просачивающейся влаги. Он увидел, как сэра Харви швырнуло вперед — словно от удара кулака, врезавшегося ему прямо

под левую лопатку. Он увидел, в одной краткой вспышке, как невозмутимое выражение лица патологоанатома сменилось гримасой ужаса.

Столик и человек едва не повалились на Дика. Но у него не было времени даже для того, чтобы протянуть руку, когда все это с грохотом приземлилось рядом с ним. Рука самого сэра Харви судорожно подергивалась, он увлек за собой покрывало со стола, и магический шар с глухим стуком упал на утоптанную траву. А затем, когда Дик увидел, как призрак кровавого пятна обретает форму и густеет на ткани белого льняного костюма, снаружи донесся ясный голос:

— Майор Прайс, я ничего не могла поделать!

Это был голос Лесли.

— Мне ужасно жаль, но я ничего не могла поделать! Зачем Дик вообще дал мне это ружье! Меня кто-то тронул за руку, а палец у меня лежал на спусковом крючке, и винтовка сама выстрелила! — Голос звучал где-то совсем близко, и даже сквозь шум дождя в нем угадывалась страдальческая мягкость и искренность. — Я… я надеюсь, ни в кого не попала?

Глава третья

В тот вечер, в половине десятого, когда июньские сумерки сгущались за окнами, Дик Маркхэм метался по кабинету в своем доме на окраине Шести Ясеней.

— Вот если бы еще не думать, — говорил он самому себе, — я был бы в полном порядке. Но как же я могу не думать?

Это же факт, что тень сэра Харви Гилмэна отчетливо вырисовывалась на стенке шатра — идеальная мишень, если бы кто-то хотел его застрелить.

«Но то, о чем ты думаешь, просто невозможно!»

— Всему этому делу, — втолковывал он себе, — найдется самое простое объяснение, если ты перестанешь пороть горячку. Прежде всего необходимо избавиться от этой паутины подозрений, от этих безобразных липких нитей, которые опутывают разум и нервы, и тебе уже кажется, что на конце каждой болтается по пауку. Ты любишь Лесли. Все остальное вообще не имеет никакого значения.

«Лжец!

Майор Прайс уверен, что выстрел произошел случайно. Того же мнения придерживается доктор Миддлсворт. И Эрншоу, банковский управляющий, который так неожиданно появился, когда сэр Харви Гилмэн рухнул с засевшей в нем пулей. И только ты один…»

Дик перестал метаться и медленно обвел взглядом кабинет, где написал столько страниц, удачных и не очень.

На столе горели лампы под шарообразными абажурами, заливая золотистым светом уютный беспорядок и отражаясь в рядах ромбовидных стекол в окнах. Имелся здесь и камин из темного кирпича, украшенный белым узором над полкой. На стенах висели вставленные в рамки театральные фотографии и пестрые афиши — из Театра комедии, театра «Аполлон», театра Святого Мартина, — объявлявшие о пьесах Ричарда Маркхэма.

С одной стены смотрела «Ошибка отравителя», с другой — «Переполох в семействе». Попытки постичь разум преступника, увидеть жизнь его глазами, проникнуться его чувствами. Афиши занимали те участки стены, которые еще не были захвачены книжными шкафами, вмещавшими

труды по разным патологиям и криминальной психологии.

Была и конторка с пишущей машинкой, сейчас закрытой чехлом. А еще вращающаяся книжная полка с разными справочниками. Стояли туго набитые кресла и пепельницы на высоких ножках. На окнах висели пестрые ситцевые занавески, на полу лежали пестрые лоскутные коврики. Это была башня из слоновой кости Дика Маркхэма, настолько удаленная от большого мира, насколько и сама деревня Шесть Ясеней.

И даже название переулка, в котором он жил…

Он закурил очередную сигарету, глубоко затягиваясь в нелепой попытке вызвать у себя головокружение. Он все еще затягивался, когда зазвонил телефон.

Дик схватил трубку так поспешно, что едва не сбил аппарат на пол.

— Алло, — произнес настороженный голос доктора Миддлсворта.

Прокашлявшись, Дик отложил сигарету на край стола, чтобы взять трубку обеими руками.

— Как там сэр Харви? Он жив?

Последовала короткая пауза.

— О да. Он жив.

— А с ним… он выздоровеет?

— О да. Он будет жить.

Дик ощутил головокружительный прилив облегчения, как будто камень свалился с души, на лбу выступили капельки пота. Он взял сигарету, машинально сделал несколько затяжек, затем швырнул окурок в камин.

— Дело в том, — продолжал доктор Миддлсворт, — что он хочет вас видеть. Вы не могли бы прийти к нему прямо сейчас? Тут всего-то несколько сотен ярдов, потому я подумал…

Дик уставился на телефонный аппарат:

— А ему позволено принимать посетителей?

— Да. Сможете прийти прямо сейчас?

— Уже иду, — сказал Дик, — только сперва позвоню Лесли и расскажу ей, что все в порядке. Она названивает мне весь вечер и едва не сходит с ума.

— Я знаю. Сюда она названивает тоже. Однако… — в голосе доктора звучала уже не просто тень сомнения, — он настаивает, чтобы вы не делали этого.

— Не делал чего?

— Не звонили Лесли. Не сейчас. Он объяснит, что имеет в виду. И пока что, — доктор снова ощутимо замялся, — никого с собой не приводите и никому не рассказывайте о том, что я только

что вам сообщил. Обещаете?

— Хорошо, хорошо!

— Даете слово чести, что не станете?

— Да.

Дик медленно, пристально глядя на телефон, словно в надежде, что тот нечаянно выдаст тайну, положил трубку. Перевел взгляд на стеклянные ромбики в окнах. Гроза давно уже отбушевала, наступил ясный звездный вечер, дурманящие ароматы мокрой травы и цветов успокаивали истерзанный разум.

А в следующий миг он развернулся на месте, звериным чутьем ощутив чужое присутствие, и увидел, что из дверей кабинета на него смотрит Синтия Дрю.

— Привет, Дик, — улыбнулась Синтия.

Дик Маркхэм поклялся себе, поклялся самой страшной клятвой, что не ощутит неловкости, когда увидит эту девушку в следующий раз, что не станет прятать от нее глаза, не испытает это доводящее до исступления чувство, будто бы он совершил какую-то низость. Не вышло.

— Я постучала в переднюю дверь, — пояснила она, — но, похоже, меня никто не услышал. А дверь была открыта, поэтому я и вошла. Ты не против?

— Нет, конечно нет!

Синтия тоже не смотрела ему в глаза. Разговор как будто иссяк, пересохший поток разделял их, пока она не решилась высказать, что у нее на уме.

Синтия была из числа тех пышущих здоровьем бесхитростных девушек, которые часто смеются, но все же по временам кажутся не такими простыми, как их более легкомысленные сестры. Она была, безусловно, хорошенькая: белокурые волосы, голубые глаза, прекрасный цвет лица и ровные зубы. Она стояла, вертя ручку на двери кабинета, а потом — раз! — и стало видно, как она приняла какое-то решение.

Можно было догадаться не только о том, что́ она скажет, но и как именно она это скажет. Синтия поглядела прямо на него. Сделала глубокий вдох. Она была одета в розоватый джемпер, выгодно подчеркивавший ее фигуру, коричневую юбку, чулки цвета загара и туфли. Она шагнула вперед с просчитанной импульсивностью и протянула руку:

— Я слышала о вас с Лесли. Очень рада, надеюсь, вы оба будете ужасно счастливы.

А ее глаза в то же время говорили: «Не думала, что ты способен на такое. Это, разумеется, не

имеет значения, и ты же видишь, что я веду себя как паинька, однако я все же надеюсь, ты понимаешь, насколько это низко с твоей стороны?»

(О, черт побери!)

— Спасибо, Синтия, — ответил он вслух. — Мы и сами очень рады.

Синтия засмеялась и тут же, как будто осознав неуместность этого смеха, умолкла.

— На самом деле я пришла не за этим, — продолжала она, невольно краснея, — а из-за этой ужасной истории с сэром Харви Гилмэном.

— Да.

— Это ведь сэр Харви Гилмэн, так? — Она кивнула на окна, продолжая торопливо говорить. Не будь Синтия такой основательной девушкой, можно было бы сказать, что есть в ней и порывистость, и живость. — Я имею в виду того человека, который несколько дней назад поселился в старом коттедже полковника Поупа и вел себя так таинственно, что даже смог сыграть предсказателя будущего. Это же сэр Харви Гилмэн?

— Да. Все правильно.

— Дик, что случилось сегодня днем?

— Разве тебя там не было?

— Нет. Но говорят, он при смерти.

Дик уже собирался ответить, но вовремя одер-

нул себя.

— Говорят, это был несчастный случай, — продолжала Синтия. — И пуля попала сэру Харви чуть ли не в сердце. Майор Прайс и доктор Миддлсворт подняли его и отнесли в машину, чтобы привезти сюда. Бедняжка Дик!

— С чего это ты жалеешь меня?

— Лесли — чудесная девушка, — она произнесла это с такой очевидной и неприкрытой искренностью, что он ни на секунду не усомнился, — однако… не надо было давать ей винтовку. Правда, не стоило. Она не умеет обращаться с прозаическими вещами. Майор Прайс говорит, что сэр Харви в коме и умирает. Ты ничего не слышал от доктора?

— Э-э… нет.

— Все страшно расстроены. Миссис Миддлсворт говорит, это лишь доказывает, что не нужно было устраивать тир. Миссис Прайс довольно резко ей возразила, ведь тиром занимался майор. Но в самом деле, такая жалость, хотя святой отец подсчитал, что мы собрали со всей ярмарки больше сотни фунтов. А народ начинает распускать самые нелепые слухи.

Синтия стояла рядом с конторкой для пишущей машинки, рассеянно поднимая разбросанные

рядом книги, чтобы тут же положить обратно, и говорила, чуть задыхаясь. У нее самые добрые намерения, подумал Дик; она такая чертовски прямодушная, дружелюбная и милая. И все же одна проблема, проблема сэра Харви Гилмэна, терзала его, как начал терзать и голос Синтии.

— Послушай, Синтия. Я прошу прощения, но мне надо уйти.

— Никто не видел лорда Эша и не спросил, что думает он. Правда, мы же очень редко его видим, да? Кстати, почему лорд Эш всегда так странно смотрит на бедняжку Лесли в тех редчайших случаях, когда они все же встречаются? Леди Эш… — Синтия умолкла, словно очнувшись. — Что ты сказал, Дик?

— Мне надо уйти.

— К Лесли? Ну конечно!

— Нет. Выяснить, что происходит в доме по соседству. Со мной хочет поговорить доктор.

Синтия тут же выразила готовность помочь:

— Я иду с тобой, Дик. Все, чем могу, я…

— Нет же, Синтия, я должен пойти один!

Он как будто влепил ей пощечину.

Вот теперь он точно законченная свинья. Ну что поделать!

После краткого молчания Синтия рассмеялась:

тот же негодующий презрительный смешок, который он слышал у нее на теннисном корте, когда кто-то, выйдя из себя, швырнул оземь ракетку. Она смотрела на него пристально, в глазах читалась тревога.

— Ты такой темпераментный, Дик, — произнесла она прочувствованно.

— Я не темпераментный, черт подери! Просто…

— Все писатели такие, мне кажется. От них этого ждут. — Она отмахнулась от этой черты характера, как от чего-то недоступного ее пониманию. — Только, что самое забавное, с тобой писательство как-то не ассоциируется. Я хочу сказать, ты спортивный, в крикет хорошо играешь и все такое. В смысле… ой, милый! Вот, снова я начинаю! Пора меня уже выставлять.

Она не отрывала от него взгляда. Разрумянившись, ее безмятежное лицо с голубыми глазами стало почти прекрасным.

— Но ты всегда можешь рассчитывать на меня, дружище, — прибавила она.

Потом она ушла.

Извиняться теперь уже поздно. Главный злодей этой пьесы выждал достаточно, чтобы девушка успела дойти до деревни. После чего сам вышел

из дома.

Широкий деревенский переулок пролегал с востока на запад, петляя между деревьями и неогороженными полями. Вдоль одной стороны тянулась невысокая каменная стена, обозначавшая границы парка Эш-холла, на другой стороне, разнесенные друг от друга более чем на сто ярдов, стояли три коттеджа.

Первый принадлежал Дику Маркхэму. Второй пустовал. Третий, дальше всех сдвинутый на восток, был сдан вместе со всей обстановкой таинственному приезжему. Все эти дома в Виселичном переулке вызывали живой интерес у гостей. Каждый стоял на порядочном удалении от дороги, и экзотичности им добавляли электрические счетчики, включавшие свет за шиллинги, и отсутствие централизованной канализации.

Когда Дик шагнул в переулок, он услышал, как церковные часы вдалеке на западе пробили десять. Переулок расплывался в сумеречном свете, хотя казался не таким темным, как небосвод со звездным узором, который выглядел так, словно на него смотрели со дна колодца. Ночные ароматы и ночные шорохи отчего-то воспринимались здесь особенно явственно. Приближаясь к последнему дому в ряду, Дик бежал вслепую.

Темно.

Или почти темно.

На другой стороне дороги, напротив коттеджа Поупа, к стене парка вплотную подступала березовая роща. А к самому коттеджу примыкал фруктовый сад, чуть протянувшийся вдоль переулка на восток. В этом месте даже днем было сумрачно, влажно и полно ос. Ночью же Дик вообще не видел дома, если не считать полос света, пробивавшихся в щели между плохо задернутыми занавесками на двух окнах, выходивших на дорогу.

Его, должно быть, услышали или заметили, как он, спотыкаясь, идет вдоль сада. Доктор Миддлсворт открыл парадную дверь и впустил его во вполне современную прихожую.

— Слушайте, — сказал доктор без всяких вступлений. Он говорил своим привычным мягким тоном, но был настроен решительно. — Я не смогу и дальше притворяться. Просто нечестно просить меня об этом.

— Как притворяться? Насколько сильно пострадал старик?

— В том-то все и дело. Он вообще не пострадал.

Дик с мягким стуком прикрыл входную дверь и развернулся.

— Он потерял сознание от шока, — продолжал объяснять доктор Миддлсворт, — так что, разумеется, все решили, он при смерти или уже умер. Я и сам не был уверен, пока не привез его сюда и не осмотрел как следует. Однако, если пуля не угодит вам прямо в сердце или в голову, двадцать второй калибр обычно не особенно опасен для человека.

Слабый проблеск веселья промелькнул в добрых глазах доктора Миддлсворта под нахмуренным лбом. Доктор поднял руку и потер лоб.

— Когда я извлек пулю, он очнулся и стал ругаться на чем свет стоит. Майор Прайс сильно удивился. Он увязался за мной, хотя я всеми силами старался от него отделаться.

— И что же?

— У сэра Харви всего лишь повреждение мягких тканей. Он даже крови почти не потерял. Спина у него поболит несколько дней, но, за исключением этого, он здоровехонек.

Дику потребовалось несколько мгновений, чтобы переварить услышанное.

— А вам известно, — спросил он, — что Лесли Грант буквально с ума сходит? Она-то считает, что убила его.

Всякая веселость схлынула с лица Миддлсвор-

та.

— Да. Знаю.

— Тогда к чему все это?

— Когда майор Прайс уходил, — отвечал доктор, избегая прямого ответа, — сэр Харви взял с него обещание никому ничего не рассказывать. Сэр Харви дал понять, что лучше всего поддерживать слухи, будто бы он в коме и долго не протянет. Однако, зная майора, сомневаюсь, что тайна сохранится надолго.

Эмоции распирали Хью Миддлсворта настолько, что он сделался почти говорливым.

— В любом случае, — посетовал он, — я молчать не смогу. Я его предупредил. Это проявление непрофессионализма. Это неэтично. Кроме того…

И снова, как уже было сегодня днем, доктор раскрыл рот, чтобы что-то сказать или предположить, но затем передумал.

— Только вы так и не ответили на мой вопрос, доктор! К чему все это?

— Он не сказал майору. Он не сказал мне. Возможно, скажет вам. Пойдемте.

Миддлсворт резко протянул руку и повернул ручку двери слева, приглашая Дика войти первым. Он оказался в гостиной, просторной,

несмотря на довольно низкий потолок, с двумя окнами, выходившими в переулок. В самом центре комнаты стоял большой письменный стол, прямо над которым висела лампа. А в кресле рядом со столом, выпрямившись, чтобы не касаться спинки, сидел предсказатель будущего, только уже без своего наряда.

Лицо Харви Гилмэна было настолько угрюмо, что ни для каких других эмоций места не осталось. Дик отметил про себя, что нам нем пижама и халат. Лысая голова без тюрбана, скептический взгляд, острый нос, жесткая сардоническая линия рта. Сэр Харви оглядел Дика с головы до ног.

— Раздражены, мистер Маркхэм?

Дик ничего не ответил.

— Хотя на самом деле, — продолжал сэр Харви, — раздражаться следует мне. — Он выгнул спину дугой, сморщился, плотно сжал губы, прежде чем снова раскрыть рот. — Я предложил провести небольшой эксперимент. Но вот доктор, по-видимому, не одобряет. Надеюсь, что одобрите вы, когда выслушаете мои доводы. Нет, доктор, останьтесь с нами.

На краю пепельницы на письменном столе лежала наполовину выкуренная сигара. Сэр Харви взял ее.

— Поймите меня правильно! — настаивал он. — Мне плевать на абстрактную справедливость. Я палец о палец не ударю, чтобы заложить кого-нибудь полиции. Однако я чрезвычайно любознателен. И хочу найти, пока еще жив, ответ на одну из немногих загадок, перед которой спасовал даже мой друг Гидеон Фелл.

Если вы согласитесь мне помочь, мы могли бы подготовить ловушку. Если нет… — Он взмахнул сигарой, сунул ее в рот и обнаружил, что она безнадежно потухла. В его манере явственно сквозила мстительность. — Теперь о женщине, так называемой Лесли Грант.

У Дика наконец прорезался голос:

— Давайте уточним, сэр. О чем вы начали мне рассказывать перед тем, как все это случилось?

— Насчет женщины, — продолжал его собеседник неспешно. — Вы же влюблены в нее, я полагаю? Или думаете, что влюблены?

— Я знаю, что влюблен.

— Какая незадача! — сухо проговорил сэр Харви. — Впрочем, такое уже случалось раньше. — Он повернул голову, чтобы взглянуть на настольный календарь, показывавший четверг, 10 июня. — Ответьте мне. Она, случайно, не приглашала вас к себе домой на ужин на этой неделе или, может,

на следующей, чтобы отпраздновать событие?

— На самом деле — да. Завтра вечером. Но…

Сэр Харви явно встревожился:

— Так значит, завтра?

Перед мысленным взором Дика явственно возник образ Лесли, стоявшей на фоне своего дома на другом конце Шести Ясеней. Лесли, с ее мягким характером. Лесли, с ее непрактичностью. Лесли, с ее утонченностью. Лесли, которая ненавидит показную роскошь в любом ее проявлении, никогда не красит губы, не носит украшений и броской одежды. Но вся ее скромность и застенчивость спасовали перед натиском природы, сделавшей ее теперь, когда она была влюблена, до крайности безрассудной во всех ее суждениях и поступках.

Все это пронеслось в его сознании, пока перед глазами стояло ее лицо, дышавшее страстью и благородством, не отпускавшее его. Он поймал себя на том, что почему-то срывается на крик.

— Я больше не в силах это выносить! — заявил он. — Что означает вся эта чепуха? Что за обвинения вы выдвигаете? Вы пытаетесь мне сказать, что ее зовут вовсе не Лесли Грант?

— Именно, — отвечал сэр Харви. Он поднял глаза. — Ее настоящая фамилия Джордан. И она отравительница.

Глава четвертая

Повисла пауза, в которую можно было запросто досчитать до десяти. Когда Дик все же ответил, ощущение было такое, словно смысл слов ускользает от него. Он произнес без всякого гнева, даже несколько буднично:

— Это абсурд.

— Почему это абсурд?

— Эта девчушка?

— Этой, как вы говорите, девчушке сорок один год.

Под локтем Дика стоял стул. Он опустился на него. Полковник Поуп, владелец коттеджа, превратил обветшавшую гостиную в место спокойного отдыха. От трубочного дыма белые оштукатуренные стены приобрели сероватый оттенок, а дубовые балки слегка закоптились. По стенам тянулся ряд гравюр на военную тематику начала и середины девятнадцатого столетия, сцены сражений и мундиры немного выцвели от времени, но все еще смотрелись живо. Дик уставился на эти картинки, и они расплылись перед глазами.

— Вы мне не верите, — тихо сказал сэр Харви. — Другого я и не ожидал. Однако я позвонил в Лондон. Завтра сюда прибудет человек из Скотленд-Ярда, который хорошо ее знает. Он привезет с собой фотографии и отпечатки пальцев.

— Погодите минутку! Прошу вас.

— Да, молодой человек?

— И что же, по вашему убеждению, натворила Лесли?

— Она отравила трех человек. Двое были ее мужьями, именно отсюда у нее деньги. А третий…

— Какими еще мужьями?

— Неужели это коробит вашу романтическую душу? — удивился сэр Харви. — Ее первым мужем был американский юрисконсульт по имени Бертон Фостер. Второй, Дэвис, торговал хлопком на бирже в Ливерпуле, вот его имя я позабыл. Оба были людьми зажиточными. А третья жертва, как мне говорили…

Дик Маркхэм прижал ладони к вискам.

— Боже! — произнес он. И неожиданно с этим кратким словом из него вырвалось все скопившееся в душе недоверие, весь протест, все ошеломленное недоумение. Ему не хотелось ничего знать, а хотелось вычеркнуть из жизни последние тридцать секунд.

Сэру Харви хватило милосердия выказать озабоченность и отвести глаза.

— Мне жаль, молодой человек, — он бросил потухшую сигару в пепельницу, — но так оно и есть. — Затем он окинул Дика проницательным взглядом. — И если вы считаете…

— Продолжайте! Что я считаю?

Рот его собеседника скривился в еще более сардонической усмешке.

— Вы сочиняете психологическую чепуху, исследуя сознание убийц. Мне нравятся подобные сочинения, и я охотно в этом признаюсь. Мои коллеги считают, что у меня довольно странное чувство юмора. Но если вы полагаете, что я что-то выдумываю и устраиваю какой-то замысловатый розыгрыш ради восстановления справедливости, выбросите эту мысль из головы. Уж поверьте, ни о каком розыгрыше и речи не идет.

И спустя несколько мгновений Дик в этом убедился.

— Эта женщина, — отчетливо проговорил сэр Харви, — закоренелая преступница. И чем скорее вы смиритесь с этой мыслью, тем скорее придете в себя. И тем безопаснее для вас.

— Безопаснее?

— Именно об этом я и толкую. — Лоб сэра Хар-

ви снова прорезали безобразные морщины. Он заерзал в кресле, пытаясь устроиться поудобнее, а потом сердито замер, пронзенный болью.

— Впрочем, есть один тревожный момент, — продолжал он. — По моему мнению, эта женщина не слишком умна. Однако же она повторяет, повторяет и повторяет свои преступления и выходит сухой из воды! Она изобрела некий способ убийства, который поставил в тупик и Гидеона Фелла, и меня.

Первый раз слово «убийство» прямо прозвучало в отношении Лесли. Из-за него разверзлись новые пропасти, новые двери в чертоги зла распахнулись. Дик по-прежнему пребывал в недоумении.

— Погодите еще немного! — потребовал он. — Минуту назад вы что-то говорили об отпечатках пальцев. Вы хотите сказать, она была под судом?

— Нет. Отпечатки пальцев были сняты неофициально. Она никогда не была под судом.

— Вот как? Тогда откуда же вам знать, что она виновна?

Раздражение заострило черты лица его собеседника.

— Неужели вы не можете поверить мне на слово, мистер Маркхэм, пока из Скотленд-Ярда не прибудет наш друг?

— Я этого не говорил. Я спросил, почему вы выдаете это за факт. Если Лесли виновна, почему же полиция ее не арестовала?

— Потому что не смогла доказать ее вину. Три случая, заметьте! И ни разу они не сумели найти доказательств.

И снова патологоанатом из Министерства внутренних дел, не замечая того, попытался сесть поудобнее. И снова его пронзила боль. Однако сейчас он не обратил на нее внимания. Он едва ли ее заметил. Он барабанил пальцами по туго набитым подлокотникам кресла. Его глаза с озорным огоньком впились в Дика Маркхэма, и язвительно-насмешливое выражение в них граничило с восхищением.

— Полиция, — продолжал он, — сообщит вам все точные даты и подробности. Я могу лишь рассказать то, что мне известно из личных наблюдений. Попрошу вас не перебивать меня больше необходимого.

— Итак?

— Первый раз я столкнулся с этой леди тринадцать лет назад. Наше так называемое правительство тогда еще не удостоило меня титула рыцаря. Я еще не был главным патологоанатомом Министерства. И я часто выезжал на дела

в качестве судебно-медицинского эксперта. И вот одним зимним утром — повторюсь, точные даты назовет полиция — мы узнали, что американский гражданин по фамилии Фостер найден мертвым у себя в гардеробной, смежной со спальней, в доме на Гайд-парк-гарденс. Я отправился на место со старшим инспектором Хэдли, теперь суперинтендантом Хэдли.

Мы решили, что перед нами очевидное самоубийство. Жены покойного в ту ночь не было дома. Труп обнаружили полусидящим на диване у маленького столика в гардеробной. Причиной смерти стала синильная кислота, введенная в левое предплечье с помощью шприца, найденного тут же на полу рядом с ним. — Сэр Харви выдержал паузу.

Довольно жестокая усмешка прорезала морщинистую кожу вокруг рта.

— В процессе ваших изысканий, мистер Маркхэм, — он растопырил пальцы, — ваших, скажем так, изысканий, вы наверняка сталкивались с синильной, или цианистоводородной, кислотой. Проглоченная, она вызывает острую боль, но действует очень быстро. Впрыснутая в кровь, она так же вызывает острую боль, но действует молниеносно.

В случае с Фостером самоубийство казалось несомненным. Ни один человек в здравом уме не позволит убийце сделать себе инъекцию, аккуратно попав в вену, когда синильная кислота уже с десяти шагов разит горьким миндалем. Окна в гардеробной были заперты изнутри. Дверь не только была на засове, но еще и подперта ужасно тяжелым комодом, придвинутым специально. Слуги с большим трудом сумели войти в комнату.

Мы успокаивали сраженную горем вдову, которая только что вернулась домой и в изнеможении проливала потоки слез. Горе такого деликатного создания очень трогало.

Дик Маркхэм изо всех сил цеплялся за здравый смысл.

— И эта вдова, — произнес он, — была…

— Это была женщина, которая называет себя Лесли Грант. Да.

И снова повисло молчание.

— Теперь мы подходим к одному из тех совпадений, которые ошибочно считаются обычными для художественной литературы, но не в реальной жизни. Спустя пять лет, где-то по весне, я случайно оказался в Ливерпуле, давал показания на выездной сессии суда. Хэдли тоже был там, и

совершенно по другому поводу. Мы столкнулись с ним в здании суда, где встречались с местным суперинтендантом полиции. И тот заметил как-то к слову…

Здесь сэр Харви поднял глаза.

— Он сказал: «Крайне любопытное самоубийство случилось на Принц-парк-уэй. Мужчина сделал себе инъекцию цианистоводородной кислоты. Человек уже не молодой, но денег куры не клюют, отменное здоровье, никаких проблем. И все же сомнений в самоубийстве нет. Дело уже закрыто». Он кивком указал на коридор. И мы увидели, как по грязному коридору идет женщина в черном в сопровождении сочувствующих. Я весьма закаленный человек. На меня не так просто произвести впечатление. Однако никогда не забуду выражение лица Хэдли, когда он обернулся и произнес: «Боже мой, опять эта женщина».

Слова были совсем просты. И все же запечатлевались невыносимо ярко.

Когда сэр Харви Гилмэн в задумчивости умолк, доктор Миддлсворт потихоньку прошел через комнату, обогнул большой письменный стол и уселся в скрипучее плетеное кресло у окна.

Дик слегка вздрогнул. Он совершенно забыл о докторе. Но даже теперь Миддлсворт не стал

ничего комментировать или вступать в разговор. Он просто скрестил длинные ноги, уперся локтем в подлокотник кресла и опустил подбородок на ладонь, задумчиво уставившись на абажур лампы над столом.

— Вы хотите сказать, — буркнул Дик Маркхэм, — пытаетесь сказать мне, что это снова была Лесли? Моя Лесли?

— Ваша Лесли. Да. Слегка подержанная.

Дик начал было подниматься со стула, но затем сел обратно.

Хозяин дома вовсе не желал его оскорбить. Было ясно, что он просто старается, словно хирург, вырезать острым скальпелем из тела Дика Маркхэма то, что считал злокачественной опухолью.

— Тогда, — прибавил он, — полиция действительно начала расследование.

— И с каким результатом?

— Да с тем же, что и прежде.

— Они доказали, что она не могла этого сделать?

— Минуточку. Они доказали, что не могут этого доказать. Как и в случае с Фостером, жены в ту ночь не было дома…

— Алиби?

— Никакого надежного алиби нет. Но в нем и

не было необходимости.

— Продолжайте же, сэр Харви.

— Мистера Дэвиса, брокера из Ливерпуля, — продолжал тот, — нашли лежащим поперек стола в его так называемой «берлоге». И снова комната оказалась запертой изнутри.

Дик прижал руку ко лбу.

— Надежно? — уточнил он.

— Окна были не только заперты, но еще и закрыты деревянными ставнями. Дверь на двух засовах — новенькие, тугие задвижки, которые невозможно взломать, — один сверху, другой снизу. Дом был большой, богатый и старомодный, в комнате можно запросто держать осаду, словно в замке. Но и это еще не все.

Дэвис, как оказалось, в молодости работал фармацевтом. Ему был прекрасно знаком запах синильной кислоты. Он никак не мог случайно впрыснуть себе в руку эту дрянь или позволить кому-то сделать инъекцию, поверив, будто это безобидная жидкость. Если это не самоубийство, значит убийство. Однако не было никаких следов борьбы, он не был ничем одурманен. Дэвис был толстым пожилым мужчиной, но при этом он был еще и сильным, он не стал бы кротко подставлять себя под иглу, источавшую запах

синильной кислоты. И комната оставалась запертой изнутри.

Сэр Харви поджал губы, склонил голову набок, словно восхищаясь нарисованной картиной.

— Сама простота дела, джентльмены, доводила полицию до исступления. Они были уверены, что это убийство, однако ничего не могли доказать.

— Что, — начал Дик, стараясь подавить черные мысли, — что Лес… Я хочу сказать, что сказала на это его жена?

— Она, разумеется, отрицала, что это убийство.

— Да, но что она при этом говорила?

— Она просто смотрела огромными, полными ужаса глазами. Говорила, что не в силах этого понять. Она признала, что была замужем за Бертоном Фостером, но сказала, что все случившееся — это чудовищное совпадение или какая-то ошибка. Что могла ответить на это полиция?

— Они предприняли что-нибудь еще?

— Собрали сведения о ней, само собой. Те крохи, какие удалось отыскать.

— И что же?

— Они попытались препоручить ее мне, — ответил сэр Харви. — Но ничего не получилось. Ее никак не удалось связать с отравлением. Она вышла за Дэвиса под фальшивой фамилией, но

это не считается незаконным, если речь не идет о двоемужии или подлоге. А ничего такого не было. Точка.

— Что же потом?

Патологоанатом вздернул плечи и снова поморщился. Ранение или же вызываемые им ощущения начали выводить его из себя.

— Финал ее пути я могу обрисовать весьма кратко. Своими глазами я этого уже не видел. И Хэдли тоже. Миловидная молодая вдова, теперь обладавшая значительным состоянием, попросту исчезла. Я почти забыл о ней. А три года назад один мой друг, живущий в Париже, которому я когда-то рассказал историю этой дамы в качестве классического примера, прислал мне вырезку из одной французской газеты.

В статье говорилось о прискорбном самоубийстве на авеню Георга Пятого. Жертвой был месье Мартин Белфорд, молодой англичанин, который снимал там квартиру. Оказалось, он только что обручился с некой мадемуазель Лесли-как-бишь-ее — фамилию я позабыл, — у которой дом на авеню Фош.

Через четыре дня после помолвки он ужинал у своей невесты, чтобы отпраздновать событие. Из ее дома вышел в одиннадцать ночи, явно в

наилучшем расположении духа и совершенно здоровый. Отправился к себе. На следующее утро был обнаружен мертвым в собственной спальне. Нужно ли мне рассказывать о сопутствующих обстоятельствах?

— Все то же самое?

— В точности. Комната заперта, как водится во Франции, на все запоры. Синильная кислота впрыснута под кожу.

— А потом?

Сэр Харви всматривался в прошлое.

— Я отправил вырезку Хэдли, который связался с французской полицией. Даже их трезвомыслящие специалисты не желали видеть ничего, кроме самоубийства. Газетные репортеры, которым там позволено больше вольностей, чем у нас, называли все это трагедией и печалились по поводу мадемуазель: «Cette belle anglaise, très chic, très distinguée»[1]. Они высказывали предположение, что между влюбленными произошла размолвка, которую не хочет признавать мадемуазель, и в приступе отчаяния мужчина, вернувшись домой, убил себя.

Доктор Миддлсворт в своем скрипучем плете-

---

[1] Notes: 1

Эта прекрасная англичанка, такая элегантная, такая яркая*(фр.)*.

ном кресле вынул трубку и продул черенок.

Ему просто требовалось что-нибудь сделать, догадался Дик, чтобы снять напряжение. И именно присутствие доктора, олицетворявшего Шесть Ясеней и нормальность, придавало всему делу такой гротескный характер. Лица миссис Мидлсворт, миссис Прайс, леди Эш и Синтии Дрю проплывали перед мысленным взором Маркхэма.

— Послушайте, — взорвался Дик, — все это попросту невозможно.

— Разумеется, — согласился сэр Харви. — Но это случилось.

— Я хочу сказать, должно быть, это все-таки самоубийства!

— Вполне вероятно, что так. — Его собеседник не терял своего вежливого тона. — Или, может быть, нет. Однако же полно, мистер Маркхэм. Давайте смотреть фактам в лицо! Как бы вы их ни истолковывали, неужели все это не кажется вам хоть сколько-нибудь подозрительным? Хотя бы немного сомнительным?

Дик мгновение молчал.

— Не кажется, мистер Маркхэм?

— Ну хорошо. Кажется. Но я не согласен, что обстоятельства во всех случаях одинаковы. Этот

человек из Парижа… как его звали?

— Белфорд.

— Да, Белфорд. Вы сказали, что она не вышла за него?

— Всегда все примеряете на себя, да? — вопросил сэр Харви, глядя на него с некоторым профессиональным интересом и удовлетворением. — А о смертях и отравлениях не думаете вовсе. Просто представляете себе эту женщину в объятиях другого мужчины.

Это было настолько в точку, что Дик Маркхэм разъярился. Однако постарался сохранить достоинство.

— Она же не вышла за этого парня, — настаивал он. — Неужели она получила какую-то выгоду от его смерти?

— Нет. Ни пенни.

— Тогда где же мотив?

— Да черт побери, старина! — воскликнул сэр Харви. — Неужели вы не понимаете, что к этому моменту она уже не могла удержаться?

Неуклюже, с большой опаской, он положил ладони на подлокотники кресла и рывком поднялся на ноги. Доктор Миддлсворт начал вставать с места, протестуя, однако их хозяин лишь отмахнулся от него. Он сделал несколько шагов взад и

вперед по потертому ковру.

— Вам же такое знакомо, молодой человек. Вы ведь занимаетесь этим профессионально. Отравитель никогда не останавливается. Отравитель не может остановиться. Это превращается в болезнь, источник извращенного переживания — более сильного и куда более волнующего, чем все, что знает психология. Отравление! Власть над жизнью и смертью! Это же вам известно, не так ли?

— Да. Известно.

— Отлично! В таком случае взгляните на это дело с моей точки зрения.

Он с опаской протянул руку за спину, чтобы коснуться раны.

— Я приехал сюда на лето, чтобы восстановить силы. Я устал. Мне необходим отдых, и я попросил как о большом одолжении сохранить мою личность в секрете, потому что каждый дурак тут же начинает спрашивать меня о криминальных делах, которые мне уже осточертели.

— Лесли… — начал Дик.

— Не перебивайте меня. Они сказали, что сохранят мою тайну, если я соглашусь сыграть на ярмарке предсказателя будущего. Очень хорошо. Я не возражал. На самом деле мне даже понрави-

лось. У меня появилась возможность наблюдать человеческую природу и приводить в изумление глупцов.

Он воздел палец, требуя тишины.

— И что же? В мой шатер входит убийца, которую я не видел со времен того дела в Ливерпуле. Причем она ни на день не постарела, заметьте, выглядит в точности так же, как в нашу первую встречу! Я воспользовался возможностью (а кто бы устоял?) внушить ей страх Божий.

И не успел я глазом моргнуть, как она уже пытается убить меня из винтовки. Это не обычное для нее «самоубийство в запертой комнате». Дырка от пули в стене не оставляет подобной возможности. Нет, леди просто потеряла голову. А почему? Я начал догадываться об этом еще до того, как она выстрелила в мою тень. Потому что она затевает маленькую вечеринку с отравлением для кого-то другого. Иными словами, — он кивнул на Дика, — для вас.

И снова повисло молчание.

— И не говорите мне теперь, что вас не осенила подобная мысль, — скептически заявил сэр Харви, с сомнением качнув головой. — Не говорите, что эта идея даже не приходила вам в голову.

— Не буду. Еще как приходила.

— Вы верите в то, о чем я рассказал вам?

— Да, я верю в вашу историю. Однако тут явно какая-то ошибка… если это была вовсе не Лесли…

— Но отпечатки пальцев станут для вас убедительным доказательством?

— Да. Мне придется поверить.

— Но пока, даже зная все, вы по-прежнему не верите, что она попытается вас отравить?

— Нет, не верю.

— Почему же? Думаете, в вашем случае она сделает исключение?

Ответа не последовало.

— Думаете, что она наконец-то влюбилась по-настоящему?

Ответа не последовало.

— Даже если предположить, что это правда, вы все равно собираетесь на ней жениться?

Дик встал со стула. Ему хотелось ударить кулаком по воздуху, заглушить этот голос в ушах, загоняющий его в угол, вынуждающий смотреть фактам в лицо, перерезающий все спасительные ниточки, за какие он пытался схватиться.

— Вы можете выбрать, — гнул свое его собеседник, — один из двух вариантов. Первый, как я вижу, уже пришел вам в голову. Вы желаете

выложить ей все и потребовать объяснений, не так ли?

— Естественно!

— Очень хорошо. В прихожей имеется телефон. Позвоните ей, спросите, правда ли это, и молитесь, чтобы она все отрицала. Разумеется, она будет все отрицать. И ваш здравый смысл, если он еще у вас остался, должен подсказать вам это. Что возвращает вас ровно в ту же точку, где вы были изначально.

— А второй вариант?

Сэр Харви Гилмэн прервал свою пробную прогулку за спинкой кресла. Его щуплая шея вытянулась из ворота древнего халата и пижамы, словно у черепахи. Он постучал указательным пальцем по спинке кресла.

— Вы могли бы подготовить ловушку, — ответил он просто. — Тогда сами выясните, что это за личность. А я узнаю, как именно ей удалось совершить эти дьявольские убийства.

Глава пятая

Дик сел обратно. Он весьма смутно представлял себе, к чему клонится этот разговор.

— Какую еще ловушку? — спросил он.

— Завтра вечером, — начал сэр Харви, — вы ужинаете с этой леди у нее дома. Все верно?

— Да.

— Чтобы отпраздновать вашу помолвку. В точности так, как было с Мартином Белфордом за несколько часов до его гибели.

Дик физически ощутил, как по животу разливается холод. Не из-за страха — было бы попросту абсурдно предположить, что Лесли могла его испугать. Однако ощущение не проходило.

— Послушайте, сэр! Вы же не думаете, что после того я отправлюсь домой, запрусь у себя в комнате, а на следующее утро меня найдут отравившимся синильной кислотой?

— Именно, молодой человек. Еще как думаю!

— Вы ожидаете, что я убью себя?

— Это по меньшей мере гарантировано.

— Но с чего вдруг? Потому что за ужином будет что-то сказано, что-то сделано, что-то предло-

жено?

— Очень вероятно. Да.

— И что же, например?

— Я не знаю. — Сэр Харви развел руками. — Именно поэтому я хочу быть там и видеть своими глазами.

Он на минуту умолк, усиленно размышляя.

— Прошу вас, заметьте, — продолжал он, — нам первый раз выпадает возможность увидеть все лично. Дедукция ни к чему нас не привела, это и Гидеон Фелл признал, мы должны посмотреть глазами. И есть еще одно, на что мы сможем посмотреть глазами. Расскажите-ка мне, что вы наверняка узнали о «Лесли Грант». — Сэр Харви снова нацелил палец. — Она не любит украшения, не так ли?

Дик призадумался.

— Да, это правда.

— И у нее их нет? И более того, она никогда не держит дома крупные суммы?

— Нет. Никогда.

— Мы теперь подбираемся к моменту, который не проявлялся в полной мере до смерти третьей жертвы. Когда она вышла замуж за Фостера, американского юрисконсульта, в их спальне был установлен маленький, но чрезвычайно

надежный стенной сейф. Когда она вышла за Дэвиса, ливерпульского брокера, у них в доме тоже был установлен стенной сейф. И каждый раз она объясняла, что это идея ее мужа, хранившего там важные рабочие документы. И в этом не угадывалось ничего подозрительного. Однако, — прибавил сэр Харви с неожиданным жаром, — когда она жила уже одна в собственном доме на авеню Фош в Париже, там имелся точно такой же сейф.

— И что это означает?

— У нее нет украшений. Она не держит в доме денег. В таком случае зачем ей защищенный от взлома сейф? Что она хранит в этом сейфе, который ни разу не обыскивали после убийства?

Мрачные догадки, смутные, но все без исключения неприятные, всплывали в сознании Маркхэма.

— И какие у вас предположения, сэр?

Он старался сделать бесстрастное лицо, старался избегать пронзительного взгляда сэра Харви. Однако, как и до того, этот сухопарый старый черт прицепился к его мыслям, а не к высказанным вслух словам.

— В ее доме и сейчас имеется похожий сейф, молодой человек. Это так?

— Да, так. Я узнал о сейфе случайно, поскольку о нем как-то упомянула горничная. — Дик замялся. — Лесли только рассмеялась и сказала, что хранит в нем свой дневник.

Он помолчал, его разум споткнулся о то, что показалось жутким скрытым смыслом.

— Ее дневник, — повторил он. — Но это же…

— Может быть, вы призна́ете тот факт, — сказал сэр Харви, — что девушка ненормальна? Что отравитель вынужден изливать душу кому-то или чему-то и чаще всего это дневник? В любом случае я бы ожидал обнаружить там кое-что еще. Как вы помните, у нее никакого яда не нашли. И даже шприца. Возможно, они там. Или же…

— Ну?

— Нечто еще более неприятное, — ответил сэр Харви, уставившись куда-то в пустоту, отчего лицо приобрело какое-то странное выражение. — Да. Нечто еще более неприятное. Гидеон Фелл как-то сказал…

Тут его прервали.

— Я слышал сегодня в пабе, — внезапно вставил доктор Миддлсворт, вынув изо рта по-прежнему пустую трубку, — что доктор Фелл проводит лето в Гастингсе. У него там коттедж.

Казалось, заговорил предмет мебели. Сэр Хар-

ви поморщился и с некоторым раздражением оглядел комнату. Миддлсворт, продолжая затягиваться пустой трубкой, не сводил задумчивого взгляда с лампы.

— Гидеон Фелл где-то рядом? — Настроение сэра Харви переменилось, он оживился. — В таком случае необходимо пригласить его сюда. Поскольку Хэдли консультировался у него после случая с Дэвисом, и эти запертые комнаты поставили доктора Фелла в тупик. А здесь мы, как вы понимаете, сдвинемся с мертвой точки и отопрем комнату…

— С моей помощью? — с горечью уточнил Дик.

— Да. С вашей помощью.

— А если я не стану этого делать?

— Мне кажется, вы это сделаете. Так называемая мисс Лесли Грант считает, что я в коме и умираю. Значит, я не смогу ее выдать. Неужели вы не начали улавливать суть?

— О да. Я улавливаю…

— Она, конечно, сваляла дурака. Однако она вынуждена играть со своей чудесной блестящей игрушкой, которая называется убийство с помощью яда. Это не отпускает ее. Она одержима. Именно поэтому она рискнула выстрелить в меня, понадеявшись, что в глазах невинных и

в основном легковерных людей это сойдет за несчастный случай. У нее уже все готово для чьей-то смерти. И она не позволит лишить себя острых ощущений.

Сэр Харви постучал пальцем по краю письменного стола.

— Вы, мистер Маркхэм, пойдете на этот ужин. Вы сделаете все, что она скажет вам, исполните все, что она вам велит. Я буду внимательно слушать из соседней комнаты. С вашей помощью мы выясним, что хранится у нее в этом знаменитом тайнике. А когда мы выясним, каким образом не особенно умная дама сумела обвести вокруг пальца полицию двух стран…

— Прошу прощения, — снова прервал доктор Миддлсворт.

Остальные двое слегка вздрогнули.

Однако доктор Миддлсворт держался как ни в чем не бывало. Поднявшись из плетеного кресла, он подошел к ближайшему из двух окон.

Оба были задернуты шторами из какой-то тяжелой и грубой материи в цветочек, теперь уже выцветшей и потемневшей от старости и табачного дыма. На обоих окнах шторы не смыкались до конца, а ближайшее было еще и открыто. Миддлсворт раздвинул шторы, и свет лампы

хлынул в сад перед домом. Высунувшись из окна, он поглядел налево и направо. Затем опустил раму, задержался и довольно долго смотрел сквозь стекло, прежде чем задернуть шторы.

— Итак? — спросил сэр Харви. — Что там?

— Ничего, — сказал доктор и вернулся к своему креслу.

Сэр Харви внимательно посмотрел на него.

— Вы, доктор, — заметил он сухо, — до сих пор были не особенно многословны.

— Верно, — согласился Миддлсворт.

— Что вы думаете обо всем этом деле?

— Ладно, — произнес доктор, которому явно было не по себе. Он поглядел на свою трубку, на поношенные ботинки, затем перевел взгляд на Дика. — Все это для вас неприятно. Вам невыносимо обсуждать эту тему в присутствии постороннего человека, и я вас не виню.

— Ничего страшного, — произнес Дик. Ему нравился доктор, и он питал доверие к его мягким, интеллигентным суждениям. — Но что вы скажете?

— Если откровенно, я даже не знаю, что сказать. Но вы не можете продолжать отношения с убийцей, Дик. Это же противоречит здравому смыслу. И все же…

Миддлсворт замялся и попытался сменить тему:

— А вот ловушку сэра Харви стоило бы попробовать. Думаю, да. Хотя девушка точно должна быть сумасшедшей, чтобы затеять что-то против вас спустя сорок восемь часов после происшествия с винтовкой. Хуже того, все пойдет насмарку, если вдруг просочится новость, что сэр Харви не особенно пострадал. А майор Прайс, например, уже знает.

Миддлсворт погрузился в мрачные раздумья, покусывая мундштук своей трубки. Затем он взглянул на Дика, промычав что-то ободряющее.

— Возможно, все это ошибка, пусть даже сэр Харви и вся полиция христианского мира поклянется в обратном. Но вероятность все же остается. Однако суть в том, Дик… как это ни неприятно, но, так или иначе, вы должны узнать истину.

— Да. Это я понимаю.

Дик откинулся на спинку стула. Он чувствовал себя каким-то побитым и обессиленным, однако еще не до конца, потому что волна шока пока не схлынула. Эта мирная гостиная с батальными сценами на стенах, с потемневшими дубовыми балками и латунными каминными украшениями из Варанаси казалась такой же нереальной,

как и история Лесли. Он закрыл глаза ладонями, не понимая, будет ли когда-нибудь мир выглядеть как прежде. Сэр Харви смотрел на него с отеческим сочувствием:

— В таком случае, скажем… завтра вечером?

— Ладно. Полагаю, что да.

— Вы получите все окончательные указания, — многозначительно проговорил их хозяин, — завтра утром. Надеюсь, вы даете слово, что не обмолвитесь ни звуком, ни намеком нашей шустрой подруге?

— Но, предположим, она виновна? — спросил Дик, внезапно отрывая руки от лица и едва не выкрикивая эти слова. — Предположим, что она каким-то образом виновна, и эта ваша ловушка докажет это. Что будет тогда?

— Откровенно говоря, мне плевать.

— Ее не арестуют. Предупреждаю вас, даже если мне самому придется давать ложные показания.

Сэр Харви поднял одну бровь:

— Вам хотелось бы, чтобы она продолжила веселиться, отправляя людей на тот свет?

— Да мне все равно, что она натворила!

— Наверное, пока отложим этот вопрос, — предложил патологоанатом, — и посмотрим, что вы скажете по окончании эксперимента. Поверьте

мне, через сутки ваши чувства могут совершенно перемениться. Возможно, вы поймете, что увлечены ею не настолько сильно, как думали. Даете слово, что не станете путать нам все планы и рассказывать что-либо своей подруге?

— Даю. Я все сделаю. Ну а пока что…

— Ну а пока что, — вмешался доктор Мидлсворт, — вы пойдете домой и попытаетесь поспать. А вы, — он развернулся к сэру Харви, — ложитесь немедленно. Вы мне сказали, у вас есть люминал; если спина будет болеть, можно принять четверть грана. Утром я зайду, чтобы поменять повязки. Будьте любезны, сядьте уже.

Сэр Харви повиновался, осторожно опустившись в глубокое кресло. Он тоже выглядел несколько измотанным и даже утер лоб рукавом халата.

— Я не усну, — посетовал он. — Что бы я ни принимал, не усну. Узнать наконец-то, в чем суть игры… Выяснить, как именно она травила мужей и влюбленных, но никого больше…

Дик Маркхэм, который тяжело поднялся и разворачивался к двери, оглянулся снова.

— Никого больше? — повторил он. — Что именно вы хотите этим сказать?

— Мой дорогой друг! Как вы считаете, почему

выбор пал на вас?

— Этого я по-прежнему не понимаю.

— Прошу вас, заметьте, — колко произнес сэр Харви, — что каждая жертва — мужчина влюбленный или по меньшей мере сильно увлеченный ею. Ослепленный. Неспособный к критическому мышлению. Нерассуждающий. Да, признаюсь, я сейчас теоретизирую. Но вы же не думаете, что выбор случайный или это совпадение? Жертва должна пребывать именно в таком состоянии ума.

— Зачем же?

— Чтобы выполнить то, что попросит отравительница. Зачем же еще.

— Подождите минутку, — запротестовал встревоженный доктор Миддлсворт.

Он взял с приставного стола свою шляпу и медицинский чемоданчик и уже собирался подтолкнуть Дика к двери в прихожую, но даже он развернулся.

— Давайте здесь рассуждать здраво, сэр Харви, — предложил он. — Вы ведь не думаете, что девушка скажет: «Слушай, у меня тут шприц с синильной кислотой. Пойди домой и вколи ее себе в руку, ладно? Сделай мне такое одолжение».

— Не настолько прямолинейно, нет.

— Тогда как?

— Это мы и намерены выяснить. Но если и существует какой-то ключ к этим делам с запертыми комнатами, я подозреваю, что он сейчас у нас. Все проходит гладко с мужчиной, у которого мозги набекрень, в затуманенном и ошеломленном состоянии ума. И ни в коем случае не пройдет ни с кем другим.

— То есть, например, с вами или со мной ничего не получится?

— Едва ли, — отозвался их хозяин сухо. — Доброй ночи, джентльмены. Тысячу благодарностей!

Выходя в прихожую, они увидели, как он улыбается, и его взгляд уже не гипнотизировал так теперь, когда дело было благополучно доведено до конца.

С запада, из Шести Ясеней, над полями поплыл звон церковных часов, отбивавших одиннадцать. Звучные ноты всколыхнули вуаль тишины, осязаемой тишины, когда Дик с доктором Миддлсвортом вышли из дома. Оба молчали из-за повисшего над ними напряжения. Шедший впереди с электрическим фонариком, Миддлсворт указал на свою машину в переулке.

— Садитесь, — предложил он. — Подброшу вас до дома.

Все то же оцепенелое молчание владело ими, оба за время короткой поездки смотрели прямо перед собой в лобовое стекло. Колеса автомобиля подскакивали на неровной дороге, Миддлсворт без всякой нужды яростно газовал и подкатил к дому Дика, пронзительно взвизгнув тормозами. Пока мотор шумно сопел, Миддлсворт поглядел по сторонам и заговорил, заглушая его:

— Все в порядке?

— В полном, — ответил Дик, открывая дверцу.

— Вас ждет скверная ночь. Хотите снотворного?

— Нет, спасибо. У меня полно виски.

— Не напивайтесь. — Руки Миддлсворта сжались на руле. — Ради бога, не напивайтесь. — Он поколебался. — Послушайте. Насчет Лесли. Я просто подумал…

— Спокойной ночи, доктор.

— Спокойной ночи, дружище.

Машина тронулась с места и покатилась дальше на запад. Когда габаритные огни скрылись за поворотом дороги с живой изгородью по одной стороне и невысокой каменной стеной парка Эш-холла — по другой, Дик Маркхэм остановился у калитки перед своим садиком. Он стоял неподвижно несколько минут. Непроницаемая

чернота опустилась на душу, чернота, как будто свечу накрыли гасителем, окутала его, когда звук мотора умолк.

Сэр Харви Гилмэн, подумал он, с невероятной легкостью прочел его мысли.

Прежде всего — он вовсе не думал об убийствах. Не думал о мужчинах, которых Лесли, предположительно, отравила. Он думал о мужчинах, которым она признавалась в любви, прежде чем они умерли.

Отдельные слова и фразы, иногда целые предложения вспоминались ему и теснились в голове с отчетливой живостью, как будто он слышал их все одновременно:

«Этой, как вы говорите, девчушке сорок один год».

«В изнеможении проливала потоки слез».

«Слегка подержанная».

«Крупный пожилой мужчина».

«Чудовищное совпадение или какая-то ошибка».

«Неужели все это не кажется вам хоть сколько-нибудь подозрительным? Хотя бы немного сомнительным?»

Инфантильный. Несомненно! Легкомысленный. Несомненно!

Он пытался объяснить себе это. Но ведь именно так и чувствует влюбленный, а он влюблен в Лесли, и оттого он разъярился. Будь эти слова выбраны специально — каждое как крошечный нож, надрезающий один и тот же нерв, — они не смогли бы сделать больнее.

Он поймал себя на том, что пытается мысленно нарисовать портреты этих мужчин. Бертон Фостер, американский юрисконсульт, представлялся ему хвастливым и благодушным, несколько подозрительным, отчего его лишь проще обвести вокруг пальца. Вообразить мистера Дэвиса, «толстого старика», на фоне его «большого, богатого, старомодного дома» было и вовсе не трудно.

Мартин Белфорд, последний из трех, оставался более размытой, но почему-то наименее ненавистной фигурой. Похоже, молодой. Вероятно, беззаботный и искренний. Белфорд как будто не имел особенного значения.

Если включить хотя бы подобие здравого смысла, просто верх абсурда стоять здесь, ненавидя покойников, терзая себя образами людей, которых он никогда не встречал и уже точно не встретит. Что должно иметь значение, что имело значение, что, очевидно, имело самое большое значение во всех полицейских рапортах, так это

вопиющий факт наличия шприца с синильной кислотой.

«Это не отпускает ее».

«Она одержима».

«Девушка ненормальна».

«И она не позволит лишить себя острых ощущений».

Вот эти слова должны были вспомниться ему первыми, а вместе с ними и прийти мысль о внезапно зардевшемся лице рядом со встроенным сейфом.

Факты? Еще какие.

Он уже произнес множество убедительных слов об ошибке. Но в глубине души Дик Маркхэм не верил в ошибку. Скотленд-Ярд таких ошибок не допускает. И все равно, скорее первые фразы сэра Харви, а не последующие, вспомнившись, оставляли неприятный осадок, язвили и обжигали. Если бы она только не солгала ему о своем прошлом…

Однако она ни о чем ему и не лгала. Она вообще ничего ему не рассказывала.

О господи, ну почему все так сложно! Дик ударил ладонью по столбику калитки. В доме у него за спиной горел свет, отчего мокрая трава под окнами переливалась и блестела мощеная дорожка,

ведущая к входной двери. Когда он ступил на нее, его охватило ощущение одиночества — пронзительное, неприятное чувство, — словно от него отрезали какую-то часть. Это встревожило его, поскольку он считал, что любит одиночество. А теперь вдруг испугался его. Коттедж показался ему пустой раковиной, отозвавшейся гулким эхом, когда он закрыл за собой дверь. Он прошел по коридору до кабинета, открыл дверь и замер. На диване в кабинете сидела Лесли.

Глава шестая

Она рассеянно перелистывала страницы журнала и быстро подняла голову, как только открылась дверь.

В свете лампы с шарообразным абажуром, стоявшей на столе позади дивана, чистая кожа Лесли показалась особенно гладкой, когда она подняла на него глаза. Мягкие каштановые волосы, завивавшиеся наружу на уровне плеч, блестели. Она сменила белое платье на темно-зеленое с переливающимися пуговицами. «Cette belle anglaise, très chic, très distinguée». Ни единой морщинки не было заметно на гладкой шее. В ее широко раскрытых невинных глазах карего цвета читался испуг.

Мгновение оба они молчали. Вероятно, Лесли заметила выражение его лица.

Она отбросила в сторону журнал, поднялась и подбежала к нему.

Он поцеловал ее — машинально.

— Дик, — произнесла Лесли тихо. — Что не так?

— Не так?

Она отступила назад на расстояние вытянутой руки, чтобы видеть его. Ее чистосердечный взгляд вопросительно скользил по его лицу.

— Ты… ушел, — сказала она и встряхнула его за плечи. — Ты ушел оттуда. В чем дело? — И — быстро: — Это из-за предсказателя? Сэра… сэра Харви Гилмэна? Как он?

— В точности так, как ожидалось.

— Это означает, что он умрет, верно? — спросила Лесли. Ее как будто осенило. — Дик, послушай! Это поэтому ты выглядишь и ведешь себя так? — А потом она взглянула на него с ужасом. — Ты ведь не думаешь, что я сделала это нарочно, правда?

— Нет, конечно нет.

«Помоги мне, Боже, — мысленно взмолился он, — главное, не проговориться. Ни одного неосторожного слова, ни случайно вырвавшегося вопроса, который нас выдаст». Опасности тут поджидали на каждом шагу. Собственный голос звучал пусто, лицемерно и фальшиво, во всяком случае, для него самого. Поглаживая ее по плечу, он перевел взгляд на стену рядом с камином, и первое, что увидел, — желтую афишу с названием одной из своих пьес: «Ошибка отравителя».

— Точно? — настаивала Лесли.

— Дорогая моя девочка! Не думаю ли я, что ты

выстрелила в него нарочно? Но ведь ты же никогда раньше даже не видела его, разве не так?

— Никогда! — На глаза у нее навернулись слезы. — Я… я даже его имени до сегодняшнего дня не слышала. Мне сказал кто-то.

Он попытался рассмеяться.

— В таком случае не о чем и беспокоиться, верно? Просто забудь. Между прочим, что же он тебе наговорил?

Дик не собирался спрашивать об этом. Он поклялся себе; он едва не заорал от злости, когда эти слова сорвались с языка. Какая-то неукротимая волна толкнула его, подхватила и поволокла против его воли.

— Но я же тебе рассказывала! — воскликнула Лесли. — Общие слова о счастливой жизни, небольшой болезни, письме с какими-то приятными новостями… Ты мне веришь?

— Конечно.

Она двинулась обратно к дивану, и он пошел следом. Ему хотелось сесть напротив, чтобы внимательно рассмотреть ее лицо в свете лампы, отрешиться от волнующей близости ее физического присутствия. Но в ее взгляде читалось, что она ждет, чтобы он сел рядом, и он так и сделал.

Лесли уставилась на ковер. Волосы колыхну-

лись, упав вперед, скрывая очертания ее щеки.

— Если он умрет, Дик, что со мной сделают?

— Решительно ничего. Это же был несчастный случай.

— Я имею в виду… полиция же приедет и станет допрашивать меня, или что-то в этом роде?

В комнате повисла гробовая тишина.

Дик протянул руку к сигаретнице на столике позади дивана. Пульс бился в руке, и он подумал, сумеет ли унять дрожь. Они с Лесли как будто парили в пустоте, где остались только книги, картины и свет лампы.

— Боюсь, им придется провести расследование.

— Ты хочешь сказать, все это попадет в газеты? И я должна буду назвать свое имя?

— Но это же просто формальность, Лесли… Почему бы и нет?

— Да так. Просто… — Она повернула к нему голову, явно испуганная, но все же улыбнулась, хотя и с тоской. — Просто, понимаешь, я знаю обо всем этом только то, чему ты меня научил.

— Чему я тебя научил?

Она кивнула на ряды книг, кишевшие любопытными криминальными случаями, словно яблоки — червяками, и на броские картинки и

афиши, обещавшие такое прекрасное развлечение, когда имеешь дело с преступлением на бумаге.

— Ты просто зачарован всем этим. — Она улыбнулась. — Я ненавижу смерть, но, кажется, она увлекает и меня тоже. Она в некотором роде завораживает. Сотни людей, все с прелюбопытными мыслями, заключенными у них в голове… — И тут Лесли сказала то, что его удивило. — Я мечтаю о респектабельности! — выкрикнула она внезапно. — Я так мечтаю о респектабельности!

Он попытался взять легкий тон:

— А разве что-то мешает тебе добиться этого?

— Дорогой, не шути, пожалуйста! Я теперь оказалась замешанной в эту ужасную историю, хотя ни в чем не виновата. — Она снова обернулась к нему с такой тоскливой мольбой в глазах, что он потерял способность рассуждать. — Но ведь это никак не испортит нам праздник, правда?

— Ты имеешь в виду… завтра вечером?

— Да. Наш торжественный ужин.

— Конечно не испортит. А другие гости будут?

Она изумленно поглядела на него:

— Разве ты хочешь других гостей? Дик, что происходит? Почему ты отдаляешься от меня? Знаешь, еще немного — и я сама начну думать

что-нибудь нехорошее.

— Да ничего не происходит! Я просто…

— Я хочу, чтобы все у нас прошло идеально! Все! И в особенности — разве я так уж сентиментальна? — мне хочется, чтобы все было идеально завтра. Потому что я собираюсь кое-что тебе рассказать. И еще я хочу тебе кое-что показать.

— О? И что же ты хочешь рассказать мне?

Он успел вынуть из сигаретницы сигарету и закурить. И когда он задавал этот вопрос, кто-то резко постучал дверным молотком. Лесли вскрикнула и вжалась в спинку дивана.

Дик не знал, радоваться или огорчаться тому, что их прервали. Вероятно, радоваться, потому что его эмоциональная температура снова подскочила и он даже ценой собственной жизни не мог отвести от Лесли глаз. Так он хотя бы на миг ослабил лихорадочное напряжение, необходимое, чтобы не проболтаться. И потому он заторопился к двери, открыл и захлопал глазами от удивления при виде посетителя, который переступал с ноги на ногу на дверном коврике.

— Э-э… добрый вечер, — произнес гость. — Простите, что побеспокоил вас в столь поздний час.

— Ничего страшного, сэр. Входите.

Недалеко от калитки стоял видавший виды

«форд» с заведенным мотором. Посетитель махнул рукой кому-то внутри «форда», и мотор заглох. Затем он вошел, несколько смущаясь.

Джордж Конверс, барон Эш, был единственным пэром среди знакомых Дика. Однако, частенько встречаясь с подобными личностями в художественной литературе — где они всегда высокомерно аристократичные, или язвительно афористичные, или бестолково многословные, — Дик изумлялся лорду Эшу.

Среднего роста, жилистый мужчина, разменявший седьмой десяток, с седыми волосами стального оттенка и румяным лицом, он был вечно поглощен какими-то учеными мыслями. Его редко видели на публике. Предполагалось, что он составляет бесконечную историю своего семейства. Одежда на нем всегда выглядела слегка потрепанной, и неудивительно, если учесть его налоги и вечную нехватку денег. Однако он был приятным собеседником, когда сам того хотел или до тех пор, пока у него не заканчивался завод, как в часах.

А когда он шел за Диком по коридору, Дик размышлял над теми словами, какие произнесла Синтия Дрю в этом самом коттедже несколькими часами ранее. «Почему это лорд Эш всегда так

странно смотрит на бедняжку Лесли в тех редчайших случаях, когда они все же встречаются?»

Поскольку лорд Эш резко замер на пороге кабинета и странно смотрел на Лесли прямо сейчас, Лесли вскочила на ноги.

— Хм, да, — пробормотал посетитель. — Да, да, да! — Затем он очнулся и отвесил галантный поклон, улыбаясь. — Мисс Грант, не так ли? Я… э-э… подумал… — Явно растерявшись, он развернулся к Дику. — Дорогой друг, у нас тут просто чертовщина какая-то творится.

— Какая именно? — воскликнула Лесли.

— Все в полном порядке, мисс Грант! — любезно заверил ее лорд Эш. — Даю слово чести, беспокоиться не о чем. Однако же я рад, что застал вас. Я… э-э… не ожидал увидеть вас здесь.

— Я… я просто зашла на минутку!

— Да-да. Разумеется. — Он снова повернулся к Дику. — Я только что побывал… — Он кивнул на соседний коттедж. — Подумал, зайти туда — мой долг. — (Похоже, этот долг не радовал лорда Эша.) — Однако в окнах было темно, и, когда я постучал, никто мне не открыл.

— Ничего удивительного. Сэр Харви заснул.

Лорд Эш, кажется, был удивлен.

— Но разве доктор не там? Или квалифициро-

ванная медсестра?

— Нет. Доктор Миддлсворт счел, что в этом нет необходимости.

— Но как же так, мальчик мой? Разве это разумно? Впрочем, полагаю, Миддлсворт свое дело знает. Как там его пациент? Я… э-э… подозреваю, вас весь вечер все кому не лень терзают этим вопросом, однако я счел своим долгом приехать и узнать.

— Пациент, — ответил Дик, — чувствует себя так, как и ожидалось. А что там за чертовщина, о которой вы упомянули?

— Да кто-то украл винтовку, — ответил лорд Эш.

Повисла тишина.

Зловещая тишина, подразумевавшая, что чей-то план удался. Вынув футляр для очков из кармана просторного твидового пиджака, лорд Эш извлек из него пенсне без оправы и насадил на нос.

— Скажите мне, пожалуйста, мисс… э-э… Грант. После прискорбного несчастного случая сегодня днем, когда винтовка вдруг выстрелила, вы не запомнили, случайно, что вы сделали с оружием?

Лесли смотрела на него широко раскрытыми глазами:

— Отдала ее майору Прайсу. Это вам все подтвердят.

— Да. Именно. Все подтверждают. Но вы, может быть, припомните, что случилось с винтовкой после того, как вы отдали ее майору Прайсу?

Лесли покачала головой и задрожала.

— Майор Прайс, — ответила она, — как раз собирал оружие, когда разразилась гроза. Все винтовки лежали у него в ряд на стойке тира. После того как случился этот ужас, я… я просто бросила ему винтовку. Думаю, он положил ее к остальным на стойку. Но я не уверена. Я была чудовищно расстроена. И попросила Дика отвезти меня домой.

— Хм, да. А вы, случайно, не помните, мальчик мой?

Дик старался мысленно сосредоточиться на той сцене: дождь, общее смятение, вздувавшиеся шатры, — на сцене, которая, как ему теперь казалось, разыгралась вечность назад в другой эпохе.

— Да, все так и было, — подтвердил он. — Когда сэр Харви упал, я высунул голову из шатра и позвал майора Прайса с доктором Миддлсвортом.

— И что потом?

— Билл Эрншоу, это банковский управляющий, вы его знаете, — пояснил Дик, смутно подозревая,

что лорд Эш достаточно далек от деревенской жизни и может не вспомнить его по имени, — так вот, Билл Эрншоу как раз подошел. Майор Прайс попросил Билла заняться винтовками, пока они с доктором Миддлсвортом переносили сэра Харви в автомобиль доктора. Это все, что я могу рассказать.

— Все сходится, — согласился лорд Эш.

— Так в чем же проблема?

— Видите ли, майор Прайс говорит, что никто не уносил винтовку, пока он был там. И мистер Эрншоу заявляет, что никто не уносил винтовку, пока он был там. И все же винтовка пропала.

Лесли замялась:

— Но это ведь не та винтовка, из которой у меня…

— Та самая.

На безымянном пальце левой руки лорд Эш носил кольцо с небольшой печаткой, потускневшее и неброское. Дик заметил его, только когда лорд поднял руку, чтобы поправить пенсне. Заметила и Лесли и, кажется, разволновалась сильнее, чем за все время, что прошло после появления посетителя. Лорд Эш сейчас разыгрывал свой знаменитый фокус, иссякая и умолкая, словно граммофон, у которого закончился завод.

— Э-э… осмелюсь предположить, что это не имеет значения, — проговорил он в итоге. Игла попала на звуковую дорожку, пластинка закрутилась снова. — Однако майор Прайс с мистером Эрншоу сильно разгорячились по этому поводу. Насколько я понимаю, сегодня днем в тире майор устроил какой-то нелепый розыгрыш для мистера Эрншоу и потому подозревал, что мистер Эрншоу попытался — как же это говорится? — поквитаться. Но это так странно. В высшей степени странно! В особенности если учесть все слухи, которые сейчас циркулируют.

— Какие слухи? — встрепенулась Лесли. Она стиснула руки в кулаки. — Прошу, скажите! Все судачат обо мне?

— Моя дорогая! Боже упаси! Нет. Но я, к примеру, слышал, что сэр Харви Гилмэн ранен не особенно опасно. Будем надеяться, так оно и есть. Мой двоюродный дед Стивен получил очень серьезное пулевое ранение на Англо-бурской войне и все равно остался в живых. В смысле, выжил тогда. Просто, скажем так, произошел нечастный случай. Мальчик мой, не буду больше вам докучать. Э-э… у вас имеется средство передвижения, мисс Грант?

— Средство передвижения?

— Чтобы доехать до дома, — пояснил лорд Эш.

— Нет, я… я пешком.

— В таком случае позвольте вас подвезти. У меня на улице «форд», а Перкинс — аккуратный водитель.

— Спасибо, лорд Эш. Наверное, мне действительно пора домой.

Ее взгляд умолял Дика Маркхэма придумать предлог, чтобы она могла остаться и договорить с ним. Она была на грани истерики, когда молча просила его произнести нужное слово. Однако же он этого слова не произнес.

Он понимал: если она останется еще минут на пять, он выложит ей всю историю. Благодаря здравомыслию лорда Эша, его успокаивающему присутствию приоритеты менялись, возвращаясь к нормальности. На мгновение он забыл или почти забыл о сложившейся ситуации. А затем, испытав потрясение, снова вспомнил. Он отчетливо осознал, что любит Лесли и будет любить ее дальше. Он сыт по горло, больше он не вынесет.

В общем, они вышли из дома, и сердце у него разрывалось при виде выражения лица Лесли. Не успели они оказаться на улице, а ему уже хотелось позвать: «Вернись! Это все неправда. Давай я все тебе расскажу!»

Однако «форд» укатил.

Его сигарета погасла. Он вышвырнул окурок в мокрую траву палисадника и постоял в дверях под высокими равнодушными звездами. Затем вернулся в дом.

Он зашел в маленькую столовую, где взял стакан, сифон и бутылку виски. Отнес все это в кабинет и поставил на конторку с пишущей машинкой. Но перед глазами почему-то все плыло. Он устал, обессилел до головокружения, и потому ему показалось невыносимо утомительным откручивать металлическую крышку с бутылки или нажимать на рукоятку сифона с содовой.

Он сделал пару шагов и прилег на диван.

— Я только на минутку закрою глаза, — пообещал он сам себе. — Свет горит, и с ним я не засну. Да я в любом случае не хочу спать. Просто прикрою ненадолго глаза. А потом встану и налью себе выпить.

Мягкий свет падал ему на веки. Окна с ромбиками стекол, выходившие в боковой садик с восточной стороны, были распахнуты, словно миниатюрные двери; щеколды на них постукивали на ночном ветерке, шелестевшем листвой в саду. Церковные часы вдалеке пробили полночь, только он этого уже не услышал.

Если бы кто-нибудь заглянул к нему в окно — и теперь уже можно с уверенностью утверждать, что за эти короткие часы летней ночи кое-кто действительно заглянул, — то увидел бы светловолосого молодого человека с волевым подбородком, лоб которого, однако, говорил о чрезмерно развитом воображении, лежавшего на смятом диване в серых фланелевых брюках и пожеванной спортивной куртке, что-то бормоча во сне.

Снились ему кошмары. Он не запомнил, что именно, наверное, из-за последовавших тут же событий. Для Дика Маркхэма эти часы, когда он не «предался» сну, а был сбит им с ног, превратились в пустую черную пропасть, отрезавшую его от реального мира, пока что-то не прорвалось сквозь нее. Что-то настойчиво и пронзительно звенящее…

Дик дернулся, наполовину проснувшись, перекатился на бок, сумев не свалиться при этом на пол. Тут он понял. Телефон звонит.

С мутным взглядом, с судорогой в спине и пояснице, он силился принять сидячее положение. Его первой мыслью было, что он вырвался из какого-то очень неприятного сна, что-то о Лесли Грант и ее отравленных мужьях, однако, слава богу,

теперь уже все в прошлом. Затем он с удивлением осознал, что спит на диване и с включенным светом; восточное окно переливалось голубыми и розовыми оттенками — неземными, от которых сияло стекло, — в лучах поднимавшегося солнца.

Все это время телефон продолжал трезвонить. Дик поднялся на затекшие ноги и заковылял по комнате к конторке с печатной машинкой. Хотя, поднимая трубку, он еще не до конца проснулся, шепот, ударивший в ухо, вернул его в реальность своей тревожностью.

— Коттедж полковника Поупа, — проговорил едва слышный голос. — Приходите немедленно. Если не придете сейчас, потом будет уже поздно.

Повисла тишина.

И Дик Маркхэм вспомнил все.

Глава седьмая

— Кто говорит? — спросил он. — Кто это…

Ответа не последовало. Это был всего лишь слабый шепот, неизвестно чей.

Положив трубку, Дик закрыл глаза ладонями и яростно помотал головой, чтобы все прояснилось. Призрачный свет за окнами, из которого исходил голубоватый оттенок, окрашивал его комнату в какой-то не поддающийся определению цвет. Наручные часы остановились, но было, должно быть, уже начало шестого.

Времени на размышления, однако, не оставалось. Он спешно вышел из дома, чувствуя себя немытым и небритым в тишине и полусвете раннего утра, и побежал по переулку на восток так быстро, как только мог.

Все звуки в этом неживом мире обрели новую резкость. Птичий щебет, шорох травы, стук его собственных подметок по грунтовой дороге отдавались в ушах так отчетливо, как отчетливо пахло свежестью росы. Он миновал пустующий дом и, как только за ним показался коттедж сэра Харви Гилмэна, увидел, что там что-то проис-

ходит.

В окнах гостиной зажегся свет.

В переулке перед ним по-прежнему было сумрачно. Слева, параллельно дороге, тянулась густая березовая роща, подходившая вплотную к каменной стене. Справа, в сотне ярдов впереди, стоял коттедж. Вид на него ничто не заслоняло: Дик смутно различал слегка отодвинутые от дороги в палисадник беленые каменные стены и черные балки, невысокую крышу, крытую гонтом.

Зато за домом, точно так же в восточном направлении и параллельно дороге, тянулся густой фруктовый сад, образовывавший с березовой рощей на противоположной стороне подобие тоннеля. В тоннель слабо просачивался розоватый свет, теперь с примесью водянисто-желтого оттенка восходящего солнца.

Свет проникал только сюда, оставляя обочины в густой тени. Отблески его падали и задерживались на плотной листве. Однако же он разбавлял свечение электрической лампы, включившейся за двумя окнами — окнами первого этажа, не задернутыми шторами, — коттеджа сэра Харви Гилмэна.

Гостиная, никакого сомнения.

Гостиная, где он накануне вечером беседовал со стариком, окна которой выходят в переулок.

Дик Маркхэм резко остановился, сердце тяжело колотилось, пустой желудок сводило из-за раннего подъема.

Он не вполне сознавал, как быстро бежит, не понимал, что надеется обнаружить. Очевидно, сэр Харви поднялся ни свет ни заря, поскольку уже успел раздвинуть шторы и включить свет. Дик медленно пошел вперед в этом жутковатом сумраке, повторяя про себя, что ничего не понимает, он приближался к тоннелю солнечного света, который уже падал к его ногам. Но, приблизившись к коттеджу ярдов на тридцать, он наконец понял.

Легкий скрежет, словно от трения металла о камень, вынудил его поглядеть налево, на стену, обозначавшую границу парка Эш-холла.

Некто, скрытый от взглядов за низкой каменной стеной, готовил винтовку. Некто понадежнее укладывал ствол винтовки на стену; некто старательно прицеливался в одно из освещенных окон коттеджа на другой стороне дороги.

— Эй! — выкрикнул Дик Маркхэм.

Но остался неуслышанным, когда некто спустил курок.

Звук винтовочного выстрела раскатился с нечеловеческой громкостью, отчего птицы сорвались с деревьев. Острые глаза Дика заметили звездочку, оставленную пулей в оконном стекле. После чего винтовка исчезла. Кто-то побежал, громко топая и, кажется, даже хохоча, через березовую рощу, под деревьями, затопленными густым сумраком. Эхо затихло, сменившись взволнованным щебетом, — стрелок исчез.

Секунд десять Дик стоял там без движения.

Теперь он не бежал, поскольку с ужасающей уверенностью осознал: он понимает, что именно произошло. А мчаться за неведомым стрелком через густой лес, даже если хочешь этого стрелка догнать, безнадежное дело.

Показался край солнца, яростно полыхающая бело-золотым огнем полоска за темным экраном деревьев, всего лишь с маленьким фрагментом переулка между ними. Свет, разлившийся прямо по переулку, ослепил Дика. Кто-то третий, должно быть услышавший выстрел, появился с восточной стороны.

Хотя солнечный свет был пока не особенно ярким, несколько мгновений эта фигура оставалась просто силуэтом, спешившим к Дику.

— Что это было? Кто здесь? — спросил силуэт.

Он узнал голос Синтии Дрю и побежал вперед, хотя она и сама бежала к нему. Они встретились как раз перед палисадником коттеджа сэра Харви. Синтия, все в том же розоватом джемпере и коричневой юбке, что и накануне, резко затормозила и в ошеломлении уставилась на него:

— Дик! Что это значит?

— Боюсь, беду.

— Нет, какого черта ты тут делаешь?

— Если на то пошло, Синтия, что тут делаешь ты?

Она отмахнулась от вопроса.

— Не могла уснуть. Отправилась на прогулку. — Синтию, стройную, но при этом весьма крепкую, в самую последнюю очередь можно было бы назвать витающей в облаках фантазеркой. Однако же, заметив выражение его лица, она всплеснула руками и прижала их к груди. Солнце у нее за спиной превратило концы ее волос в чистое золото. — Дик! То, что мы слышали…

— Да. Думаю, так.

До этого момента, пока не оказался напротив коттеджа, он не поворачивал головы вправо и не смотрел туда. Но теперь он сделал это, увидев именно то, что и ожидал.

Коттедж с вытянутым фасадом был отодви-

нут от дороги футов на тридцать в заросший палисадник. Верхний этаж представлял собой миниатюрный, «кукольный» домик с маленькими мансардными окнами, выступавшими из ската крыши, покрытой потемневшим гонтом. Каменный беленый фасад и изогнутые черные балки терялись в тени фруктового сада с восточной стороны. На первом этаже два освещенных окна — сразу слева от входной двери — не скрывали того, что происходит внутри.

Вчера вечером, вспомнил Дик, сэр Харви Гилмэн сидел в глубоком кресле сбоку от письменного стола в центре комнаты. Теперь глубокое кресло было передвинуто и стояло перед письменным столом, как будто кто-то собирался сесть в него, чтобы писать. И кто-то сидел в нем — даже на уменьшенной картинке в окне было ясно, что это сэр Харви, — только он ничего не писал.

Лампа под абажуром бронзового оттенка заливала светом лысую голову патологоанатома. Подбородок упал на грудь. Руки спокойно лежали на подлокотниках кресла. Можно было подумать, что он задремал в полном умиротворении, если бы в глаза не бросалось аккуратно просверленное пулей отверстие в оконном стекле, белеющий контур которого заливал свет, и было очевидно,

что пулевое отверстие находится на одной линии с этим лысым черепом.

Дик ощутил, как к горлу подступает самая настоящая тошнота. Однако он подавил приступ. Синтия, очень спокойная и собранная, проследила за его взглядом — и закусила нижнюю губу.

— Уже второй раз, — посетовал Дик. — Вчера я видел, как пулевое отверстие буквально выскочило на стенке шатра. Сегодня я увидел, как оно возникло в окне. Но легче от этого не становится. Мне кажется… Минуточку!

Он крутанулся на месте, чтобы взглянуть на каменную стену напротив окон, затемненную березами. В три шага он пересек полоску буйно разросшейся травы, отделявшую стену от переулка, и вгляделся в сумрак за ней. Там, под деревьями, что-то валялось, оставленное бежавшим стрелком.

Перегнувшись через стенку и совершенно не думая о сохранности отпечатков пальцев, Дик поднял брошенный предмет. Это была многозарядная винтовка 22-го калибра со скользящим затвором, «Винчестер–61». Он не сомневался, что это та самая, которую он ожидал найти.

После того как Лесли Грант отдала эту винтовку майору Прайсу вчера днем, винтовка была

украдена из тира. Так сказал лорд Эш.

— Не надо! — выкрикнула Синтия Дрю.

— Не надо чего?

— Не смотри так!

Однако Дик оцепенел вовсе не от тревоги или страха. А от безумного торжества. Потому что, кто бы ни украл винтовку, это никак не могла быть Лесли Грант.

Он сам, Дик Маркхэм, был с ней рядом все это время после «несчастья»; он отвел ее домой; он оставался с ней несколько часов. И винтовки при ней не было. Он не только был готов заявить это под присягой — он знал, что это попросту правда.

Бросив винтовку обратно на землю, Дик перепрыгнул через стену. По меньшей мере Лесли не могла этого сделать. Он едва видел и слышал Синтию, которая говорила о чем-то, чего он впоследствии так и не вспомнил. Вместо того он побежал к коттеджу сэра Харви.

Палисадник перед ним не был огорожен. Разросшаяся трава цеплялась за ботинки, словно проволока, стоило на нее ступить. День обещал быть жарким, почва дышала влажным теплом, осушая капли росы на нитях паутины, одинокая оса кружила над фруктовыми деревьями, и сам

фасад коттеджа источал запахи старинного дерева и камня. Дик приблизился к окну с пулевым отверстием — справа, если встать к дому лицом, — и прижался носом к немытому стеклу.

Затем, приставив ладони козырьком к глазам, поглядел еще раз.

В свете лампы, блеклом по сравнению с разгоравшимся светом дня, перед большим столом неподвижно сидел маленький патологоанатом. Его лицо было видно в профиль: мышцы под подбородком провисли, глаза слегка приоткрыты. Дик Маркхэм нисколько не усомнился, что смотрит на покойника. Однако что-то здесь было неправильно, что-то было совсем неправильно…

— Дик, — выдохнула где-то сбоку от него Синтия, — эта пуля в него не попала.

А ведь правда.

У дальней стены комнаты, на которую они смотрели сейчас через стекло, располагался кирпичный камин с полкой, на которой стояли латунные фигурки из Варанаси. Над камином висела большая красочная гравюра, изображавшая какую-то сцену из битвы при Ватерлоо. Винтовочная пуля влетела в окно, пронеслась рядом с макушкой сэра Харви и раздробила нижнюю часть гравюры, висевшей теперь криво, прежде

чем войти в стену. Однако хозяина комнаты она не задела.

В голосе Синтии звучала тревога, недоумение и что-то похожее на облегчение. Дик развернулся и внимательно поглядел на нее.

— В таком случае какого черта с ним приключилось?

— Не знаю.

— Сэр Харви! — крикнул Дик, почти прижавшись ртом к стеклу. — Сэр Харви Гилмэн!

Ответа не последовало.

Дик перевел взгляд на соседнее окно. Сначала он осмотрел одно окно, затем другое. Поскольку коттедж был построен на довольно низком фундаменте, нижние перекладины оконных рам приходились ему чуть выше пояса. Окна обычные, подъемные, закрывающиеся изнутри на металлические задвижки. Встав одним коленом на подоконник снаружи, Дик подтянулся, держась руками за края рамы, и сумел рассмотреть, что оба окна заперты изнутри.

Теперь у него в голове шевельнулась одна весьма неприятная мысль.

— Подожди здесь минутку, — сказал он Синтии.

Спешно поднявшись на две ступеньки к пе-

редней двери, он обнаружил, что она не заперта и засов не задвинут. Он рывком распахнул ее и оказался в маленькой, вполне современной прихожей, которую видел прошлым вечером.

Слева, как он помнил, дверь, ведущая в гостиную. Если он сейчас откроет ее, то окажется в помещении за спиной у неподвижной фигуры, сидящей за столом. Однако он не смог открыть дверь, хотя и ожесточенно дергал за ручку обеими руками. Комната была заперта изнутри.

Он снова ринулся в садик перед домом, где Синтия все еще всматривалась в окно.

— Знаешь, — сказала она, — в нем есть что-то до жути странное. У него лицо какого-то непонятного цвета. Синеватое, что ли? Или это свет так играет? И у него что-то со ртом, это же пена? И еще… Дик! Какого черта ты вытворяешь?

Смутно сознавая, что дырка от пули представляет собой улику, Дик не стал трогать правое окно. Вместо того он перешел к соседнему. Подняв половинку кирпича, которую нашел в нестриженой траве, он швырнул ее в стекло, которое со звоном разбилось вдребезги.

Из душной комнаты, что очень хорошо ощущалось в утреннем воздухе, наружу пахнуло тонким запахом горького миндаля, который ни

с чем невозможно было перепутать. Он ударил им в нос. Синтия, стоявшая рядом, схватила Дика за руку.

— Это… пахнет, словно лак для ногтей, — произнесла она. — Что это такое?

— Синильная кислота.

Сунув руку в разбитое окно, Дик передвинул задвижку и поднял раму. Затем он подтянулся, перелез через подоконник и спрыгнул в комнату среди осколков стекла.

Здесь запах горького миндаля ощущался отчетливее. Потребовалось сделать над собой усилие, чтобы подойти ближе и коснуться тела, однако Дик справился. Человек, которого он знал как сэра Харви Гилмэна, был мертв всего несколько минут: тело до сих пор сохранило нормальную температуру. На нем по-прежнему были пижама и халат, глубокое плюшевое кресло поддерживало тело в сидячем положении, не считая повисшей головы, и казалось, что руки просто покоятся на подлокотниках. Однако синюшность и пена, вызванные отравлением синильной кислотой, и полуоткрытый глаз свидетельствовали об ужасной истине.

Дик бросил взгляд на дверь, ведущую в коридор.

Лихорадочно подскочил к ней и принялся осматривать. Ключ в замке был повернут, небольшой, плотно подогнанный засов надежно задвинут в паз.

Что касается окон, второго возможного входа в комнату, то одно стояло сейчас с разбитой нижней половиной, другое — с пулевым отверстием на несколько дюймов ниже соединения половинок окна. Однако тут не было никакого сомнения — Дик сам мог поклясться, сколько бы полиция ни выражала своего недоверия, — что оба окна тоже были заперты изнутри.

— Так значит, — заметил Дик вслух, — с ним такого случиться не могло?

И только тут он заметил кое-что еще.

В свете лампы, висевшей над столом, на полу рядом с креслом что-то слабо блеснуло: совсем маленький шприц, узкий стеклянный цилиндр с никелированным поршнем. Игла торчала из ковра рядом с креслом, словно шприц выпал из разжавшихся пальцев покойника. Он придавал всей зловещей сцене оттенок безнадежности, тогда как запах цианида, кажется, только усиливался в душной комнате, за окнами которой все ярче разгорался новый день. Еще одно самоубийство.

Глава восьмая

Дик так и стоял у двери, пытаясь упорядочить бессвязные мысли, когда услышал какой-то шорох со стороны окна. Синтия ловко перебралась через подоконник и легко, словно кошка, спрыгнула на пол среди осколков.

Лицо у нее было сосредоточенное, но обеспокоенное, и беспокоилась она, как можно было судить, за Дика Маркхэма, а вовсе не за иссохшего человека в кресле.

— Ужасно! — произнесла она, а затем, словно осознав, что одного слова недостаточно, ровным будничным тоном прибавила: — Просто ужасно! — Потом продолжила: — Ты сказал, синильная кислота, Дик. Синильная кислота — это же яд, верно?

— Да. Еще какой.

Синтия бросила на кресло полный отвращения взгляд.

— Но что же, черт побери, случилось с беднягой?

— Подойди сюда, — предложил вместо ответа Дик. — Э-э… ты, кстати, как, в порядке?

— О боже, разумеется. Я в полном порядке. — Требовалось нечто большее, чтобы выбить Синтию из колеи. Она прибавила с чувством: — Но это чудовищно, жутко и все такое! Ты хочешь сказать, кто-то дал ему яд?

— Нет. Посмотри сюда!

Когда она обошла вокруг письменного стола, он указал на иглу от шприца на полу, торчавшую острием вверх. Затем — для этого пришлось снова собраться с силами — он перегнулся через тело и приподнял левую руку от локтя. Свободные рукава халата и пижамы съехали, выставив напоказ тощую, похожую на прутик конечность с набрякшими синими венами. Инъекция была сделана неумело — на предплечье виднелось небольшое пятно запекшейся крови.

— Дик! Постой! Ты точно обязан это делать?

— Что именно?

— Разбивать окна, трогать предметы и все прочее? В тех книжках, которые ты давал мне читать… видит бог, некоторые из них понять нелегко, персонажи просто отвратительные! — но там постоянно говорится, что необходимо оставлять все, как есть. Разве не так?

— Ну да, — подтвердил он угрюмо. — Мне здорово за это достанется. Но мы должны узнать!

Ее голубые глаза внимательно глядели на него.

— Дик Маркхэм, ты выглядишь ужасно. Ты вообще спал этой ночью?

— В данный момент это не важно!

— Но я серьезно. Ты совсем не отдыхаешь по-человечески, особенно когда работаешь. И у тебя на уме что-то такое, что тревожит тебя. Это было ясно и вчера вечером.

— Синтия, посмотри лучше сюда.

— Я и так смотрю, — ответила Синтия, вместо того отворачиваясь и сплетая пальцы.

— Это самоубийство, — пояснил он, стараясь убедить ее и потому сдержанно выговаривая слова, хотя его так и распирало. — Он взял шприц, полный синильной кислоты — вот он! — и впрыснул его содержимое себе в левую руку. Ты же сможешь подтвердить, — он обвел рукой гостиную, — что комната была заперта изнутри? Следовательно, это доказывает (ты же понимаешь), что никто посторонний не пытался его убить?

— Но Дик! Кто-то все же пытался его убить! Кто-то ведь стрелял в него из винтовки!

— Так ведь пуля его не задела!

— Не задела, — отозвалась Синтия, — однако это не значит, что никто распрекрасным образом

не пытался! — Грудь ее вздымалась и опадала. Она прибавила: — Это из-за Лесли?

Дик крутанулся на месте.

— Что «это» из-за Лесли?

— Беспокойство, которое тебя гложет, — пояснила Синтия с присущей женщинам незатейливой прямотой.

— Почему ты считаешь, что это как-то связано с Лесли?

— А что тут еще может быть? — ответила вопросом Синтия. Она не удосужилась объяснить, какие рассуждения привели ее к этому выводу, а продолжила: — Этот гадкий маленький человечек, — тут она указала на фигуру в кресле, — всю дорогу расстраивал всех и вся в Шести Ясенях. Сначала этот несчастный случай с винтовкой вчера днем. Разумеется, это был несчастный случай, — на какой-то миг в ее глазах отразилась задумчивость, — однако все же странно, что кто-то уже намеренно пытался застрелить его сегодня утром. И вдобавок ко всему, ты говоришь, он сам отравился этой, как бишь ее там, кислотой.

— Но ведь доказательство перед тобой, Синтия.

Она проговорила резко:

— Дик, оно просто никуда не годится.

— В каком это смысле не годится?

— Не знаю. В этом-то и беда! Однако… Ты слышал, что вчера поздно вечером майор Прайс поссорился с мистером Эрншоу? Из-за того, кто украл винтовку?

— Да. Мне рассказал лорд Эш.

Синтия снова указала на фигуру в кресле:

— Дик, что он наговорил тебе о Лесли?

— Ничего! Да ради бога, с чего ты взяла, что он что-то говорил о Лесли?

— Он обо всех все рассказывал, глядя в магический шар. Могу поспорить, он узнал что-то о Лесли, и именно это тебя тревожит.

До сего момента Дик всегда считал Синтию хорошей подругой, но уж точно не светочем интеллекта. И сейчас, чтобы отвлечь внимание от опасного момента, он засмеялся — и смеялся, пока гравюры с батальными сценами на стенах не загромыхали, как ему показалось, в своих рамках.

— Если тут что-то кроется, — настаивала Синтия, увещевая его с материнской нежностью, — расскажи мне. Непременно расскажи!

— Послушай! Ты ведь не думаешь, что Лесли имеет какое-то отношение к этому случаю?

— С чего бы мне вообще так думать? — удивилась Синтия, не сводя глаз с угла ковра. Ее лицо

залил слабый румянец. — Только… все это так странно! Не лучше ли нам сообщить обо всем полиции? Или предпринять что-то еще?

— Да. Лучше сообщить. Который час?

Синтия поглядела на наручные часы:

— Двадцать минут шестого. А что?

Дик обогнул стол и развернулся. Неподвижная фигура с чуть приоткрытым глазом наблюдала за ним с такой живой злорадной насмешкой, словно этот покойник хохотал сейчас в аду.

— Конечно, надо позвонить Берту Миллеру.

Миллер, местный констебль, мог прибыть на место очень быстро. Хотя формально Виселичный переулок заканчивался, упираясь в поля в нескольких сотнях ярдов дальше на восток — в восемнадцатом веке здесь действительно стояла виселица, и Дику делалось дурно при мысли об этом, — тропинка через поле вела дальше, к Лесу Гоблина. Берт Миллер жил там неподалеку.

— Но вот с кем я обязательно должен связаться, — настойчиво продолжал он, — это с доктором Миддлсвортом.

— Почему с доктором Миддлсвортом?

— Потому что он знает о других случаях. И нам предстоит решить…

— Каких еще других случаях, Дик?

Почти оговорка, почти предательство — никакой разницы! Дик заставил себя собраться.

— Я имею в виду криминальные случаи в целом.

— Но ты же сказал, тут нет ничего криминального, — заметила Синтия, которая не сводила с него пристального взгляда и, кажется, даже дышала теперь чаще. — Ты сказал — он сам себя убил. Так почему же ты сейчас утверждаешь совершенно другое?

Он не ответил на этот вопрос не столько из опасения, сколько из-за того, что его внимание привлекло кое-что еще, добавлявшее гротескности выражению лица покойника. Дик снова сдвинулся с места, чтобы осмотреть тело, на этот раз с противоположной стороны.

На ковре, сбоку от кресла, теперь уже как будто выпав из левой руки мертвеца, лежала коробочка с рассыпавшимися канцелярскими кнопками.

Маленькая картонная коробочка с кнопками, рассыпанными по ковру. Шприц под правой рукой, кнопки под левой. Сумбур в голове только усилился, уж очень все было упорядочено. Дик поднял одну кнопку, надавил острием на подушечку большого пальца и несколько отстраненно подумал, что от кнопки на человеческой

руке останется примерно такая же отметина, как (к примеру) от неловко сделанной инъекции…

— Дик! — выкрикнула Синтия.

Он торопливо поднялся с колен.

— Телефон, — произнес он, предвосхищая поток вопросов, какие читались в ее глазах. — Извини.

Телефон, насколько он помнил, стоял в прихожей. Он отпер дверь и отодвинул засов, отметив про себя и надежность замка, и то, как плотно засов входит в паз.

Он подумал, что разговаривать с Миддлсвортом будет чертовски трудно, когда Синтия находится в комнате рядом. Гудки в трубке казались бесконечными, прежде чем ее сняли и прозвучал голос женщины, которую, совершенно точно, только что подняли с постели.

— Простите, что беспокою в столь ранний час, миссис Миддлсворт! Однако…

— А доктора нет, — сдержанным тоном ответила женщина. — Он ушел в холл.

— В какой холл?

— В Эш-холл. Кому-то из горничных ночью стало плохо, и леди Эш забеспокоилась. Это не мистер Маркхэм у телефона?

— Да, миссис Миддлсворт.

— Хотите, я передам что-нибудь доктору, ми-

стер Маркхэм? Вы заболели?

— Нет-нет! Ничего такого! Однако дело весьма срочное!

— Понимаю. Мне жаль, что его нет, — пробормотал голос в трубке с каким-то подозрительным удовлетворением. Жены врачей такое умеют. — Если дело неотложное, вы можете позвонить туда. Или просто пройдите через парк и увидите его. Всего хорошего.

Пройти через парк и увидеть доктора.

А так, пожалуй, лучше всего, решил Дик. Если он срежет через рощу и поднимется через Южное поле, то окажется в Эш-холле через несколько минут. Он поспешил обратно в гостиную, где Синтия в сомнении покусывала розовую нижнюю губу. Он взял ее руки в свои — хотя она, кажется, не горела желанием протягивать ему руки — и крепко пожал:

— Послушай, Синтия. Мне необходимо пойти в Эш-холл — Миддлсворт сейчас там. Думаю, это займет не больше десяти минут. А ты пока не могла бы позвонить Берту Миллеру и покараулить здесь? Просто скажи Берту, что сэр Харви Гилмэн совершил самоубийство, так что он может сюда не особенно торопиться.

— Но…

— Старик действительно совершил самоубийство, пойми.

— Ты не хочешь довериться мне, Дик? Я имею в виду, рассказать мне обо всем позже?

— Да, Синтия, я расскажу.

Хорошо, когда есть человек, которому можно довериться, а прямота и практичность Синтии помогут развеять туман ночного кошмара. Он снова пожал ей руки, хотя она даже не смотрела на него. После чего — когда он вышел из дома, пересек переулок, миновал тенистую березовую рощу и двинулся вверх по зеленому склону Южного поля в Эш-холл — у него перед мысленным взором возник образ совершенно иной девушки.

Пора уже взглянуть неприятным фактам в лицо. Если это сделала Лесли…

«Но ведь наверняка, — возразил его здравый смысл, — Лесли не стала бы убивать сэра Харви Гилмэна, лишь бы не позволить ему разоблачить ее перед жителями Шести Ясеней?»

«Почему же нет?» — поинтересовалось сомнение с рогами и хвостом.

«Потому что, — пояснил здравый смысл, — это привлечет сюда полицию, и ее в любом случае ждет разоблачение».

«Вовсе не обязательно, — возразило сомнение,

— если дело будет вести местная полиция и увидит в нем безликое самоубийство».

«Так ведь сэр Харви Гилмэн слишком известная личность, — не сдавался здравый смысл. — Об этом напишут газеты. Вероятно, кто-то в Скотленд-Ярде заинтересуется».

Сомнение испустило зловещий смешок.

«Да ты и сам, — заметило оно, — довольно известный молодой драматург. И о твоем самоубийстве написали бы в газетах. И все же сэр Харви ни на миг не усомнился, что эта леди с ангельским лицом запросто организовала бы твое отравление!»

Тут сомнение перешло в атаку: оно выпустило когти и крепко вцепилось, разрастаясь в воображении Дика Маркхэма.

«Сэр Харви, — заявило оно, — очевидно, ненавидел Лесли Грант. Он преследовал ее, как никто другой. Он почти выдал ее вчера днем, когда она попыталась его подстрелить. Ее отношение к нему едва ли можно назвать благожелательным. Если в этом привлекательном теле в самом деле скрывается отравительница, она просто захотела нанести ему ответный удар, совершив не поддающееся расследованию убийство».

Однако именно тут и находилась последняя

загвоздка. Сэр Харви Гилмэн уж точно не убил бы себя, он, как никто другой, был бы настороже, он не купился бы ни на какой трюк, способный подтолкнуть его к тому, чтобы ввести шприц в собственную руку. В этом Дик готов был поклясться. Но с другой стороны, совершенно невозможно, чтобы его убил кто-то посторонний.

Дик, не разбирая дороги, брел вверх по Южному полю.

Впереди он уже видел южное крыло Эш-холла, и старинные кирпичи казались особенно темными в сияющем утреннем свете. Хотя над трубами кухни не поднимался пока дыма, все двери в поле зрения стояли широко распахнутыми.

И первый человек, которого увидел Дик, был лорд Эш, выходивший из-за угла дома — в своих повседневных вельветовых брюках и древнем пиджаке, в садовых перчатках и с секатором для роз в правой руке. Он резко остановился, заметив Дика, и подождал, пока тот подойдет.

— Э-э… доброе утро, — с недоумением произнес лорд Эш.

— Доброе утро, сэр. Вы рано встали.

— Я всегда встаю в это время, — пояснил лорд Эш.

Взгляд Дика скользнул вдоль южного крыла

дома.

— А вы когда-нибудь запираете здесь двери и окна, сэр?

Лорд Эш засмеялся.

— Мальчик мой, — ответил он, слегка взмахнув секатором и покрепче насадив на нос пенсне, — здесь нечего красть. Все картины — копии. Фамильные драгоценности мой старший брат Фрэнк еще много лет назад подарил одной прославленной… э-э… даме легкого поведения. Конечно, имеется еще столовое серебро, то, что от него осталось, но, чтобы его похитить, потребуется грузовик.

Тут он призадумался, еще крепче надвинув пенсне, и с любопытством поглядел на собеседника:

— Простите, что упоминаю об этом, мистер Маркхэм, но у вас весьма взбудораженный и растерзанный вид. Что-то случилось?

Дик позволил себе выложить все без обиняков. Ему хотелось увидеть, как этот основательный седоволосый человек с мягким голосом и румяным лицом отреагирует на ситуацию, в которой в данный момент крепко увязли Шесть Ясеней.

— Сэр Харви Гилмэн совершил самоубийство.

Лорд Эш уставился на него:

— Боже правый!

— Именно!

— Но это… — лорд Эш огляделся по сторонам, высматривая, куда бы положить секатор, и, ничего не найдя, так и продолжил держать его в руках, — это же невообразимо!

— Знаю.

— Хотя, если подумать, — пробормотал лорд Эш, — мне показалось, я посреди ночи слышал звук выстрела. Или это было уже позже? Может… — Он покопался в памяти.

— Сэр Харви не стрелял в себя. Он использовал шприц, предположительно наполненный синильной кислотой, которую ввел себе в вену. Мы с Синтией Дрю обнаружили тело полчаса назад.

— Синильная кислота, — повторил лорд Эш. — Мы когда-то использовали ее производную для обработки фруктовых деревьев. Смею предположить, сэр Харви смог достать ее без труда. Но почему, мальчик мой? Почему?

— Мы не знаем.

— Он производил впечатление человека здорового и бодрого, если не принимать во внимание несчастный слу… — Лорд Эш потер лоб рукой с секатором, подвергая опасности пенсне и свои глаза. — Разве у него могла быть депрессия или

что-нибудь в этом роде? Я редко встречал кого-то — как бы лучше сказать? — с таким вкусом к жизни. Он напомнил мне одного человека, который как-то раз продавал здесь Библии. И… э-э… могу я спросить, почему вы пришли сюда?

— Мне необходимо повидать доктора Миддлсворта. Его жена сказала, он сейчас у вас.

— А… Да. Миддлсворт был здесь. Сесили, одной из наших горничных, стало ночью плохо. Аппендицит. Миддлсворт сказал — оперировать необязательно. Он считает, что можно, как они это называют, «заморозить» воспаление. Но сейчас его здесь нет. Он ушел недавно. Сказал, что ему надо съездить в Гастингс.

Настала очередь Дика таращить глаза.

— В Гастингс? В полшестого утра? Зачем?

Лорд Эш выглядел озадаченным.

— Не могу знать, мальчик мой. Миддлсворт высказался по этому поводу весьма таинственно.

От сладкого запаха травы, от сияния зеленых лужаек в разгоравшемся солнечном свете голова закружилась. Очередная дурная весть застала Дика врасплох. Внезапно, со странным ощущением неминуемой опасности, он понял, что лорд Эш пристально всматривается в него долгим внимательным взглядом, острым и проницательным,

но затем черты его лица снова смягчились.

— А что это я такое слышал, — произнес лорд Эш своим мягким голосом, — будто бы Лесли Грант кого-то убила?

Глава девятая

Мисс Лесли Грант — будем называть ее этим именем — проснулась утром в четверть девятого.

Ее дом, старый дом Фарнхэма на южной оконечности Хай-стрит в Шести Ясенях, выходил фасадом на восток, на парадный вход в поместье Эш-холл. Приятное жилище в тени деревьев, с большим палисадником. Из окон спальни на верхнем этаже, если поглядеть налево через Хай-стрит, были видны геральдический грифон и ясень, вырезанные на каменных колоннах въездных ворот. И сияющий солнечный свет лился в эти окна, когда Лесли проснулась.

Минуту она лежала неподвижно, уставившись в потолок широко раскрытыми глазами. Часы тикали на прикроватном столике — единственный звук в комнате.

Взгляд Лесли скользнул в сторону, очевидно, чтобы узнать время, после чего быстро устремился обратно к потолку.

Судя по ее виду, она вряд ли хорошо спала или, если точнее, вряд ли спала достаточно долго. Под

наивно глядевшими карими глазами залегли легкие тени, каштановые волосы разметались по подушке, а рот выражал какое-то непонятное переживание. Обнаженные руки, лежавшие поверх покрывала, были вытянуты по бокам. Несколько минут она не шевелилась, слушая тиканье часов, но ее взгляд при этом блуждал по сторонам.

Перед ней была уютная комната, обставленная скромно, сообразно с хорошим вкусом. Стены украшала всего одна картина — вставленный в рамку причудливый черно-белый рисунок, висевший между двумя окнами. Когда ее взгляд дошел до рисунка, Лесли закусила нижнюю губу.

— Какая глупость! — воскликнула она вслух.

Если бы кто-нибудь увидел ее в тот момент — к счастью или несчастью, никто ее не видел, — то был бы несколько обескуражен таинственностью ее перемещений. Выскользнув из постели в белой ночной рубашке из шелка с кружевной отделкой, она перебежала через комнату к картине и сняла ее со стены.

За картиной оказалась дверца маленького круглого стенного сейфа из тусклой стали, того типа, который импортируют из Соединенных Штатов. Ключа у сейфа не было — он открывался дисковым замком, комбинация которого была

известна только его производителям и так называемой Лесли Грант.

Дыхание Лесли стало совсем неглубоким, грудь, кажется, едва вздымалась под шелком ночной рубашки. Она тронула диск с цифрами, успела повернуть дважды, когда тяжелые шаги на лестнице за дверью и звяканье посуды на подносе предупредили, что поднимается миссис Рэкли с утренним чаем.

Лесли повесила картину на место и кинулась обратно в кровать. Она сидела на постели, подсунув под спину подушку — отбросив со лба волосы и даже почти не раскрасневшись и не запыхавшись, — когда миссис Рэкли открыла дверь спальни.

— Проснулись, мисс? — спросила миссис Рэкли, выдавая свою дежурную фразу. — Чудесное утро! А вот и добрая чашечка чаю.

Миссис Рэкли, будучи горничной, кухаркой и домоправительницей в одном лице, являлась бесценной находкой для любой женщины, если та не возражала против ее удушливой опеки. Оглядев комнату и с одобрением отметив, что все прибрано, а одно окно открыто, она заскрипела по половицам под аккомпанемент астматического дыхания и поставила чайный поднос на колени

Лесли. Затем отступила назад, уперлась руками в бока и окинула взглядом свою подопечную.

— Выглядите нехорошо, — постановила миссис Рэкли.

— Я в полном порядке, миссис Рэкли!

— Выглядите, — повторила миссис Рэкли еще тверже, — нехорошо. — В ее голосе послышались масляные нотки. — Почему бы вам не полежать под одеялом в свое удовольствие, а я принесу завтрак в постель?

— Нет-нет! Я встану через минуту!

— Мне это нетрудно, — вкрадчиво намекнула искусительница.

— Но я не хочу завтракать в постели, миссис Рэкли.

Миссис Рэкли поджала губы, явно восприняв отказ с мрачным неодобрением. Покачивая головой, она снова обвела комнату взглядом. Ее глаза задержались на стуле, на спинке которого висели, аккуратно сложенные, черная юбка и белый вязаный джемпер, а на сиденье лежали комбинация, чулки и пояс с подвязками.

— Вот как! — произнесла миссис Рэкли тоном столичного констебля. После чего прибавила более-менее человеческим голосом: — Вы вчера вечером выходили, мисс?

Лесли, успевшая налить себе чаю и подносившая чашку к губам, быстро подняла на нее глаза.

— Выходила? — эхом откликнулась она.

— Вы выходили, — уточнила миссис Рэкли, — после того как лорд Эш привез вас вчера домой от мистера Маркхэма?

— Боже упаси, нет!

— Когда вы приехали домой от мистера Маркхэма, — сообщила миссис Рэкли, — на вас было темно-зеленое платье. Я еще, помню, подумала, как оно вам идет. А теперь…

Она указала на спинку стула, имея в виду черную юбку с белым джемпером. В ее голосе угадывался упрек.

— Вы девушка деликатная, мисс. Такая же деликатная, какой всегда была моя младшенькая. Вы не должны делать некоторые вещи.

— Какие еще вещи?

— Выходить, — пояснила миссис Рэкли туманно, но не желая сдаваться.

— Но я никуда не выходила! — запротестовала Лесли. Ее локоть дернулся так, что она едва не перевернула чашку. Странное выражение промелькнуло в ее глазах и исчезло, однако же по щекам разлилась краска. — Я не выходила, слышите? Если кто-нибудь скажет иное, это просто

злонамеренная ложь!

Миссис Рэкли была ошеломлена. И не ответила только потому, что заметила нечто даже более поразительное. Миссис Рэкли глядела в окно с таким любопытством, что Лесли выбралась из кровати, с грохотом отставив чайный поднос, и подбежала к ней.

На некотором расстоянии от них, перед парадными воротами Эш-холла, стоял в лучах яркого солнца майор Гораций Прайс и беседовал с мистером Уильямом Эрншоу, банковским управляющим.

Приземистый и плотный майор Прайс сильно контрастировал с прямым и изящным управляющим. Эрншоу снял шляпу, демонстрируя угольно-черную, блестевшую на солнце шевелюру, очень старательно причесанную и разделенную пробором. Хотя они стояли слишком далеко, чтобы услышать их из окна, между ними явно шел неприятный разговор. Оба напряженно вытянулись, майор, как казалось, даже раскраснелся сильнее обычного. Однако не это привлекло внимание зрительниц.

С юга, где Виселичный переулок поворачивал под прямым углом, по Хай-стрит катил на велосипеде местный констебль.

При этом Берт Миллер крутил педали как никогда в жизни. И майор, и Эрншоу развернулись, чтобы посмотреть. Когда майор Прайс поприветствовал констебля, тот затормозил так резко, что чуть не приземлился в канаву.

Затем последовала короткая зловещая пантомима: констебль что-то очень быстро говорил. Похоже, его рассказ здорово впечатлил слушателей. Майор Прайс один раз обернулся на дом Лесли. Было видно его веснушчатое лицо, большое и круглое, с толстыми щеками под мягкой шляпой, которую он надевал в присутственные дни, и рот у него был слегка приоткрыт.

Совещание закончилось. И майор Прайс, словно приняв какое-то решение, распахнул калитку и пошел по дорожке к дому Лесли.

— Вы же в ночной рубашке, — с нажимом произнесла миссис Рэкли. — Он вас увидит! Возвращайтесь в постель, мисс. И… и я наберу вам ванну.

— Теперь уже не до ванны, — сказала Лесли, что, очевидно, и ожидала услышать миссис Рэкли. Голос Лесли звучал не вполне ровно. — Пойдите и узнайте, что случилось. Скажите майору Прайсу, я спущусь через полминуты.

И в самом деле, не прошло и десяти минут, как

она спустилась, одетая в костюм, который точно не имел отношения к вчерашнему вечеру. Миссис Рэкли в комнате не оказалось, — очевидно, майор отправил ее восвояси какими-нибудь резкими словами. Майора Прайса она обнаружила стоящим в дальнем конце прихожей со шляпой в руках. Он кашлянул, прочищая горло.

— Милая моя, — начал майор, — я только что разговаривал с Бертом Миллером.

— Да, я знаю. И что же?

— Боюсь, милая моя, у меня ужасные новости. Сэр Харви Гилмэн мертв.

В просторной прихожей было прохладно и сумрачно, несмотря на веерное окно. В глубине с размеренностью метронома тикали высокие напольные часы.

— Но я же не специально! — закричала Лесли. — Я не специально в него выстрелила! Вчера произошел несчастный случай! Клянусь, это так!

— Тише-тише, милая. Прошу вас!

— Я п-прошу прощения, но…

— Речь не о том, что он застрелен, — продолжал майор Прайс, повертев толстой шеей в мягком воротнике. — Похоже, несчастный старик сам отравился вчера ночью. Впрочем… не могли бы мы пройти куда-нибудь, чтобы поговорить?

Лесли молча указала на дверь, за которой их ждала вытянутая прохладная гостиная с зелеными стенами и камином из необработанного крупного камня. Лесли, от потрясения, похоже, лишившаяся дара речи, позволила майору Прайсу подвести себя к креслу. Сам он уселся напротив, аккуратно положив свою шляпу на пол рядом и опустив на толстое колено ладонь с растопыренными пальцами, после чего подался вперед в доверительно добросердечном жесте. Майор Прайс понизил голос.

— Вам теперь не о чем тревожиться, — заверил он ее успокаивающим тоном. — Однако в качестве вашего консультанта по правовым вопросам, а я надеюсь, вы по-прежнему считаете меня своим консультантом…

— Естественно!

— Вот молодец! — Он потянулся, чтобы похлопать ее по плечу. — Как ваш консультант, я хочу указать на один-два незначительных момента, ничего важного, — он отмел важность моментов взмахом руки, — которые, как мне кажется, мы обязаны прояснить. Не так ли?

— Вы сказали, он принял яд? — повторила Лесли. Яростно мотая головой, она как будто силилась разогнать туман, на глаза навернулись

слезы. — Я просто не понимаю! С чего бы несчастному сделать такое?

— Да, — признал майор, — это и есть один из незначительных, но весьма щекотливых вопросов, связанных с этим делом в целом. Его тело обнаружил сегодня рано утром Дик Маркхэм.

Лесли выпрямила спину:

— Дик?

— Да. Так говорит Миллер. Получается, кто-то позвонил Дику по телефону…

— Кто ему позвонил?

— Он не смог определить. Просто был какой-то «шепчущий голос». И этот голос намекнул, насколько нам удалось вытянуть из Миллера, — майор Прайс нахмурился, — что может случиться нечто очень плохое, если Дик немедленно не придет в старый дом Поупа.

— И что?

— Он спешно кинулся туда, — продолжал майор. — Стоило ему подойти к коттеджу, как кто-то включил свет в гостиной.

Майор Прайс на миг умолк, очевидно представляя себе картину. Его песочные брови сошлись к переносице, он тоненько присвистнул носом.

— Почти сразу после этого кто-то положил винтовку на верх парковой стены и выстрелил

в окно гостиной. Нет, погодите! Это не то, что вы подумали! Дик спешно побежал к дому, Синтия Дрю вместе с ним…

— Синтия Дрю? Что она там делала вместе с ним?

Майор Прайс отмахнулся от вопроса:

— Вышла на раннюю прогулку, или что-то в этом роде. В любом случае они побежали к коттеджу и выяснили, что пуля вообще не задела сэра Харви. Они обнаружили его в кресле перед письменным столом. Он, похоже, заперся в комнате и отравился синильной кислотой, введя ее себе шприцем. Чертовски странное представление, — прибавил майор, в сомнении покачивая головой. — Все вместе чертовски странно. Поскольку, понимаете ли, кто-то выстрелил в него как раз в тот момент — разумеется, более-менее в тот момент, — когда он уже впрыскивал яд себе в руку!

Последовало долгое молчание.

Лесли не стала высказывать свое мнение. Она начала было что-то говорить, но вместо того лишь развела руками в безнадежном и напряженном недоумении.

Что касается майора Прайса, он, очевидно, был не в своей тарелке. Он откашлялся. Поглядел на вазу с алыми розами в центре стола, розами,

добавлявшими цветное пятно этой строгой, со вкусом обставленной комнате с роялем и старинным серебром. Он поглядел в потолок и в пол. Наконец он решился:

— А теперь послушайте меня, милая. Я не хочу, чтобы вы неправильно меня поняли. Но…

— Но что?

— На самом деле, — продолжал майор, — я в любом случае намеревался сегодня с вами поговорить кое о чем. Вы проявили благоразумие, позволив мне вести ваши финансовые дела с тех пор, как переехали сюда. И это весьма практично, поскольку вы не разбираетесь в подобных вопросах и вовсе не обязаны это делать. — Он одобрительно покивал. — Но теперь, когда вы выходите замуж…

Лесли выглядела теперь безнадежно смущенной.

— Ради всего святого, о чем вы толкуете?

— Ну же! — произнес старомодный майор Прайс. — Ваш муж ведь захочет увидеть бухгалтерию, разве не так? Он ожидает, что я введу его в курс дела? Естественно! Только бизнес!

— Господи, нет! — воскликнула Лесли. — Дик в бизнесе разбирается не лучше меня. Он предоставляет вести дела своему литературному

агенту, он даже не знает, сколько денег зарабатывает.

Майор беспокойно заерзал.

— Но в любом случае, — сказал он, все еще избегая насущного вопроса, — в любом случае я хотел бы, чтобы вы взглянули на все это со стороны. Например… имеются у вас какие-нибудь живые родственники?

Лесли снова выпрямилась.

— К чему такой вопрос? — не поняла она.

— Понимаете, я так мало о вас знаю. И поскольку я хочу помочь всем, чем только могу…

— Прошу вас, майор Прайс! Мне бы очень хотелось, чтобы вы перестали ходить вокруг да около! Может быть, объясните уже, к чему вы клоните?

— Ладно! — воскликнул майор, хлопнув себя ладонями по коленям. — Я хочу, чтобы вы в точности пересказали мне, что именно «прорицатель» сообщил вам вчера днем.

Теперь в комнате наступила такая тишина, что можно было отчетливо различить размеренное тиканье высоких часов из прихожей.

— Нет, вы поймите, — заторопился майор, опережая ее. — Только не говорите, что это была обычная болтовня, какую выдают предсказатели. Это не так. Черта с два, дорогая, я же был там. Я вас

видел. Я хочу, чтобы вы взглянули на все это дело со стороны. Как моя жена, к примеру, или… да кто угодно. Предсказатель сообщает вам нечто, что сильно вас расстраивает. Дик Маркхэм бросается туда, чтобы выяснить, что это было. Винтовка стреляет — разумеется, случайно! — и старикан падает. К счастью, не так уж сильно он ранен…

— Не сильно ранен? — воскликнула Лесли.

— Ну… скажем, нет. — Майор, судя по виду, был в замешательстве.

И снова взгляд Лесли прошелся по комнате как-то странно, украдкой. Она словно тасовала мысли, так же быстро, как иллюзионист тасует карты. Рот ее был слегка приоткрыт, на лице застыло недоумение.

— А Дик знал? — воскликнула она. — Дик об этом знал? И не сказал мне?

Майор покачал головой:

— О, что вы! Мальчик не знал.

— Вы в этом уверены?

— Если вы помните, сэра Харви доставили домой мы с Миддлсвортом. Старик взял с нас слово молчать, что у него всего лишь поверхностная рана. Он сказал, это в интересах правосудия. А патологоанатом из Министерства внутренних дел… Черт побери, дорогая моя, разве я мог нарушить

слово? Понятия не имею, что они потом наговорили Дику Маркхэму, но он точно не знал, что с сэром Харви все в порядке, когда я уходил оттуда. Но подумать только, что творится! Старику известна какая-то тайна, которая, похоже, касается вас. Точно! Кому-то удается умыкнуть винтовку, ту самую винтовку, и он стреляет в старика через окно. В тот же самый момент, когда бедняга, по-видимому, вводит себе яд. Ну же! Рассказывайте!

Лесли облизнула губы:

— Вы сказали «по-видимому». А что, есть сомнения?

— По моему личному мнению, совершенно никаких! — Майор чуть хмыкнул, подняв светлые брови над честными светло-голубыми глазами. — Вряд ли бы постороннему удалось благополучно войти и выйти из запертой на замок комнаты, верно? — Затем он понизил голос: — Однако, если вам есть что рассказать мне, вам не кажется, что сейчас самое время?

Пальцы Лесли вцепились в подлокотники кресла, как будто она силилась удержаться и не броситься к майору из одного лишь горячечного желания доказать свою искренность.

— Я ничего от вас не скрываю. Прошу вас, поверьте!

— И даже то, что сообщил вам предсказатель? А?

— Майор Прайс, я никогда до того момента не встречала этого человека!

— И это все, что вы готовы мне сообщить?

— Это все, что я могу вам сообщить!

— Что ж… — пробормотал ее посетитель.

Глубоко вздохнув, он заморгал, оглядевшись. Подхватил свою шляпу. Он поднялся, как будто не на шутку задумавшись, отпустил какое-то замечание о погоде. В наступившей неловкой и напряженной тишине Лесли последовала за ним в прихожую.

— Я буду у себя в конторе, — сказал майор Прайс, — на случай, если понадоблюсь.

Когда он ушел, Лесли немного постояла посреди прихожей, скрестив руки на груди и крепко вцепившись пальцами в плечи. То была немая картина недоумения и даже боли.

— Нет, — произнесла она вслух. — Нет, нет, нет!

Тиканье больших часов проникло в ее сознание. Она отметила про себя, что сейчас без нескольких минут девять. Слабый аромат жареного бекона, обыкновенно вселяющий оптимизм, доносился из кухни. Миссис Рэкли, которую так

и распирало от вопросов, наверняка была где-то рядом.

Лесли заторопилась наверх. Ничего не видя перед собой, вошла к себе в спальню, закрыла дверь, повернула ключ в замке и прислонилась горящей щекой к дверной панели, но в следующий миг — когда в мозгу вспыхнуло нечто увиденное, но не до конца осмысленное — развернулась.

Черно-белый рисунок больше не висел на стене, прикрывая собой встроенный сейф. Рисунок лежал на полу, развернутый лицом вниз.

А перед сейфом, опустив пальцы на дисковый замок, стояла Синтия Дрю.

В наступившую паузу, когда обе девушки стояли и смотрели друг на друга, наверное, можно было бы досчитать до десяти. Лето, с его насыщенными ароматами и звуками, врывалось в открытые окна, дыша живым солнечным светом. Крепко сбитая девушка со светлыми волосами и голубыми глазами, хрупкая девушка с каштановыми волосами и карими глазами смотрели друг на друга, испытывая внезапный прилив чувств, весьма близкий к истерике.

Голос Синтии ударился о стену тишины.

— Я желаю знать, что в этом сейфе, — произнесла она. — И я непременно узнаю, прежде чем

уйти отсюда, или я тебя убью.

Глава десятая

Примерно в тот же час того же утра, в девять, Дик Маркхэм сидел в одиночестве на верхней ступеньке каменного крыльца перед парадной дверью дома сэра Харви Гилмэна. «Н-да, — думал он, — ну и дела!»

Вот теперь предстоит столкнуться с настоящими неприятностями. Он вспомнил свой разговор с лордом Эшем. Он вспомнил, как приехал местный констебль — который, будучи поднят с постели еще в три ночи из-за какого-то пьянчуги, устроившего дебош на ферме Ньютона, выказал некоторое раздражение, что его вызвали, — и как бесконечно длился допрос, пока Берт Миллер все это стенографировал.

Он вспомнил завтрак на скорую руку, прямо за кухонным столом у него в доме, когда Синтия сидела напротив, умоляя рассказать, что у него на уме.

Он вспомнил, пока тянулись часы, как Берт Миллер сумел в итоге дозвониться до полицейского суперинтенданта в Хокстоуне, как Берт уехал, чтобы раздобыть машину и встретить в

Лойтринг-Хольте представителя Скотленд-Ярда, прибывающего из Лондона на поезде.

Прибыть должен был суперинтендант Хэдли.

Это обнадеживало.

Дик ничего не рассказал Синтии, несмотря на ее настойчивые расспросы и напоминания, что он обещал. Ему было невыносимо говорить с ней о Лесли.

Даже лорд Эш, как оказалось, не знал ничего определенного. После того как его светлость вдруг произнес оглушительные слова: «Что это я такое слышал, будто бы Лесли Грант кого-то убила?» — выяснилось, что речь идет всего лишь о некоторых намеках, высказанных деревенскими дамами. «Этот несчастный случай с винтовкой, ну разве не странно?»

Сплетни, сплетни, сплетни! Их не отследить и не опровергнуть. Тучи сгустились, бросая на Лесли враждебную тень, с того момента, как распространилась новость об их помолвке. И все же, с другой стороны, в замечании лорда Эша крылось нечто большее. Дик мог поклясться, что лорд Эш определенно пытался что-то ему сказать, пытался передать какое-то сообщение, пытался на что-то намекнуть. Но на что?

И вот он сидел тут, на крыльце перед парадным

входом в дом, и даже Синтия ушла по каким-то таинственным своим делам. А он остался сидеть, сторожа мертвое тело и дожидаясь возвращения Берта Миллера.

Он не сообщил Синтии ни единого факта из биографии Лесли Грант. Но какая, к черту разница, если бы даже сообщил?

Никакой совершенно.

Разницы не было бы, даже если бы он объявил об этом на всю деревню. Скоро здесь будет суперинтендант Хэдли, и история всплывет во всех своих нелицеприятных подробностях. Сплетню будут пережевывать до последнего кусочка, наконец-то пересудов хватит всем. Ну а пока что…

— Приветствую! — прозвучал из переулка чей-то голос.

Уже заметно потеплело. Со стороны фруктового сада, гудя, прилетела оса. Билл Эрншоу, со свистом рассекая траву, шел через палисадник к дому.

— В банк я опоздаю, — сообщил Эрншоу. — Но я подумал, лучше загляну сюда и… — Он не завершил фразу, что было равносильно пожатию плечами. И уставился на дом. — Скверные новости, да?

Дик согласился, что скверные.

— Откуда, — спросил он, — вы об этом услышали?

Эрншоу мотнул головой куда-то себе за плечо.

— Я стоял перед домом Лесли, болтал с этим… с этим засранцем Горацием Прайсом. — Лицо его потемнело, поскольку подобная лексика была не в ходу у банковских служащих. — Мимо ехал на велике Берт Миллер, и он все нам рассказал. Послушайте!

Эрншоу замялся. С прямой спиной, одетый с иголочки, он выглядел едва ли не франтом. У него было бледное, но не лишенное приятности лицо, и он казался моложе своих сорока пяти. В крахмальном воротничке, он обмахивался шляпой а-ля Энтони Иден. Его черные блестящие волосы были разделены пробором, словно прорезанным ножом, щеки лоснились от тщательного бритья.

Эрншоу был великим энтузиастом общественной жизни. Он много смеялся и гордился своим чувством юмора. Он был удачливый бизнесмен, любитель бриджа и сквоша, офицер территориальных войск с претензией на блистательное владение пистолетом и винтовкой, хотя неизменно держался на людях благодушно и застенчиво. Однако можно было с легкостью догадаться, что последнее — напускное.

— Я просто подумал, Дик… — начал он. — Эта винтовка…

— К черту эту винтовку! — взорвался Дик с такой неуместной яростью, что Эрншоу поглядел на него с удивлением. Нервы попросту сдали. — Я хочу сказать, — поправился Дик, — что этот тип не был застрелен. Он…

— Я знаю, знаю. Но послушайте. — Темные глаза Эрншоу прошлись по фасаду коттеджа. Губы вытянулись в трубочку в беззвучном свисте. — Разве вам не приходило в голову — хотя я, разумеется, могу ошибаться, — что тот, кто стрелял из винтовки, и есть самая важная персона во всем этом деле?

Дик захлопал глазами…

— Нет, это уж точно не приходило мне в голову. Почему же?

— Ну, допустим, в деле есть что-то странное. Допустим, возникнет подозрение, что сэр Харви все же не совершал самоубийства.

— Но он совершил самоубийство! Взгляните на доказательства! Неужели вы не верите им?

— Честно сказать, старина, — улыбнулся Эрншоу, продолжая лениво обмахиваться шляпой, — произошло столько разных странностей, что я уже не знаю, чему верить. — (И его словами гово-

рили сейчас все Шесть Ясеней.) — Между прочим, — прибавил Эрншоу, вперив взгляд в землю, — я ведь еще не поздравил вас по случаю помолвки с Лесли. Счастья и долгих лет!

— Спасибо.

Что-то уязвило Дика в сердце, ужасно больно. Он почти физически ощущал эту боль и пытался сдержать крик. Эрншоу, похоже, был слегка сконфужен.

— Однако же… э-э… насчет того, о чем я говорил!

— Да?

Эрншоу кивнул на окна гостиной:

— Не возражаете, если я туда загляну?

— Нисколько. Я же не полиция.

Шагая на цыпочках, по-видимому, из-за смутного ощущения, что к смерти следует относиться с почтением, Эрншоу приблизился к правому окну и заглянул в дом. Заслонив глаза от солнца шляпой, он изучил открывшуюся картину. Затем он развернулся с гримасой вежливой неприязни, но при этом хмуря брови оттого, что его подозрения подтвердились.

— Предполагаемый убийца, — продолжал убеждать он, указывая на стену на другой стороне переулка, — прячется за этой стеной, чтобы

стрелять в упор. Кто-то включает в гостиной свет. Отлично! И тогда вся суть сводится к тому, видит ли человек с винтовкой, кто именно находится в комнате.

Эрншоу умолк.

Дик Маркхэм медленно поднялся на ноги.

— Этот человек, — продолжал Эрншоу, — свидетель. С одной стороны, он может сказать: «Да, сэр Харви был один. Я не мог знать, что он вкалывает себе дозу синильной кислоты, и потому я пальнул в него». С другой стороны, этот свидетель может заявить: «Сэр Харви был не один, с ним кто-то был». В любом случае это могло бы решить дело. Разве вы не согласны?

Некоторые вещи настолько очевидны, что не сразу обращаешь на них внимание. Дик кивнул, раздосадованный, что не понял этого сам.

Тут проявилась врожденная осторожность Эрншоу.

— Но заметьте, я не утверждаю, что это так и есть. — Он смущенно засмеялся. — И я не собираюсь соваться в это дело в качестве детектива, увольте. Я всего лишь говорю, что сделал бы, если бы был тем детективом, который, по словам Миллера, уже едет к нам из Лондона. Попросил бы свидетеля явиться и дать показания…

— Но такой свидетель не станет давать показания! Его же обвинят в покушении на убийство, если он высунется.

— Разве полиция не сможет гарантировать ему неприкосновенность?

— И отказаться от судебного преследования в качестве награды?

Эрншоу нахлобучил свою шляпу в стиле Энтони Идена, сдвинув ее набекрень не столько щегольски, сколько на кавалеристский манер. Затем отряхнул руки.

— Я не понимаю этих юридических терминов, — заявил он, и на его впалых щеках заиграли желваки. — Об этом вам лучше поговорить, — легкое сомнение, — с майором Прайсом. Это в любом случае не мое дело. — Затем он решительно поглядел прямо на Дика блестящими карими глазами. — Но меня особенно интересует винтовка, если она та самая, в чем, похоже, уверены все. Где теперь винтовка?

— В гостиной. Миллер ее осмотрел.

— Можно мне тоже взглянуть?

— Конечно. У вас имеются какие-то особые причины для любопытства?

— Прежде всего, — отвечал Эрншоу, — это моя винтовка. Вы же помните, что Прайс обошел всю

деревню, собирая оружие для своего тира?

— Да.

— Затем, поскольку я занимаю в обществе определенное положение… — Эрншоу издал свой дружелюбный дипломатический смешок. — Не важно. Давайте войдем.

Отголосок этого смешка, который так часто доносился из конторы управляющего «Городским и провинциальным банком» Шести Ясеней, сделался еще менее убедительным, когда они вошли в гостиную.

Лампа, висевшая над самым столом, давным-давно была выключена, и теперь покойник сидел среди теней и ослепительно-ярких солнечных пятен. Хотя Эрншоу привел себя в состояние вежливого безразличия, он невольно отчего-то поморщился, когда, с опаской огибая стол, заметил сардоническую усмешку в полуоткрытом глазу мертвеца. Он заторопился, желая побыстрее оказаться подальше, и тут Дик протянул ему винтовку:

— Не бойтесь касаться ее, Билл. Я все равно уже смазал все возможные отпечатки пальцев. Это ваше оружие?

— Да, — ответил Эрншоу. — Но теперь послушайте!

— Подождите минутку, — устало перебил Дик. — Если вы собираетесь спросить, кто украл винтовку вчера днем, так я уже говорил лорду Эшу, что понятия не имею!

— Но…

— Я уверен лишь в том, — убежденно произнес Дик, — что ни Прайс, ни Миддлсворт оружие не забирали, поскольку я помню, как они несли сэра Харви. Ни Лесли, ни я тоже его не брали — мы были вместе. А больше там не было никого, пока не пришли вы и не сказали, что присмотрите за ружьями.

Хотя Эрншоу по-прежнему улыбался, в его глазах и складке рта не было никакой веселости.

— Если кто и забрал винтовку, то это сам Прайс.

— Черт побери, Билл, он ее не брал! Винтовку нельзя засунуть в карман или спрятать под пиджак.

— Вот об этом я и толкую, старина. Никто не приближался к тиру, пока я там караулил. Я ничего не брал, хотя Прайс прикидывается, будто бы уверен в обратном. Чтобы я стянул собственную винтовку? Это же абсурд. Ну, скажите! Надеюсь, вы не предполагаете, что это какое-то колдовство?

Дик чуть было не ответил, что нисколько бы не удивился. Но его уже мутило от винтовок, мутило до смерти от всего, и он с нетерпением ждал прибытия суперинтенданта Дэвида Хэдли. Потому он лишь пробормотал что-то умиротворяющее, прислоняя винтовку обратно к стене у камина.

Эрншоу засмеялся, доказывая, что нисколько не задет.

— Надеюсь, вы не считаете, что я пытаюсь сделать из мухи слона, — произнес он. — Однако уж простите, что упоминаю об этом, но я обязан думать о своем положении. А это дело будет иметь последствия.

— Какие же?

Эрншоу заговорил совсем тихо:

— Этот человек не совершал самоубийства, Дик. И вы должны понимать это не хуже меня.

— Можете вы предположить, каким образом кто-то его убил?

— Нет. Но тут уже дело за детективами. Тело обнаружено в запертой на ключ и на засов комнате. Сбоку от него, — Эрншоу кивнул, — игла от шприца. С другой стороны, — Эрншоу снова кивнул, — коробка с кнопками. — Он призадумался. — В кнопках, разумеется, ничего особо загадочного нет. Я имею в виду, в том, что они здесь.

Вероятно, в доме их обнаружатся целые коробки. Вы, кажется, еще не жили здесь при полковнике Поупе, верно?

— Не жил.

— Полковник Поуп, — сказал Эрншоу, — использовал их против ос.

Дику показалось, он ослышался.

— Он использовал канцелярские кнопки против ос?

— Здесь целые тучи ос, — пояснил Эрншоу, кивнув в сторону фруктового сада. — Полковник Поуп говорил, он не может открыть летом окно без риска для жизни.

— И? Что же дальше?

— Кто-то упомянул при нем, что в Америке для таких случаев имеются «москитные сетки». В Англии у нас таких нет, хотя стоило бы завести. Вы же знаете, такие проволочные сетки, натянутые на деревянные рамы. Они вставляются в окна, и насекомые не залетают. Полковник Поуп так и не смог их достать, однако у него возникла идея. Он придумал использовать отрезы тюля, такую прозрачную ткань, крепя его к оконным рамам с помощью кучи канцелярских кнопок. Он торжественно проделывал это каждый божий день.

Эрншоу указал на письменный стол.

— Вы, без сомнения, найдете в ящике еще коробки, — продолжал он. — Но что означают кнопки, рассыпанные под рукой у покойника…

Дик удержался от желания ответить, что острые концы этих кнопок оставляют такие же точно проколы, как шприц в неумелых руках. Однако это была всего лишь никчемная фантазия, не имеющая практического смысла. Запах синильной кислоты, все еще исходивший от кожи покойника, сильнее ощущался в сгустившейся в гостиной жаре. Это подействовало и на Эрншоу.

— Давайте выйдем отсюда, — отрывисто предложил он.

Они снова были в саду, когда Эрншоу прибавил:

— Видели Лесли сегодня утром?

— Пока нет. — «Вот опять, — с отчаянием подумал Дик, — ради Бога и всех его святых, снова начинается!» — Почему вы спрашиваете, Билл?

— Да просто так. В смысле, — засмеялся Эрншоу, — она будет рада узнать, что это не она… — На этот раз его кивок относился к гостиной. — Между прочим, Дик, мне бы не хотелось, чтобы вы подумали, будто я придаю значение сплетням. Ни в коем случае!

— Нет; разумеется, нет!

— Однако же по временам меня невольно охватывает ощущение, что Лесли скрывает какую-то тайну.

— Какого рода тайну?

— Я помню, — задумчиво проговорил Эрншоу, — первый раз, когда говорил с ней. Она, как вам известно, одна из наших клиенток.

— Как и большинство из нас. Что же в этом такого зловещего?

Эрншоу пропустил его вопрос мимо ушей.

— То, что я вам скажу, разумеется, не секрет. Она на тот момент жила в Шести Ясенях примерно две недели, арендовав дом Фарнхэма. Она пришла ко мне в контору и спросила, не могу ли я перевести ее счет из нашего филиала на Бэсингхолл-стрит в Лондоне в местное отделение. Я сказал, само собой, что я с удовольствием займусь этим лично. — Эрншоу выглядел весьма довольным. — А потом она спросила: «Есть у вас здесь хранилище с сейфовыми ячейками?»

И Эрншоу снова засмеялся. Дик Маркхэм вынул пачку сигарет и предложил Эрншоу, но тот отрицательно помотал головой.

— Я ответил, нет, если она подразумевает то, что имеется в крупных отделениях нашего банка в Лондоне. Но, сказал я, мы всегда оказываем

клиентам услугу, помещая их ценности в опечатанный ящик в сейфовом помещении банка. Она как-то странно на меня посмотрела и сказала, что никаких ценностей у нее нет, однако имеется пара вещиц, которые лучше бы держать в надежном месте.

— И что же?

— Тогда она спросила: «Вы обязаны знать, что в том ящике, который я вам отдаю?» Я ответил, что совершенно наоборот, мы предпочитаем об этом не знать. На квитанции, которую мы выдаем, всегда значится: «Содержимое неизвестно». А затем, старина, боюсь, я совершил грубейший дипломатический промах. Я сказал, думая пошутить: «Естественно, если у меня возникнут подозрения, то мой долг провести расследование». И она больше не заговаривала на эту тему.

«Содержимое неизвестно».

Дик закурил сигарету и поглядел на завитки дыма. Он мог представить себе этот маленький банк на Хай-стрит: Эрншоу сидит за конторкой, соединив кончики пальцев и склонив прилизанную голову. И вечная, мучительная загадка, что же не имеет ценности и все же необходимо хранить подальше от посторонних глаз, загадка самой Лесли, похоже, обрела особую остроту.

— Вот это да! — пробормотал Эрншоу.

С восточной стороны переулка до них донесся звук мотора с характерным металлическим звяканьем, а за звуком возник и сам запыленный «хиллман» доктора Миддлсворта. Он подкатил к коттеджу. Миддлсворт, с трубкой в зубах, выбрался из-за руля и распахнул заднюю дверцу.

— Боже мой! — воскликнул Эрншоу. — Это же…

С заднего сиденья, подобный очень большому джинну, выбирающемуся из очень маленькой бутылки, медленно вылез невероятно высокий и невероятно толстый человек в складчатой пелерине и пасторской шляпе. Дело было непростое, поскольку человек пытался удержать на голове шляпу, на носу — пенсне на широкой черной ленте и одновременно с этим под аккомпанемент сиплого дыхания протиснуть свое дородное тело в тесную дверцу и не упасть, опираясь на трость с загнутой рукоятью.

Наконец человек выпрямился на дороге в полный рост — пелерина и пенсне на ленте при этом взлетели — и окинул взглядом коттедж. Лицо с несколькими подбородками и разбойничьими усами раскраснелось от усилий. Необъятный джентльмен прочистил горло, и от получившего-

ся боевого клича затряслись все его подбородки.

— Да, — подтвердил Дик, много раз видевший эту гаргантюанскую фигуру на фотографиях в газетах. — Это Гидеон Фелл.

И тут он вспомнил, при чем здесь Гастингс.

Накануне вечером Миддлсворт обмолвился — во время одного из своих странных спичей, нарушавших его задумчивое молчание, — что доктор Фелл проводит лето неподалеку, в Гастингсе. Так Миддлсворт уехал в такую безумную рань, чтобы привезти доктора Фелла. Но зачем?

Это не важно. Доктор Фелл знает об этом деле ровно столько же, сколько и суперинтендант Хэдли. Теперь история Лесли выйдет наружу, да еще и прямо перед Биллом Эрншоу. Дику стало еще хуже, когда он заметил, как Миддлсворт обменивается с доктором Феллом репликами, после чего гаргантюанский доктор тяжело двинулся вперед, приближаясь к коттеджу.

На самом деле казалось, что доктор Фелл охвачен подавленным, но бурным негодованием. Он решительно шагал по траве, рассекая ее своей тростью. Громадный, словно галеон, в своей пелерине, он на добрую голову возвышался над остальными мужчинами. Он остановился перед Диком Маркхэмом, сипло дыша, и окинул его в

высшей степени озабоченным взглядом.

И снова прочистил горло.

— Сэр, — проговорил доктор Фелл, со старомодным достоинством снимая свою пасторскую шляпу, — я имею честь обращаться к мистеру Ричарду Маркхэму?

— Да.

— Сэр, — продолжал доктор Фелл, — мы привезли вам радостную новость.

В наступившем молчании, пока доктор продолжал оглядывать Дика с озабоченным видом, было слышно, как где-то далеко лает собака.

— Радостную новость? — повторил Дик.

— Несмотря на тот факт, — настаивал доктор Фелл, снова надевая свою шляпу и поворачиваясь к Миддлсворту, — несмотря на тот факт, что по дороге сюда мы повстречали некоего майора… майора…

— Прайса, — подсказал Миддлсворт.

— Некоего майора Прайса, да, который рассказал нам о происшествиях сегодняшнего утра, что несколько умалило наше торжество, мне все равно кажется, что для вас это будет хорошая новость.

Дик переводил взгляд с доктора Фелла на Миддлсворта. Доктор, со своим морщинистым лбом и

редеющими каштановыми волосами, оставался, как всегда, безучастным, однако выражение в его глазах и даже глубокие морщины у рта странным образом вселяли спокойствие.

— Мы в любом случае все уладим, — произнес Миддлсворт, вынимая изо рта трубку и выбивая ее о подметку своего ботинка. Он подошел к окну гостиной и побарабанил по стеклу. — Доктор Фелл, — прибавил он, — кто этот мертвый человек?

Проворчав что-то невнятное, доктор Фелл неуклюже подошел и прижался к стеклу настолько близко, насколько позволяли горные кряжи его жилетки. Он поправил пенсне, подавшись вперед, словно чтобы как следует сосредоточиться. Однако уже спустя несколько секунд снова повернулся к ним.

— Сэр, — ответил доктор Фелл с тем же сдержанным негодованием, — я не имею ни малейшего понятия, кто это такой. Но это не сэр Харви Гилмэн.

Глава одиннадцатая

Слишком длинная череда потрясений, притупивших чувства, вызвала некое подобие ступора, который легко принять за спокойствие.

— И в чем смысл шутки? — спросил Дик Маркхэм.

Он сознавал, что на него смотрят все трое: Эрншоу с разинутым ртом, горестно перекошенный Миддлсворт и доктор Фелл, столь искренне полыхавший от негодования, что его выпяченная нижняя губа едва не касалась разбойничьих усов.

— Никаких шуток, — отозвался Миддлсворт.

Затем Дик прокричал:

— Это не сэр Харви Гилмэн?

— Это самозванец, — просто ответил Миддлсворт. — Я не мог поделиться с вами накануне вечером своими подозрениями, поскольку не хотел подавать ложные надежды. Однако же… — Миддлсворт очнулся. — Прошу прощения, Билл, — обратился он к Эрншоу, — но разве вас не хватятся в банке?

Высказанный мягким голосом Миддлсворта, да-

же такой прозрачный намек не нес в себе ничего оскорбительного. С другой стороны, об учтивости Эрншоу, или о его благодушном характере, или о том и другом сразу свидетельствовало то, что банковский управляющий в ответ лишь кивнул.

— Да, — согласился он, — я и без того уже опоздал. Боюсь, вынужден откланяться. Увидимся позже.

Он развернулся и зашагал прочь, словно под гипнозом, хотя внутри он наверняка сгорал от любопытства.

Миддлсворт выждал, пока прямая спина, шляпа а-ля Энтони Иден и ладный темно-синий костюм окажутся на достаточном расстоянии.

— Объясните ему, доктор Фелл, — предложил Миддлсворт.

Доктор Фелл, могучий галеон, сделал разворот, чтобы взглянуть Дику в лицо.

— Сэр, — начал он нараспев, покрепче насадив на нос пенсне, — вас выбрали жертвой — причины сказать не могу — самой жестокой и грубой мистификации на моей памяти. Я бы хотел заверить вас, что эта мисс… мисс…

— Лесли Грант, — подсказал Миддлсворт.

— Ах да. Именно. — Лицо доктора Фелла раскраснелось от негодования, щеки надулись.

— Мисс Грант никакая не отравительница. Она вообще, насколько я понимаю, не преступница. Я объясню подробно, что я имею в виду.

Он принялся загибать пальцы:

— Она никогда не была женой Бертона Фостера, не убивала его и вообще не имела никакого отношения к американскому юристу — по той великолепной причине, что подобного человека вовсе никогда не существовало…

— Что?

Доктор Фелл махнул рукой, требуя тишины.

— Она не виновна в отравлении престарелого мистера Дэвиса из Ливерпуля ни в запертой комнате, ни где-либо еще, поскольку мистера Дэвиса тоже никогда не было на свете. Она не приглашала к себе домой Мартина Белфорда из Парижа на ужин по случаю помолвки, чтобы затем отправить его к себе умирать, ведь он так же является частью мистификации. Короче говоря, сэр, вся история о мисс Грант не что иное, как нагромождение *лжи* с самого начала и до конца.

Если боль можно ощущать как-нибудь отстраненно, то именно так и ощутил Дик Маркхэм укус между указательным и средним пальцами правой руки. Он до некоторой степени пришел в себя, осознав, что это догорела до конца сигарета.

Он уставился на окурок, затем отшвырнул его.

— Ну же, очнитесь! — выплыл откуда-то из тумана голос Миддлсворта.

И именно дружелюбная, сердечная улыбка Миддлсворта разрушила заклятие.

— В таком случае, — проговорил Дик, — кто он, господи помилуй, такой? В смысле, кем был?

Словами невозможно было передать, какая буря бушевала у него в голове. И Дик Маркхэм перешел на пантомиму, словно дитя. Он указал на окно гостиной, на зловещую картину с нехорошо ухмылявшимся трупом на заднем плане.

— Отвечая на вопрос, кто он, — отозвался доктор Фелл, — могу лишь повторить, что не имею понятия. Никогда его раньше не видел, несмотря на тот факт, что он вроде бы похвалялся знакомством со мной. Но был он, как я подозреваю, в некотором роде гением.

— Но зачем, — возопил Дик, — он наплел всю эту ложь? Зачем? Какую цель он преследовал?

Доктор Фелл насупился:

— Не желаю даже думать о том, что все это было просто замысловатой шуткой.

— Шуткой это не было, — сухо подтвердил Миддлсворт. — Видели бы вы его лицо прошлой ночью.

И снова доктор Фелл развернулся к Дику с тяжеловесной и чудаковатой благожелательностью, в которой угадывалась извиняющаяся нотка.

— Видите ли, молодой человек, эта его история была в своем роде настоящим произведением искусства. Нацеленным исключительно и только на вас одного, на любой просвет в вашей броне, на любой не защищенный маской фрагмент вашей души.

(Верно! Верно! Верно!)

— Каждое слово было призвано породить в вас определенную реакцию. И он набросал психологический портрет юной леди, в который вы смогли поверить; с иронией, уязвившей вас до глубины души, обрисовал ситуацию, которую ваше собственное воображение дополнило, позволяя вам ее принять. Идеальная картина, кхе-кхе, драматург, подорвавшийся на собственной петарде. Но я немало удивлен…

Зычный голос доктора Фелла умолк, и он нахмурился. Дик, которому теперь вспоминались некоторые мелочи, поглядел на Миддлсворта.

— Мне так хочется пожать вам руку, доктор, — произнес он.

— Ну что вы, — смущенно отозвался Миддлсворт.

— Вы же с самого начала решили, что он какой-то жулик?

— Н-ну, — протянул Миддлсворт, — не вполне так.

— Но вчера вечером вы…

— Я не стал бы утверждать, будто бы с самого начала понял, что он жулик, нет. Но я и не сильно обрадовался по поводу… Когда майор Прайс представил его мне и сказал, что сэр Харви взял со всех нас слово хранить пока в тайне его настоящее имя…

— Я мог бы побиться об заклад, что он заставил вас пообещать нечто подобное, — мрачно заметил доктор Фелл. — Разрази меня гром, если бы «сэр Харви» да не заставил!

— Мне стало любопытно, — продолжал Миддлсворт. — Я спросил об одном знаменитом случае из его практики. Он ответил вполне убедительно. Однако при этом грандиозно оговорился, упомянув «две полости» сердца. Это меня несколько насторожило. Поскольку любой студент-медик знает, что у сердца четыре полости. А потом добавились те истории, которые он рассказывал вчера вечером.

Дик заговорил, ощущая горечь во рту.

— Неужели я купился, — произнес Дик, — на

какую-нибудь совершенную дичь в его криминальных историях?

Миддлсворт призадумался.

— Не дичь, нет. Ничего невероятного. Просто едва ли возможное. Когда министерского патологоанатома вызывают, чтобы он поработал в качестве судмедэксперта в Лондоне… Или, в ливерпульской истории, показания давались в Зале святого Георга, тогда как преступление совершилось на окраине, на Принц-парк-уэй… Я всего лишь семейный доктор, — пояснил Миддлсворт извиняющимся тоном, — и все же… черт побери!

Он сунул в рот свою пустую трубку и затянулся.

— В любом случае, — прибавил Миддлсворт, ссутулив плечи, — я подумал: было бы неплохо связаться с доктором Феллом. — Он заморгал, мягко глядя на Дика. — Вам лучше, старина?

Лучше?

Как же ему объяснить, что он так и не отделался пока от ночного кошмара? И что гипнотический взгляд так называемого сэра Харви Гилмэна — слишком уж гипнотический, понимал он теперь — он ощущает на себе до сих пор? Над полями, оживляя воспоминания, поплыл звон церковных часов, отбивавших десять утра.

— Ровно двенадцать часов, — ответил Дик, — с того момента, как я оказался в этом кошмаре. А кажется, что двенадцать дней или двенадцать лет. Мне необходимо свыкнуться с мыслью, что Лесли не убийца, а всех этих «убитых мужчин» вовсе никогда не существовало. И никогда никого не травили синильной кислотой! И не было никаких запертых комнат!

Доктор Фелл кашлянул.

— Прошу прощения, — вставил он с безукоризненной вежливостью. — Но отравление синильной кислотой перед нами. И в самой что ни на есть запертой комнате. Будьте любезны заглянуть в гостиную, и вы сами убедитесь.

Церковные часы умолкли.

И все трое встревоженно переглянулись.

— Доктор Фелл, — сказал Дик, — что означает вся эта чепуха?

Доктор Фелл протяжно фыркнул носом. Сделал несколько неуклюжих шагов туда и обратно по саду, рассекая траву своей тростью. Казалось, он мысленно выступает перед призрачным парламентом: жесты были видны, хотя слов не разобрать. Когда же он развернулся, собираясь обратиться к двум своим настоящим слушателям, он откинул голову, чтобы пенсне не сползало

с носа.

— Ну как же, сэр! — ответил он, потрясая в воздухе своей клюкой. — Дело, каким его должны были увидеть, изложено нам в общих чертах. История этого самозванца — неправда. Однако же кто-то воплотил ее в жизнь.

— Чего ради?

И снова доктор Фелл принялся расхаживать из стороны в сторону.

— Нам будет не на что опереться, — продолжил он, — пока мы не установим личность покойного, не выясним, в чем суть его игры и стоило ли сплетать всю эту возмутительную паутину лжи всего лишь для того… чтобы что? Всего лишь для того, как я понимаю, чтобы присутствовать в доме, пока мистер Маркхэм ужинает с мисс Грант! Все верно?

Дик с Миддлсвортом кивнули. Доктор Фелл заморгал, уставившись на последнего.

— Но одно предположение, которое вы выдвинули, пока мы выслушивали сегодня утром некоего майора Прайса, — сообщил он, — действительно показалось мне заслуживающим внимания. Ах да. Именно. Какое бы объяснение мы ни нашли, весь заговор все равно сосредоточен вокруг мисс Лесли Грант.

Дик спросил резко:

— Как вы пришли к такому выводу?

В глазах доктора Фелла разгорелся огонек, заливая светом, словно из громадной топки, румяное лицо и озаряя затем кряжи жилетных складок, сотрясавшихся от его хмыканья. И тут он сделался до крайности серьезным.

— Заговор все равно сосредоточен, — повторил он, — вокруг мисс Лесли Грант. И вот сейчас очень важный вопрос. Если иметь в виду эту историйку о запертых комнатах и инъекциях — самозванец рассказывал об этом кому-то, кроме вас двоих?

— Я не знаю, — сказал Дик.

— Я тоже, — признался Миддлсворт.

— Пока он излагал ее вам, его никто не мог подслушать?

Дик очень живо припомнил сцену из прошлого вечера: грубые шторы в цветочек задернуты на окнах не до конца, а одно окно распахнуто настежь. Он вспомнил, как Миддлсворт внезапно поднялся с места посреди повествования так называемого сэра Харви и высунулся из окна. Дик пересказал этот эпизод.

— Там снаружи был кто-нибудь? — спросил он Миддлсворта.

— Да.

— Вы сумели рассмотреть, кто это?

— Нет. Слишком темно.

— Есть два варианта, — проворчал доктор Фелл. — Если желаете, можно сказать, что самозванец устроил весь этот маскарад, выдавая себя за сэра Харви Гилмэна, выдумал невероятную ложь, произвел все эти приготовления лишь для того, чтобы иметь возможность запереться потом здесь и вкатить себе дозу яда. Такое может быть, джентльмены. Может быть. Но если только этот тип не был умалишенным, сбежавшим из сумасшедшего дома, что представляется мне маловероятным, это объяснение звучит не особенно правдоподобно. Гм, нет. Второй же вариант…

— Убийство?

— Да. И вы понимаете, куда это ведет нас? — Доктор Фелл снова принялся расхаживать по саду, обращаясь к призрачному парламенту, но в конце концов остановился.

— Вся суть, как вы понимаете, в следующем. Прошлой ночью здесь было воспроизведено убийство, штрих за штрихом, как на хорошем рисунке. Шутка в том, что изначального убийства не было! Оно являлось плодом воображения, чистым полетом фантазии самозванца, выдававшего себя за сэра Харви Гилмэна. И все же

оно было воспроизведено. Почему? Потому что, разумеется, убийца был убежден, что повторяет реальное преступление. Народ в Шести Ясенях поверил — и верит до сих пор, — что этот человек сэр Харви Гилмэн, патологоанатом из Министерства внутренних дел. То, что говорит сэр Харви, чистая правда. То, что сэр Харви называет случаем из жизни, и есть случай из жизни. С чего бы добрым обывателям в этом усомниться?

— Либо он рассказал эту историю с отравлением синильной кислотой кому-то, кроме вас, либо кто-то подслушал вас вчера ночью. Но кто-то уверен, твердо уверен, что Лесли Грант убийца, прикончившая трех человек. И кто-то, возликовав, внезапно придумывает способ, как совершить «невозможное» преступление. После чего кто-то совершает его, искренне полагая, что обвинят во всем Лесли Грант. — Доктор Фелл умолк, сипло вдохнув. И прибавил уже не столь многословно: — Вот вам лотерейный билет. Можете поставить на него последнюю рубашку.

— Вы хотите сказать, — уточнил Дик, — кто-то ненавидит Лесли настолько, что совершил убийство, лишь бы…

Доктор Фелл выглядел встревоженным.

— Дорогой мой, — возразил он, — мы ничего

не можем сказать о мотиве. Мы же не знаем личности покойного. Прежде чем утверждать, что такой-то и такой-то имеет мотив, неплохо бы знать, чье убийство вы расследуете.

— В таком случае?..

— Ну, мы действительно видим, что Лесли Грант представилась удобной жертвой, на которую можно возложить вину. Убийца не сомневался — вероятно, не сомневается и в эту самую минуту, — что грязное дело повесят на нее, поскольку она настоящая отравительница. — Он поморгал, глядя на Дика. — Вы ведь и сами в это верили, как я понимаю, еще несколько минут назад?

— Да, боюсь, что так.

— Вот же! — буркнул доктор Фелл, и привычное хмыканье сотрясло его дородное тело. — Ну, не стоит смотреть так пристыженно и клясть себя на чем свет стоит!

— А мне кажется, стоит.

— Хотя вы, как я понял со слов Миддлсворта, приготовились защищать эту леди независимо от того, что она совершила? Сэр, с вашей стороны это весьма предосудительно. Я даже возмущенно цокаю языком. Это же недостойно благонамеренного гражданина. Однако же, черт побери, это достойно истинного влюбленного! — Доктор Фелл

стукнул о землю металлическим наконечником своей трости. — И все же, принимая во внимание текущие трудности…

— Что же?

— Вы должны помнить, сэр, что мне известно о вчерашних событиях лишь в общих чертах и со слов доктора Миддлсворта, плюс беглый набросок событий сегодняшних от майора Прайса, пересказавшего слова констебля. Однако одно совершенно очевидно. Если вину за это преступление намеревались возложить на мисс Лесли Грант, из этого вытекает, что…

Он снова умолк, глубоко погрузившись в туманные размышления. Затем он изрек:

— Кто, кстати, был тот джентльмен, который недавно ушел?

— Я должен был вас представить, — принялся извиняться Дик, — но я был в таком замешательстве, что как-то не подумал об этом. Это был Билл Эрншоу, банковский управляющий.

— Ах да. Ясно. Он хотел что-то конкретное?

— Он беспокоился из-за этой чертовой винтовки. Кроме того, он в некоторой степени объяснил, откуда в гостиной взялась коробка с канцелярскими кнопками.

Дик быстро пересказал то, что сообщил Эрншоу.

Доктора Фелла особенно заинтересовало пристрастие полковника Поупа к кнопкам. Не менее пристальное внимание он обратил на рассказ о вчерашней ярмарке в саду и о необъяснимом исчезновении винтовки на глазах у всех. Что-то в этой второй загадке вызвало у доктора Фелла неподдельный интерес, поскольку на лице доктора, пока он смотрел на Дика, отражалась работа мысли. Однако, вместо того чтобы поделиться своими соображениями, доктор Фелл перешел к следующему вопросу.

— Скажите-ка мне, — задумчиво протянул он, — когда наш приятель самозванец разыгрывал из себя прорицателя, он был хороший прорицатель? Высказывал он какие-нибудь поразительные догадки о других людях?

— То, что он говорил, похоже, изумляло всех. В том числе…

И снова, острое и быстрое, словно укол иголки, пришло воспоминание, как что-то было сказано Лесли, о чем она потом откровенно лгала. Доктор Фелл догадался.

— Могу я высказать предположение, — произнес он, — что вы не желаете снова погружаться в весь этот кошмар? Архонты Афин! Если он настолько ловко загипнотизировал вас лживой

историей, разве не существует вероятности, что он проделал то же самое с ней?

— Вы имеете в виду, он и Лесли наплел с три короба…

— Это, — подчеркнул доктор Фелл, — по-видимому, было его особым талантом.

Здравый смысл возвращался к Дику, и все трудности разрешались. Он заговорил с жаром:

— Как только вернется констебль и я смогу оставить свой пост, я хочу сделать одно дело. Я отправлюсь прямо к Лесли и извинюсь.

Доктор Фелл пришел в восторг.

— Извинитесь за то, — уточнил он, — что защищали ее?

— Извинюсь за все! Расскажу ей, какой я был скотиной! Выложу ей все, как есть!

— Если хотите пойти прямо сейчас, — сказал доктор Фелл, — я могу покараулить. Мне было бы очень интересно осмотреть эту комнату. А потом уж, пожалуйста, расскажите мне *всё*. У меня ощущение, — он пошевелил в воздухе пальцами, — что имеющаяся у меня информация не только неполная, но еще и наводит на неверный след. Когда вы вернетесь, кстати, вы, вероятнее всего, найдете меня в Эш-холле.

— В Эш-холле? Вы знакомы с лордом Эшем?

Доктор Фелл махнул своей тростью:

— Все это, как я понимаю, земли поместья?

— Да. Вы можете пройти через рощицу за полем, так короче.

— Я знаком с лордом Эшем, — вернулся к вопросу доктор Фелл, — но только по переписке. Меня занимают его исторические исследования. Первый Эш был фаворитом королевы Елизаветы. Последний Эш, предшественник нынешнего, привел в смятение пол-Европы, когда сошелся с самой скандально известной дамой полусвета своего времени. И лорд Эш собирает семейную историю, которая, по сути, будет историей Англии на протяжении трех с половиной столетий. Если бы ему хватало денег, чтобы… — Доктор Фелл вернулся в реальность. — Не важно! Так что́, сэр, посторожить мне вместо вас?

Миддлсворт тронул Дика за руку.

— Соглашайтесь, — сказал он, — я вас подвезу. В половине одиннадцатого мне надо быть у себя в кабинете.

Очевидно успев забыть об их присутствии, доктор Фелл неуклюже поднялся на две ступеньки и вошел в дом. Когда Миддлсворт сдал задним ходом в переулок, они успели заметить доктора Фелла уже в гостиной. Было видно, как он с

недоуменным выражением изучает сперва разбитое окно слева, затем другое окно, с дыркой от пули в нижней части, сбоку от металлической задвижки.

Дик ехал в машине Миддлсворта с совершенно иными чувствами, чем накануне вечером. Пока они тряслись по Виселичному переулку — отсюда до Хай-стрит и дома Лесли было не так уж и далеко, — каждый из них ограничился всего одной репликой. Дик сказал: «Спасибо!» — а Миддлсворт произнес: «Не стоит благодарности». Но ощущение было такое, словно они обменялись рукопожатием.

Когда Миддлсворт высадил его перед домом Лесли, Дик постоял немного, оглядывая тихую Хай-стрит, протянувшуюся на север. Дымка ночного кошмара рассеялась еще не до конца, однако ему хотелось пуститься в пляс, или зашвырнуть камнем в окно почты, исключительно чтобы выразить восторг облегчения. Он получал удовольствие, физическое наслаждение, даже от вида Хай-стрит.

Тут стояли знакомые дома. Почтовое отделение без автомата для продажи марок, с темпераментной начальницей во главе. Были тут и магазины, и паб «Грифон и ясень», три или четыре конторы

и аккуратное кирпичное здание «Городского и провинциального банка». Дальше поднимался серый небольшой шпиль церкви, возглавляемой преподобным Артуром Гудфлауэром, часы которой сейчас как раз отбивали четверть одиннадцатого.

Часы напевали мелодию, не слышную никому, кроме Дика Маркхэма. Он зашагал по дорожке к дому Лесли.

На его звонок никто не отозвался. Он позвонил еще раз, но также безрезультатно, прежде чем заметил, что передняя дверь закрыта не до конца.

Толкнув ее, он просунул голову в прохладную, сумрачную, уютную прихожую.

— Лесли! — крикнул он.

Как же, черт побери, он собирается смотреть ей в глаза? Как рассказать ей, в скольких словах, что прошлую ночь он провел, подозревая ее в том, что она убийца с ангельским лицом, которая прячет яд, или дневник, или некий безымянный ужас в стенном сейфе? Однако единственное, что можно сделать, — выложить ей все, как есть, и покончить с этим кошмаром в общем взрыве хохота. Поскольку вчерашнее происшествие с винтовкой в конце концов оказалось обыкновенным несчастным случаем.

Лесли, выведенная из равновесия какими-то нелепыми россказнями — теперь-то Дик понимал, что убийцей могли выставить и его самого, — нажала на спусковой крючок, не желая того. А гнусный Гилмэн мгновенно и правдоподобно обратил это в свою пользу.

В доме по-прежнему никто не отзывался.

— Лесли! — позвал он снова.

Напольные часы в прихожей размеренно тикали. Миссис Рэкли, вероятнее всего, в это время отправилась за покупками. Но Лесли… Он собирался уже развернуться и закрыть за собой дверь, когда на глаза ему попалась сумочка Лесли, а рядом с ней ключ от парадной двери на столике в прихожей.

Прокричав ее имя, он прошел в гостиную. Затем заглянул в столовую напротив, изучил кухню позади нее. Одного взгляда в кухонное окно хватило, чтобы удостовериться: в саду ее тоже нет.

Он сказал себе, что у него нет повода для волнений. Может, она всего-навсего вышла на минутку на улицу. Стоя посреди аккуратной белой кухни, где в тишине особенно гулко капал кран, он так себе и говорил, однако к этому моменту он уже пребывал в таком состоянии, что ему хотелось удостовериться в этом, просто увидев ее.

В качестве последнего прибежища он заглянул в маленькую комнатку, настоящую клетушку, которую Лесли приспособила для завтраков. Мебель здесь была выкрашена яркой белой и голубой краской, словно в детской. На столе, накрытом на одну персону, с полагающимся набором столовых приборов и фарфора, стояла безнадежно остывшая яичница с беконом. Тост в хлебной корзинке успел превратиться в сухарь. В замершую в ожидании чашку никто не налил ни глотка кофе.

Дик спешно вышел из комнаты, вернувшись обратно в прихожую, и помчался наверх, перешагивая через три ступеньки.

В этом доме столь неукоснительно соблюдались приличия, что он до сих пор ни разу даже не заглядывал в ее спальню, хотя и знал, где она расположена. Он остановился перед закрытой дверью. Стукнул разок, не получил ответа, засомневался и открыл дверь.

Два окна спальни выходили на Хай-стрит. Между ними зиял, подобно шраму, злобно ощерившийся стенной сейф со стальной, широко распахнутой дверцей. Это было еще не все, что он увидел, сделав по инерции три широких шага вперед. Внутри сейфа, размерами чуть больше

коробки для печенья, было пусто.

Поравнявшись с изножьем кровати, Дик повернулся.

Скорчившись на полу, прижимаясь к ковру левой щекой, у ножки кровати лежала Синтия Дрю. Одно колено приподнято, руки в розоватом джемпере широко раскинуты. Кожа на багровеющем синяке лопнула на виске справа и сочилась темной кровью, запекшейся ниже, на щеке. Синтия не двигалась.

Глава двенадцатая

Пустой сейф.

Синтия с восковым лицом и растрепанными светлыми волосами.

Дик поднял ее — несмотря на небольшой рост, крепко сбитая Синтия была вовсе не легкой — и перенес на кровать, где она так и лежала, обмякшая, словно кукла.

Слава богу, вопроса, жива ли она, не возникало. Она даже, надеялся Дик, не очень серьезно ранена. Чуть приоткрытые губы подрагивали от слышного, хотя и прерывистого дыхания. Однако она была бледна, и жуткое фиолетовое пятно казалось особенно уродливым на такой светлой коже.

За другой дверью напротив окон виднелась в высшей степени современная, даже сибаритская ванная комната. Дик заскочил туда, спешно открутил кран с холодной водой, направив струю в раковину, смочил полотенце для лица, выжал и покопался в аптечке, в надежде найти нюхательные соли и йод. В зеркале над раковиной он увидел собственное отражение, щетинистое,

даже не умытое, — призрак, чтобы пугать добрых людей. Он не нашел ни солей, ни йода, зато разжился пузырьком перекиси водорода и упаковкой ваты.

Он вернулся к Синтии и только успел прижать ей ко лбу мокрое полотенце, когда услышал, как внизу гулко хлопнула входная дверь.

Лесли?

Но это оказалась не Лесли. Когда он спешно сбежал по лестнице, преодолевая ступеньки альпинистскими прыжками, то обнаружил миссис Рэкли: в безобразного вида шляпе, с корзинкой для покупок в одной руке и пухлым бумажным пакетом — в другой.

— Мистер Маркхэм! — воскликнула миссис Рэкли. И ее взгляд с категоричностью столичного констебля добавлял: «Ну, знаете!»

— Где мисс Лесли?

— Она здесь, сэр.

— Ее здесь нет, миссис Рэкли!

— Я оставила ее здесь, — подчеркнула домоправительница, с некоторой тревогой опуская покупки на стол в прихожей.

— Когда вы ее оставили?

— Час назад примерно. — Миссис Рэкли перевела взгляд на часы. — Мисс Синтия…

— При чем тут мисс Синтия?

Разволновавшаяся кухарка-горничная-экономка никак не могла справиться со свертками из корзинки и пакета, которые так и норовили раскатиться, словно бильярдные шары.

— Так вот, сэр, это случилось, пока здесь был майор Прайс. Мисс Синтия пришла через заднюю дверь и спросила, нельзя ли ей потихоньку подняться по черной лестнице в спальню мисс Лесли, потому что она хочет сделать ей какой-то сюрприз. Я сказала: да, можно; мисс Синтия ведь такая хорошая девочка и не держит зла ни на вас, ни на мисс Лесли… прошу прощения, так и есть!

— И что же? Что было дальше?

— Сэр, а в чем дело?

— Не важно! Продолжайте!

— Потом майор Прайс ушел, и мисс Лесли тоже отправилась наверх, я слышала, как они там с мисс Синтией говорили.

— И?..

— Я и сама поднялась наверх, постучала в дверь спальни и сказала: «Мисс, ваш завтрак готов». И она отозвалась, сказала: «Я уже спускаюсь, а вы можете отправляться за покупками прямо сейчас». Говорила она очень отрывисто, никогда так раньше не разговаривала. Ну, я и отправилась

сразу же, как она велела. — Горькая обида миссис Рэкли растворилась в тревоге, когда ее осенило, что могло совершиться очередное чудовищное преступление. — Только не говорите мне, сэр, что она не притронулась к завтраку!

Дик пропустил это мимо ушей.

— Боюсь, произошел несчастный случай! — Он замялся. — Мисс Синтия упала и ударилась головой. Не могли бы вы…

Продолжать не было необходимости. Несмотря на свою грузность, миссис Рэкли поднялась по ступенькам с удивительной живостью, прижимая руку к сердцу, словно чтобы не дать ему выскочить из груди. Она расторопно и умело оказала помощь Синтии.

Промыв синяк и стерев кровь, она применила оживляющие средства из своих запасов, которые принесла сверху. Синтия же, приходя в себя, принялась сопротивляться. Она извивалась и дергалась, что-то бормотала и брыкалась, и миссис Рэкли терпеливо придерживала ее за плечи, пока та не успокоилась.

— Ну же, ну! — увещевала миссис Рэкли. — Ну же! — Она повернула голову. — Как вы считаете, сэр, не надо ли нам послать за доктором?

— Нет.

— Как же такое случилось, сэр?

— Она… она оступилась и ударилась головой об изножье кровати.

— Вы были здесь, сэр?

— Благодарю вас, миссис Рэкли. На этом все. Если бы вы позволили мне побеседовать с мисс Синтией пару минут наедине…

— Даже не знаю, — многозначительно проговорила миссис Рэкли, — имею ли я на это право.

— Что ей действительно нужно, — продолжал Дик, — это чай. — Он понятия не имел, насколько действенное это средство, но рассчитывал на то, что миссис Рэкли согласится и отправится в кухню. — Горячий черный чай, — уверенно заявил он, — без сахара и молока. Если бы у нас был…

Подействовало.

После чего он присел на край кровати рядом с Синтией, которая спешно расправила юбку и, должно быть, почувствовала острую боль в голове, когда попыталась подняться. Синтия тяжело задышала. Голубые глаза, из которых понемногу уходила муть, смотрели в одну точку, щеки вдруг покраснели, затем побледнели снова.

— Уже все в порядке, Синтия. Что здесь произошло?

— Она меня ударила. Это звучит а-абсурдно, но

она ударила меня. Зеркалом.

— Каким зеркалом?

Синтия силилась приподняться, чтобы показать, но, как только ее плечи оторвались от покрывала на кровати, она заметила распахнутый сейф и, очевидно ощутив головокружение, схватила Дика за руку:

— Дик! Сейф!

— Что с ним?

— Он пуст. Что в нем было?

— Разве ты не знаешь?

— Нет! Я пыталась… — Внезапно Синтия взяла себя в руки. Лицо ее разгладилось, обретя безоговорочную, миловидную невозмутимость, — если бы не миловидность, эта невозмутимость граничила бы с тупостью. Она попыталась весело рассмеяться. — Дорогой друг, — выдохнула она тем самым тоном с теннисного корта, — мы выглядим довольно нелепо. Дай мне, пожалуйста, встать.

— Полежи спокойно, Синтия.

— Хорошо. Все, как ты пожелаешь!

— Где ты услышала, что в этом сейфе что-то хранится, хоть что-нибудь?

— Мой дорогой Ричард, я и не слышала! Этот сейф — загадка для всей деревни. Половина Ше-

сти Ясеней только о нем и говорит. И п-поскольку у нас сейчас и без того полным-полно загадок… — Синтия снова одернула себя. — Она ударила меня, Дик. Я подошла к ней с намерением урезонить. А она кинулась, словно атакующая кобра. С этим вот зеркалом.

Дик обвел комнату взглядом.

На туалетном столике был разложен целый дамский гарнитур из серебра, простой, скромный, однако же дорогой и очень тяжелый. Ручное зеркало, из которого могло бы получиться смертоносное оружие, сейчас балансировало на краю столика, словно брошенное туда в спешке.

Дик Маркхэм — он сам с изумлением ощутил это — больше не страдал от смятения ума и дурмана в голове, как это было днем раньше. Он вырвался из когтей зла, — во всяком случае, так ему казалось, он снова сделался полным сил, живым молодым человеком с весьма незаурядным интеллектом.

— Почему она это сделала, Синтия?

— Я же сказала тебе! Я попросила ее открыть сейф.

— Она стояла к тебе лицом?

— Да. Спиной к этому туалетному столику, держа руку сзади. И она замахнулась зеркалом, не

успела я и глазом моргнуть.

— Синтия, ты уверена, что говоришь мне правду?

— С чего бы мне говорить тебе неправду?

— Лесли правша. Если она ударила тебя зеркалом, когда ты стояла к ней лицом, то синяк должен был остаться у тебя на левом виске. Так почему же синяк у тебя справа?

Синтия уставилась на него широко раскрытыми глазами:

— Ты мне не веришь, Дик Маркхэм?

— Я не говорю, что не верю тебе, Синтия. Я пытаюсь выяснить, что здесь произошло.

— Естественно, — выпалила вдруг Синтия с горечью, — ты примешь ее сторону. — После чего, наплевав на то, как она выглядит, эта девушка (которая всегда беспокоилась о своем внешнем виде) уткнулась лицом в подушку и разрыдалась.

Дик, которого бросало то в жар, то в озноб от смущения, совершил ошибку, попытавшись взять ее за руку: она стряхнула его руку с неприкрытым отвращением. Он поднялся, подошел к окну и невидящим взглядом уставился на Хай-стрит.

На другой стороне улицы, слева, возвышались

входные ворота Эш-холла. Ничто не двигалось на всей Хай-стрит, за исключением рослого мужчины с военной выправкой — чужак в деревне, рассеянно отметил про себя Дик, — который как раз переходил улицу, направляясь в сторону почты.

Дику нравилась Синтия, очень нравилась, хотя это чувство не имело ничего общего с тем, что он испытывал к Лесли. Мысль, вспыхнувшая в мозгу, была настолько безобразна, что он похолодел, тем более что эмоциональная буря Синтии утихла в то же мгновение. Настроение у нее поразительным образом переменилось, она совершенно спокойно села на кровати и спустила ноги на пол.

— Ну и вид у меня, наверное, — заметила она.

Он развернулся на месте:

— Синтия, где Лесли?

— Боже, откуда мне знать?

— Здесь ее нет. Ее нет в доме. И как ты и сказала, сейф сейчас пуст.

— Но ты же не думаешь, в самом деле, что я что-нибудь с ней сделала?

— Нет, нет! Однако…

— Однако ты допускаешь, — перебила Синтия с размеренной холодностью, — что ей действи-

тельно было что прятать. В сейфе, из которого теперь она все забрала. Ясно!

— Ради бога, выслушай меня! Я пытаюсь понять вот что. Какой предлог ты использовала, требуя, чтобы она открыла сейф? И что тебя к этому подтолкнуло?

— Если бы ты слышал, какие ужасные вещи о ней рассказывают…

— И это все, Синтия? Ты, случайно, не подслушивала вчера вечером под окнами?

— Какими окнами, Дик? О чем ты вообще? Нет, это просто абсурд.

Ее недоумение и прямодушие заставили его выбросить безобразную мысль из головы. Он толкнул маленькую дверцу сейфа, которая качнулась и мягко захлопнулась. Он поднял с ковра картину, очевидно висевшую на стене и закрывавшую собой сейф. Зацепив проволоку за крючок, он увидел, что это черно-белый рисунок Обри Бердслея: хитроумная мозаика зла, внутренний контур изображения проявляется не сразу, зато, когда проявляется, тут же бросается в глаза.

— Я настаиваю, — воскликнула Синтия, — чтобы ты растолковал, что имеешь в виду!

Дик подыскивал объяснения.

— Я имею в виду, — солгал он, — что ты была

там сегодня утром. Рядом с домом. Может быть, ты слышала или видела что-нибудь, способное нам помочь.

Он не думал ничего такого, просто произносил слова наудачу, однако, к его удивлению, тон Синтии переменился:

— На самом деле, Дик, я действительно что-то видела.

— Что же?

Пальцы Синтии вцепились в стеганое покрывало на кровати.

— Я хотела рассказать тебе еще раньше. Но мы вдруг угодили в такую ужасную историю, что это совершенно вылетело у меня из головы. Только это все равно не имеет значения, поскольку сэр Харви Гилмэн совершил самоубийство. — Она подняла на него взгляд. — Это ведь так?

— Не важно! Что же ты видела?

— Я видела, как кто-то бежит, — ответила Синтия.

— Когда? Где?

Синтия призадумалась.

— Это было примерно за минуту до того, как кто-то выстрелил из винтовки в окно.

— До того, как кто-то выстрелил из винтовки в окно?

— Да. Я шла по переулку с востока, ты же помнишь? Тогда как ты шел с запада? Я еще не успела тебя увидеть и, разумеется, не могла знать, что происходит что-то неладное. Однако я заметила, как кто-то метнулся через переулок передо мной.

— Метнулся через переулок перед тобой?

— Именно так. Из фруктового сада рядом с домом, к стене на другой стороне дороги, а потом через стену к рощице.

— Ты видела, кто этот человек?

— Нет. Только тень. Солнце всходило, и было такое странное нелепое освещение.

— Но хоть какое-то описание?

— Нет, боюсь, никакого.

— Мужчина или женщина?

Синтия сомневалась.

— Честное слово, не могу сказать. А теперь, мистер Ричард Маркхэм, если вы уже покончили с допросом и вашими многочисленными подозрениями на мой счет, кажется, мне лучше отправиться домой.

— Да, конечно. Осторожнее! Ты пока еще не вполне пришла в себя. Я провожу тебя до дома.

— Ничего подобного, мистер Ричард Маркхэм, — возразила Синтия с ледяным гневом, помо-

гавшим ей говорить ровным тоном. — Если ты думаешь, я пойду по Хай-стрит в таком виде, как будто… — да ладно, в черт знает каком виде! — если ты думаешь, что можешь привести меня к родителям в подобном состоянии, то все, что я могу сказать: ты очень сильно заблуждаешься. Прошу, держись от меня подальше.

— Не дури, Синтия!

— Значит, теперь, — произнесла Синтия, — я еще и дура.

— Я вовсе не это имел в виду. Я хотел сказать…

— Начнем с того, что обо мне ты вообще не побеспокоился. Куда там! Ты думал только о ней. Конечно, так и должно быть, я нисколько тебя за это не виню, но раз ты сначала обозвал меня лгуньей, а потом еще и дурой, и хоть какой-то намек на сочувствие проскользнул в твоих словах, только когда ты понял, как это будет выглядеть в глазах общества, тогда действительно стоит попросить прощения.

Дик шагнул вперед, чтобы как-то ей возразить. Он взял ее за руку, намереваясь то ли мягко ее урезонить, то ли как следует встряхнуть. А в следующий миг, хотя после он так и не смог вспомнить, как именно это случилось, Синтия оказалась в его объятиях, прижавшись так горячо

и крепко, что он чувствовал упругие мышцы ее тела, пока она рыдала ему в плечо.

И именно в этот момент вошла миссис Рэкли с чайным подносом.

— Огромное спасибо, Дик, — пробормотала Синтия, высвобождаясь из его рук и дружески ему улыбаясь. — И вам тоже спасибо, миссис Рэкли. Провожать меня домой не нужно. Я сама прекрасно доберусь. До свидания.

После чего она ушла.

Хотя миссис Рэкли не сказала вслух: «Ну-ну», бурю чувств выразили ее брови. Она подошла, скрипя половицами, и с грохотом опустила чайный поднос на столик у кровати.

— Миссис Рэкли, — спросил Дик, — куда она ушла?

— Могу я спросить вас, сэр, — ответила вопросом миссис Рэкли, старательно отводя от него взгляд, — кого вы имеете в виду?

— Мисс Лесли, разумеется.

— Прошу простить мне подобную вольность, сэр, но я как раз только что задавалась вопросом: действительно ли вам важно, куда она ушла?

— Ради всего святого, миссис Рэкли, не стоит делать неверных выводов из всего, что вы видите!

— Ради благополучия мисс Лесли, сэр, я ничего

не видела. Это только ради мисс Лесли, — пояснила миссис Рэкли, по-прежнему устремляя взгляд куда-то в потолок. — Что было, то было, если вы меня понимаете, хотя все это совершенно не мое дело.

— Да ничего не было…

— Не желаю слышать, — заявила миссис Рэкли, — о том, что совершенно не мое дело. Кто-нибудь собирается пить этот чай?

— Нет, боюсь, мисс Синтия…

— Этот чай, — произнесла миссис Рэкли, приподнимая поднос на два дюйма, а затем снова с грохотом опуская его на прикроватный столик, — был заказан особо.

— Ладно! Ладно! Я выпью этот чертов чай!

— Мистер Маркхэм, — сказала миссис Рэкли, — я всегда считала вас джентльменом. Хотя, похоже, есть джентльмены и джентльмены, и это совершенно не одно и то же.

Проклиная мысленно всех женщин, Дик изо всех сил сдерживался, успокаивая ее. Ситуация была бы комичной, если бы он искренне не тревожился о Лесли.

И он вынужден был признать, что причины для тревоги имеются. Открытый сейф, который удивительным образом оказался совершенно пуст,

был достаточным основанием. Хлопоча вокруг Синтии, миссис Рэкли, очевидно, не заметила открытого сейфа, когда вошла сюда в первый раз, а теперь, во второй ее приход, он был закрыт и снова спрятан за картиной.

Однако то была опасная пустота, безобразная дыра, лишившаяся своей тайны, если связать это с исчезновением Лесли. Дюжина вероятностей, в большинстве своем мелодраматических, зато дьявольски ярких, явилась Дику Маркхэму. Из всех эпизодов криминальной истории, вспомнившихся ему, что, несомненно, смехотворно, самым реалистичным был тот, где Мэри Пирси играет на фортепьяно в забрызганной кровью гостиной, пока полиция ищет тело Фебы Хогг[2]. Дик как раз решил, что надо обзвонить знакомых, когда телефон внизу зазвонил сам.

Отмахнувшись от дальнейших протестов миссис Рэкли, Дик подскочил к телефону раньше ее. Руки не очень хорошо его слушались, когда он снял трубку. На другом конце провода раздался голос доктора Фелла, который невозможно было не узнать, несмотря на сопровождавший его треск.

---

[2] Notes: 2

Мэри Пирси убила в 1890 году жену своего любовника, Фебу Хогг, вместе с ее маленькой дочерью. Была казнена.

— А! — сказал доктор, прочищая горло, отчего в трубке загромыхало настоящее землетрясение. — Я так и надеялся застать вас здесь. Я в Эш-холле. Можете прийти сюда прямо сейчас?

— Это насчет Лесли?

— Да.

Он крепко вцепился в трубку, пробормотав что-то вроде молитвы, прежде чем спросить:

— С ней все в порядке, правда?

— В порядке? — загромыхал доктор Фелл. — Разумеется, с ней все в порядке! Она в данную минуту сидит в комнате рядом со мной.

— В таком случае что же…

— Но у нас, между прочим, — продолжал доктор Фелл, — есть довольно важные новости. Мы установили личность покойника.

Глава тринадцатая

В северном крыле первого этажа Эш-холла маленький и душный темный коридор, застеленный ковром, вел в комнату, которую лорд Эш приспособил под кабинет. Когда Дик пришел, его ждали там четыре человека.

Обитая зеленым сукном дверь заглушала звуки остального дома. Над небольшой пещерой камина висел портрет, настолько потемневший от времени, что даже при ярком свете можно было мало что различить, кроме призрака длинноногого мужчины в диковинном воротнике. Ряд узких окон с неровными бутылочными стеклами и древними кольцами на рамах выходил в обнесенный стеной сад, который когда-то именовался Дамским Отдохновением. Напротив этих окон стоял большой стол, заваленный бумагами, развернутый так, чтобы свет на сидящего за ним падал слева.

Перед столом в скрипучем вращающемся кресле расположился лорд Эш, вполоборота к центру комнаты.

Напротив него сидела Лесли Грант, прямо,

словно аршин проглотив.

Доктор Фелл восседал в огромном деревянном кресле, похожем на императорский трон, отчего сам он смахивал на старого короля Коля[3]. И, развернувшись спиной к камину и насвистывая что-то сквозь зубы, стоял рослый мужчина с военной выправкой, суровым взглядом и волевым подбородком — полчаса назад Дик видел, как этот человек переходит Хай-стрит.

Лесли вскочила с места.

— Если вы не против, — произнесла Лесли, — я пойду прогуляюсь. Позовете меня потом. Мне просто не хочется присутствовать, пока вы ему все объясняете.

И она при этом улыбалась.

Люди вечно ведут себя не так, размышлял Дик, как от них ожидают.

Он совсем недавно наблюдал, как вполне прозаическая Синтия Дрю переживала такую эмоциональную бурю, что трудно поверить. Если учесть, какой нервный выдался день, на Лесли он должен был отразиться еще сильнее. И все же держала она себя иначе.

---

[3] Notes: 3

Король Коль — полумифический персонаж в истории Британии, имеющий кельтское происхождение. Герой детских стишков, в которых показан любителем пиров и увеселений.

Да, нервное напряжение оставалось. Но больше всего ощущался его спад, сияющий свет освобождения, граничивший со счастьем. Лесли подошла прямо к Дику.

— Привет, милый, — сказала она. Смешинки играли в ее карих глазах. — А ты, похоже, весело проводил время, примеривая ко мне карьеру убийцы.

И, опустившись в насмешливом реверансе перед доктором Феллом — тот в ответ взмахнул своей тростью и хмыкнул так яростно, что едва не закашлялся, — Лесли с наигранной серьезностью выскользнула из комнаты, прикрыв за собой дверь, обитую зеленым сукном.

— Итак, джентльмены! — произнес лорд Эш, тяжко вздохнув.

— Восхитительно! — взревел доктор Фелл. — Восхитительно!

— По-дурацки, — кратко прокомментировал мужчина с военной выправкой, стоявший у камина. — И к тому же чертовски опасно. Но таковы уж женщины.

Дик изо всех сил цеплялся за здравый смысл.

— Не хочу встревать в ваш разговор, доктор Фелл, — произнес он, — но вы просили меня прийти, и вот я здесь. Если бы вы могли расска-

зать мне…

Доктор Фелл захлопал на него глазами.

— Э-э… мальчик мой… Рассказать вам что?

— Рассказать, что вообще все это значит!

— Ах да! Именно! — воскликнул доктор Фелл, просияв. Этот Гаргантюа вовсе не пытался нагнать туману, он попросту унесся далеко вперед в каких-то своих неведомых умопостроениях и совершенно позабыл все, что было у него в мыслях несколько минут назад. — Кстати, позвольте мне представить вам моего друга, суперинтенданта Хэдли. Мистер Маркхэм, суперинтендант Хэдли.

Дик пожал руку мужчине с военной выправкой.

— Хэдли, конечно же, — продолжал доктор Фелл, — узнал покойника, бросив на него один-единственный взгляд.

— Мне в некотором смысле даже жаль лишиться Сэма, — произнес Хэдли, клацнув зубами, что явно не предвещало кому-то ничего хорошего. — У Сэма имелись свои достоинства. Хотя, признаю, по временам мне хотелось прикончить его собственными руками. — Тут Хэдли широко усмехнулся. — Но погодите, мистер Маркхэм. Вы же хотите знать, кто на самом деле этот тип?

— Да!

— Профессиональный мошенник по имени Сэмюель де Вилла, — ответил Хэдли. — Вероятно, самый умный из ныне действующих мошенников.

— А какое воображение, Хэдли, — произнес доктор Фелл, покачивая головой. — Воображение! О, подумать только!

— Избыток воображения, — резко отозвался Хэдли. — Это его и убило.

— Мошенник? — переспросил Дик Маркхэм.

— Вероятно, мальчик мой, — прозвучал задумчивый голос лорда Эша, — вам будет интересно взглянуть на это.

Оттолкнувшись вместе со скрипучим вращающимся креслом, он выдвинул длинный ящик стола, за которым сидел. Из ящика он извлек изрядный квадрат темного бархата, сложенный в подобие конверта, и развернул на столе.

— Кричаще, а? — поинтересовался доктор Фелл.

«Кричаще» — это было еще слабо сказано. Даже в водевилях Дик никогда не видел ничего похожего на предметы, лежавшие на темном бархате. Их было всего четыре: ожерелье в три ряда, браслет, одинокая сережка и шейная цепь. Однако все это ошеломляло своей старинностью или же

красотой с налетом вульгарности.

И тут Дик понял, почему его как будто преследует некий геральдический символ. Он часто видел герб Эшей, грифон и ясень, на парадных воротах Эш-холла. Он видел то же самое изображение на небольшом кольце-печатке, которое обычно носил лорд Эш. Он видел его, прости господи, и на вывеске местного паба.

Но на разложенных перед ним предметах символ был повсюду, словно правительственное клеймо на робе каторжника. Герб украшал застежку браслета, он был на звеньях цепи. Он помечал и клеймил их как собственность семейства Эшей.

Разумеется, подумал Дик про себя, такие роскошные украшения просто не могут быть настоящими. Жемчужины в трех рядах ожерелья играли перламутром в свете, падавшем из окон; бриллианты в браслете настойчиво переливались, недобро поблескивая; жидкий огонь рубинов в этой старинной, искусно сработанной золотой цепи…

Верно истолковав выражение его лица, лорд Эш поднял глаза.

— Да-да, — подтвердил лорд Эш. — Драгоценности подлинные.

Он деликатно коснулся сначала ожерелья, потом браслета.

— Вот эти вещицы, — продолжал он, — начала восемнадцатого столетия. — Эта, — он тронул сережку, — как я подозреваю, современная подделка. Зато вот это, — он провел по цепи, — если верить преданию, подарок Джорджу Конверсу от самой Глорианы[4], преподнесенный в тысяча пятьсот семьдесят шестом году.

Тут лорд Эш перевел взгляд на портрет над камином, этот почерневший портрет, на котором проступала лишь тень изображения.

Повисло долгое молчание.

Снаружи, в обнесенном стеной саду, стояло одинокое сливовое дерево. Дик словно во сне видел, как солнечный свет заливает этот сад, просачивается сквозь высокие узкие окна, вспыхивая разноцветными огнями на драгоценностях. Он видел сумрачную комнату с рядами коричневых книжных корешков по стенам. Он видел портрет, дышавший английской историей тех времен, когда безделицы вроде этих украшали руки, шеи и уши в качестве повседневного дополнения к костюму.

---

[4] Notes: 4

Глориана — одно из прозвищ королевы Елизаветы I. (От *лат.* «славная», «известная», «знаменитая».)

Но главным образом он видел лицо лорда Эша с затуманенным взглядом — этого ученого, но и человека, привычного к труду на свежем воздухе, — когда рука лорда замерла над украшениями. И Дик наконец нарушил молчание:

— Это ваше, сэр?

Тот покачал головой.

— Хотел бы я так сказать, — с сожалением ответил лорд. Он поднял глаза и улыбнулся. — Теперь все это принадлежит мисс Лесли Грант.

— Но это невозможно! У Лесли нет никаких драгоценностей!

— Я прошу прощения, — произнес лорд Эш. — Она терпеть не может драгоценности, да. Она не носит украшений, да. Однако тут речь о владении вещами, независимо от ее желаний.

Он задумался на время, затем взглянул на доктора Фелла:

— Вы не возражаете, сэр, если я изложу все так, как услышал от мисс Грант сегодня утром?

— Нисколько, — сказал доктор Фелл.

— История нелепая, — предупредил лорд Эш, — и во многих моментах печальная. История о том, как девушка — как бы точнее сказать? — была одержима респектабельностью. Мистер Маркхэм, вы когда-нибудь слышали о женщине

по имени Лили Джуэл?

— Нет, — сказал Дик.

Однако в голове у него тем не менее зародилось подозрение, переросшее в уверенность.

— По странному совпадению я упоминал о ней не далее как сегодня утром. Будет еще слишком мягко, — сказал лорд Эш, — назвать ее дамой полусвета. Мой старший брат Фрэнк ради нее разорил себя и остальное семейство перед самой Первой мировой. Среди прочих вещей он подарил ей и эти безделушки. Теперь вы начинаете понимать, к чему я клоню?

— Да. Мне кажется, понимаю.

— Лили Джуэл умерла в безвестности несколько лет назад. Но умерла насильственной смертью. Она была уже стареющая женщина, платила молодым любовникам за внимание…

— Ясно.

— Одному из них она пригрозила ружьем за измену. Завязалась борьба, и в результате она случайно выстрелила в себя. От некоего капитана Джуэла у нее была дочь, молодая леди, которую вы знаете как Лесли Грант.

Лорд Эш помолчал.

Дик отвернулся и уставился в сад за стеной. Сотни образов нахлынули на него. Каждое слово,

каждый жест, каждая интонация теперь обрели значение там, где раньше была только бессмыслица. Дик кивнул.

— Я… э-э… некоторым образом, живу в отрыве от мира, — пояснил лорд Эш, растирая виски кончиками пальцев. — Я был вовсе не готов, когда она ворвалась сюда сегодня утром, швырнула украшения на стол и заявила: «Прошу вас, заберите эти проклятые вещи, если считаете, что у вас имеются на них права».

Лорд Эш снова умолк. Доктор Фелл кашлянул, прочищая горло.

— После смерти матери, — продолжал лорд Эш, — у нее была одна-единственная мысль: порвать с прежней жизнью и сделаться во всех смыслах не похожей на мать, насколько это возможно. Вы по-прежнему улавливаете нить, мистер Маркхэм?

— Да. С легкостью.

— Девушка, по моему мнению, пребывающая в постоянном напряжении…

Лесли! Лесли! Лесли!

— …Испытала настоящее потрясение, когда поселилась здесь и выяснила, что за семья живет напротив.

— Так она не знала?

— Нет. Когда она была маленькой девочкой,

моего брата официально величали «мистер Конверс» или просто «Дядя Фрэнк», обходясь без титула. Имя Эшей было для нее пустым звуком. В мое время было обычным делом, — лорд Эш говорил сухим тоном, — скрывать имена.

— Значит, по чистой случайности…

— О нет. По совету злонамеренного друга.

— Что вы имеете в виду?

— Некий злонамеренный друг предположил, что, если она покинет континент и поселится в Англии, ей, вероятно, понравится жить в деревне под названием Шесть Ясеней. Она приехала. Место ей понравилось. Она нашла подходящий дом. И прожила здесь несколько недель, прежде чем как следует рассмотрела изображение на воротах напротив. — Лорд Эш протянул руку, чтобы коснуться ожерелья. — И сравнила с этим, — прибавил он.

— Понятно.

— Она, разумеется, могла уехать. Однако ей понравились люди. Один человек, — он поглядел на Дика, — понравился особенно. И я так понял, что именно этого, нашей скучной размеренной жизни, она и хотела. Отчаянно хотела. И не собиралась сдаваться. Еще я понял, что ее доводило до исступления болезненное чувство вины. Вины

перед нами. Вины перед всей моей семьей. Вот этого я точно понять не могу. Как я сказал и ей этим утром, она не отвечает за свою мать.

Лорд Эш замялся.

Он взял сначала цепь, затем браслет, потом ожерелье, взвешивая каждый предмет на руке и опуская, словно его пальцы наслаждались прикосновением.

— Но правда и то, что оставался один вопрос, еще с тех времен: имел ли мой брат право дарить эти вещи Лили Джуэл. И не являлись ли они на самом деле частью заповедного имущества. Эта девушка не только опасалась пересудов деревенских кумушек, узнай они, что она дочь Лили Джуэл, но еще и смутно представляла себе, как приходит полиция и арестовывает ее. Она отчаянно боялась, что кто-нибудь увидит эти вещи и узнает герб Эшей, который, разумеется, узнал бы здесь всякий. Однако она не могла расстаться с ними и не могла держать их в банке. Отсюда стенной сейф. Что говорит по меньшей мере о ее здравом смысле, учитывая стоимость этих предметов.

Суперинтендант Хэдли бросил вопрос:

— Какова их стоимость?

— Мой дорогой суперинтендант! — воскликнул

лорд Эш, после чего снова сник, словно часы, в которых закончился завод. — Их историческая ценность…

— В деньгах, я имею в виду.

— Боюсь, я оценить не смогу. Очень много тысяч, как вы можете и сами предположить.

Лорд Эш снова обратился к Дику Маркхэму:

— Когда я впервые увидел… э-э… мисс Грант примерно полгода назад, я заметил ее внешнее сходство с Лили Джуэл. Это меня озадачило. Это меня встревожило. Но, даю слово чести, я никогда и никак не связывал ее с миссис Джуэл! Они же настолько разные, что… — Лорд Эш помахал пальцами в воздухе. — Так вот, дорогой мой! Если бы вы когда-нибудь были знакомы с Лили Джуэл, вы бы поняли, что я имею в виду.

— Но Лесли подумала…

— Боюсь, она подумала, что я, конечно же, догадался, кто она такая. И этот глупый маленький страх, угроза, что о ней станут судачить, все росла и росла. Она и без того уже пребывала в болезненном состоянии ума. А вы же хорошо помните события вчерашнего дня.

Суперинтендант Хэдли издал короткий, резкий смешок.

— Сэм де Вилла, — произнес Хэдли.

Штрих за штрихом, образ за образом, наливаясь цветом там, где до сих пор была только тень, картина вырисовывалась перед глазами Дика. Все несостыковки вставали теперь на места.

— Де Вилла, он же сэр Харви Гилмэн, — спросил он, — охотился за этой кучей драгоценностей?

— А за чем еще, по-вашему, он мог охотиться? — спросил с насмешкой, но не без восхищения Хэдли. Он побренчал монетками в кармане. — И клянусь всеми святыми, Сэм никогда не разыгрывал роли лучше! Как только я прибыл в тот коттедж с вашим местным полицейским… как его там?

— Берт Миллер?

— …Да, с Миллером, я обрисовал доктору Феллу в общих чертах жизнь и подвиги Сэма де Виллы.

— Верно, — задумчиво подтвердил доктор Фелл.

— Сэм был мошенником. Он не взломщик. Он ни за что на свете не стал бы вскрывать сейф «Флорида бульдог», не стал бы даже пытаться. Однако выманить содержимое этого сейфа словами — ему раз плюнуть. Был только один способ добраться до драгоценностей, в существовании которых мисс Грант даже не признавалась. Для этого требовалось заручиться помощью мистера

Маркхэма. И Сэм сделал это. Он был настоящий художник.

— Художник, — с угрозой в голосе произнес Дик, — который, как я надеюсь, прямо в эту минуту горит в аду. Продолжайте…

Хэдли пожал плечами:

— Проще простого. Сэм обычно, понимаете ли, работал на континенте. Он проследил путь дочери Лили Джуэл до Шести Ясеней и выбрал наилучший способ. Первым делом он осторожно срисовал местность…

— Срисовал? — переспросил лорд Эш.

— Изучил обстановку. Собрал как можно больше сведений обо всех интересующих его личностях. Один из изобретенных им приемов — изначально явиться в каком-нибудь неприметельном образе, например коммивояжера…

— Библии! — воскликнул лорд Эш.

Все уставились на него.

— Прошу прощения, джентльмены, — произнес лорд Эш, поерзав в скрипучем кресле, — но я уже говорил сегодня утром нашему молодому другу, что этот покойник напомнил мне одного человека, который довольно давно продавал здесь Библии. Вы хотите сказать, это был… э-э… криминальный тип, которого вы называете Сэмом?

Хэдли кивнул.

— Всегда действует безотказно, — сообщил он. — Открывает продавцу доступ к семейной Библии и к семейной истории, если кто-нибудь захочет поговорить.

Доктор Фелл, все подбородки которого нависли над воротником, пока он сидел, уставившись в пол, судя по всему, смутно встревожился. От сдержанного ворчанья встали дыбом его разбойничьи усы.

— Послушайте, Хэдли, — пробубнил он. — Хорошо бы узнать — на самом деле я очень хочу узнать, — заходил ли он в Шести Ясенях еще в какие-нибудь дома, кроме этого.

— Подозреваю, он как следует здесь потоптался, — угрюмо сказал суперинтендант. — По этой причине он и имел такой оглушительный успех в качестве предсказателя. Разумеется, он охотно пошел на это. У Сэма было то, что сам он называл чувством юмора…

— Черт побери его чувство юмора! — не сдержался Дик Маркхэм.

Повисло неловкое молчание.

Хэдли заговорил тише:

— Понимаю, мистер Маркхэм, понимаю! — Хэдли улыбнулся, словно сознавая, что зашел

чуточку дальше, чем следовало. — Но вы тоже должны понять, что эта публика использует все средства, любое оружие, если впереди маячит хороший куш. Ярмарка в саду оказалась для него Богом посланной возможностью привести мисс Грант в расстроенные чувства и, следовательно, встревожить вас, чтобы осуществить его план.

— Кстати, что именно он ей сказал?

Хэдли, не переставая дружески усмехаться, буркнул:

— Неужели вы сами не догадываетесь, мистер Маркхэм?

— Какие-то намеки, — произнес Дик, — на то, что он, будучи великим предсказателем, знает все о ее прежней жизни? И прошлом ее матери?

— Именно так. С обоснованной уверенностью, как вы понимаете, что она ничего вам не расскажет — во всяком случае, не расскажет сразу. Он был великий психолог, этот наш Сэм.

— Великий психолог. Верно.

— И потому, — подчеркнул Хэдли, — вы были готовы встревожиться еще сильнее от намека на некие совсем уж мрачные тайны. Да-да. Он не мог знать, что ему на руку сыграет несчастный случай, когда выстрелила винтовка. Однако он использовал и это, да еще как! Вряд ли тут

можно что-то добавить, мистер Маркхэм. Вся эта игра, история об ужасной отравительнице и ее дневнике, о яде, о чем-то там запертом в сейфе, велась лишь для того, чтобы этот сейф отпереть. А как это сделать? Да просто! Он сказал вам, если я правильно понял со слов доктора Фелла, что желает тайно присутствовать на вашем с мисс Грант ужине? И что ему крайне важно выяснить, что же хранится в сейфе?

— Да.

— И что он даст вам «окончательные указания» по этому поводу на следующее утро?

— Да. Это его точные слова.

И снова Хэдли пожал плечами.

— Вы должны были узнать для него комбинацию от сейфа, — пояснил суперинтендант. — Комбинацию цифр от этого непреступного хранилища. Он велел бы вам утром сделать именно это — если бы остался в живых.

— Подождите минутку! Вы считаете, Лесли бы мне…

— Сообщила комбинацию? Вы и сами прекрасно знаете, что сообщила бы, если бы вы настояли! Она, кстати, собиралась рассказать вам вообще обо всем на этом самом ужине, который хотела назначить на вечер.

Словно волной нахлынули на него слова, которые Лесли произносила у него дома накануне ночью: «Мне хочется, чтобы все было идеально завтра. Потому что я собираюсь кое-что тебе рассказать. И еще я хочу тебе кое-что показать». Он видел ее сидящей в свете лампы, напряженно и мрачно размышляющей о чем-то.

— Вопрос: поверили бы вы хоть одному ее слову к тому моменту?

— Нет. Подозреваю, что не поверил бы.

(Вот теперь он был рад, что Лесли нет в комнате.)

— Вы должны были выяснить комбинацию цифр в течение дня. А во время вашего ужина Сэм обчистил бы сейф и потихоньку смылся. Вот и все дела, мистер Маркхэм. Но только…

— Только, — вмешался доктор Фелл, — кто-то его убил.

Глава четырнадцатая

Слово упало ледяной тяжелой глыбой.

И осмотрительный Хэдли, выпятив подбородок, заявил официальный протест.

— Погодите-ка немного, Фелл! Мы не можем с уверенностью утверждать, что это убийство. Во всяком случае, на нынешнем этапе расследования.

— Да неужели, мальчик мой? И что же это, по-вашему?

— А я, кажется, — вставил лорд Эш, — могу прямо сейчас ответить на один ваш вопрос.

Оба, и Хэдли, и доктор Фелл, удивленно повернулись к нему. Лорд Эш, который снова взвешивал на руке золотую цепь с рубинами, буркнул что-то неодобрительное, словно предупреждая, чтобы не ждали от него слишком многого.

— Некоторое время назад вы спрашивали, — продолжил он, — заходил ли этот фальшивый торговец Библиями в другие дома, помимо моего. Это вряд ли имеет большое значение. Но я могу сказать вам. Он ни к кому не заходил, я расспрашивал о нем.

— Вот именно! — пробормотал доктор Фелл. — Именно!

Хэдли поглядел на него с подозрением — рассеянность доктора вот уже двадцать пять лет вызывала у его друга подобную реакцию, — однако же ничего не сказал.

— Но в самом деле, джентльмены! — запротестовал лорд Эш, откладывая в сторону цепь. — Полно уже! Вы настаиваете на использовании слова «убийство»?

— Именно, — заверил доктор Фелл.

— Лично я мало что понимаю в подобных делах, — сказал лорд Эш. — Хотя мне доводилось читать романы того джентльмена, который пишет их в выходные, — о загадочных смертях в родовых поместьях. Но все же! Насколько я понимаю, этот человек, де Вилла, умер от яда в комнате с запертыми изнутри дверями и окнами.

— Да, — подтвердил доктор Фелл. — Именно поэтому, — прибавил он, — я обязан повторить, что средоточием всего заговора, очевидно, является мисс Лесли Грант.

— Погодите минуту, прошу вас! — спешно вмешался Дик и повернулся к лорду Эшу. — Вы говорите, сэр, что Лесли прибежала сюда сегодня утром и выложила перед вами драгоценности,

после чего рассказала историю своей матери?

— Да. К моему вящему смущению.

— Почему она так поступила, сэр?

Лорд Эш поглядел озадаченно:

— Потому что, очевидно, к ней пришла юная Синтия Дрю и назвала ее отравительницей.

Сама Лесли только что проскользнула обратно в комнату, мягко прикрыв за собой обитую зеленым сукном дверь. Хотя внешне собранная, она явно нервничала перед грядущим разговором. Она остановилась рядом с окнами, повернувшись спиной к свету, и поглядела на мужчин.

— На этот вопрос лучше ответить мне, — сказала она. — Хотя мне до смерти не хочется об этом говорить! — Мимолетная улыбка — улыбка, перед которой Дик Маркхэм был не в силах устоять, — изогнула ее губы, но тут же исчезла, сменившись озабоченностью. — Все в порядке, Дик, — прибавила она. — Я… я расскажу тебе обо всем позже. Однако случившееся довольно сильно меня напугало.

— Синтия?

— Да! Она сегодня утром оказалась у меня в комнате. Бог знает, как она туда попала, но она пыталась открыть сейф.

— Я… я об этом слышал.

Лесли стояла, опустив руки, грудь ее тяжело вздымалась.

— Синтия мне сказала: «Я хочу знать, что в этом сейфе. И я твердо намерена это узнать, прежде чем уйду». Я спросила, о чем она вообще. Она ответила: «Это здесь ты держишь свой яд, да? Яд, которым ты уже убила трех мужчин, влюбленных в тебя?» Ну вот! — беспомощно воскликнула Лесли, разводя руками. — Приехали!

Я подозревала, — продолжила она, — что вся деревня наверняка говорит или по меньшей мере думает обо мне разные ужасные гадости. Но даже в самых страшных кошмарах мне и не снилось, что это может быть нечто подобное! В особенности когда она прибавила, что Дик все об этом знает и полиция уже едет за мной, потому что у меня в сейфе лежит яд или что-то еще. Я… я просто потеряла голову.

— Погоди минутку. Ты ударила ее?

Лесли захлопала глазами:

— Ударила ее?

— Ручным зеркалом со стола.

— Господи помилуй, нет! — Ее карие глаза широко распахнулись. — А она сказала, что я ее ударила?

— Что же произошло?

— Синтия бросилась на меня, вот что. Она сильнее меня, и я не знала, что мне делать. Я увернулась, а она споткнулась и ударилась об изножье кровати, осев, словно мешок с углем. Я увидела, что она просто без чувств и ранена не так уж сильно, — пухлые губы сжались, и Лесли с усилием оторвала взгляд от окна, — наверное, с моей стороны это бессердечно, но я просто оставила ее лежать там. А что бы сделали вы?

— Продолжай!

— Я подумала про себя: «Это уже чересчур, я больше не в силах это терпеть». И потому я вынула из сейфа все эти вещи и кинулась сюда, к лорду Эшу, рассказать ему всю правду. Пока я рассказывала, доктор… доктор Фелл, правильно? — и суперинтендант Хэдли как раз подошли. И тогда я подумала, почему бы не рассказать всем сразу. — Лесли облизнула губы. — Меня волнует только один вопрос, Дик, — прибавила она с нажимом. — Ты рассказал это Синтии?

— Рассказал что?

— Эту чудовищную историю о трех моих мужьях и… и обо всем остальном. — Лесли залилась краской. — Она все время это повторяла: «Пока смерть не разучит нас, пока смерть не разлучит нас», словно сумасшедшая. Меня только это вол-

нует, только это тревожит меня! Ты рассказывал Синтии что-нибудь по секрету, чего не рассказывал мне?

— Нет.

— Ты можешь поклясться, что это правда, Дик? Вы с ней занимались чем-то сообща сегодня утром. Майор Прайс сказал мне…

— Даю слово чести, я не сказал Синтии ни единого слова.

Лесли утерла лоб тыльной стороной ладони.

— Тогда откуда Синтия почерпнула эту историю?

— Вот это, — заметил доктор Фелл, — как раз и занимает всех нас.

Покопавшись в кармане брюк под складками своей пелерины, доктор Фелл выудил огромный носовой платок в красную клетку. Он промокнул лоб так старательно, что ему на один глаз упала изрядная прядь волос с проседью. Затем, приняв позу человека, готового к долгому спору, отчего Хэдли интуитивно ощетинился, он указал Лесли на стул по другую сторону от стола лорда Эша.

— Присядьте, милая, — попросил он Лесли.

Лесли подчинилась.

— Если вы собираетесь читать лекцию… — начал весьма подозрительный Хэдли.

— Я не собираюсь, — с достоинством отозвался доктор Фелл, — читать лекцию. Я собираюсь спросить мисс Грант, нет ли у нее в этой деревне заклятого врага.

— Это просто невозможно! — воскликнула Лесли.

Повисла тишина.

— Что ж, — произнес доктор Фелл, возвращая носовой платок в карман. — Давайте рассмотрим доказательства. Сэм де Вилла, да упокоится он с миром, приехал в Шесть Ясеней, никого здесь не зная. Судя по всему, он никак, — тут доктор Фелл выказал легкое сомнение, — не связан ни с кем в деревне. Согласны, Хэдли?

— Исходя из того, что нам известно на данный момент, согласен.

— Таким образом, Сэм — Сэм сам по себе — перестает быть важным звеном в замысле с убийством.

— Если это было убийство, — быстро вставил Хэдли.

— Если это было убийство. Ах да. Очень хорошо. И теперь приходится неизбежно признать, как мы признали сегодня утром, что все детали воображаемого убийства — шприц, синильная кислота, запертые двери и окна — были наме-

ренно воспроизведены, чтобы обвинить Лесли Грант, которую кто-то считает убийцей. В ином случае во всем этом вообще нет смысла.

— Но послушайте! — начал Хэдли.

— В ином случае, — вопросил доктор Фелл вежливо, но твердо, — вы видите здесь какой-то смысл?

Хэдли побренчал монетками в кармане. Но ничего не ответил.

— Отсюда вытекает, — продолжал доктор Фелл, поглядывая на Лесли, — вопрос, на который мы обязаны ответить. Существует ли на свете человек, который ненавидит вас настолько, что хочет, чтобы вас обвинили в убийстве? Или же, если сформулировать шире, тот, кому выгодно поставить вас до крайности в скверное положение?

Лесли беспомощно взирала на него в ответ.

— Нет никого, — ответила она. — За исключением… Но это же совершенно невозможно!

Доктор Фелл сохранял спокойствие.

— Это, — подхватил он, — то умозаключение, которое следует из наших фактов. Неизбежный вывод из этого заключения…

— А есть уже неизбежный вывод? — уточнил Хэдли.

— О да. Он сияет ярким светом. — Доктор

Фелл пристально вглядывался в Дика. — Между прочим, мальчик мой, в суматохе, пока мы находились у того коттеджа, я позабыл предостеречь вас, чтобы вы проявляли чрезвычайную, крайнюю сдержанность в высказываниях. Когда вы покинули меня сегодня утром, чтобы отправиться к мисс Грант, вы, насколько я понимаю, повстречали мисс Синтию Дрю?

— Да.

— А вы… гм… не просветили ее? Не сказали ей, что мисс Грант на самом деле вовсе не зловещая персона, подозреваемая в трех убийствах?

— Нет. Она не признавалась в том, что вообще слышала что-то о Лесли. Потому я тоже, естественно, ничего об этом не говорил.

— Больше вы никому не говорили?

— Нет. Я больше никого не встречал.

— Как насчет вашего друга доктора Миддлсворта? Мог он проболтаться, что мисс Грант не отравительница?

— Хью Миддлсворт, — ответил Дик, — молчун, каких поискать. А об этом он будет молчать особенно упорно. Можно смело ставить последнюю рубашку, что он не проговорится.

Доктор Фелл на мгновение призадумался.

— В таком случае, — продолжил он, — где-то

в пределах досягаемости имеется личность,*до сих пор* верящая в выдумку. Этот человек убил Сэма де Виллу, расставив все ловушки, чтобы в убийстве заподозрили Лесли Грант, и теперь он или она радостно потирает руки. Если только исключить невозможный факт, что убийца наш друг лорд Эш…

— Боже правый! — воскликнул лорд Эш.

Явно опешив, он уронил на стол жемчужное ожерелье, которое рассматривал последние минуты. В его серых глазах за стеклами пенсне под темными бровями, контрастировавшими с сединой стального оттенка, отразилась полная растерянность. Он даже разинул рот.

— Сэр, — буркнул суперинтендант Хэдли, — это всего-навсего проявление специфического юмора доктора Фелла.

— А… шутка. Понятно. Только…

— Если исключить этот невозможный факт, — продолжал доктор Фелл, — повторяю, что настоящий убийца до сих пор верит в ложь. Ну, давайте же! Используйте ваш могучий интеллект, Хэдли! Настоящий убийца поставил перед нами задачу, и из этого вытекает неизбежный вывод, что его следующим шагом будет?

— Что же?

— Да ну, черт побери, — пророкотал доктор Фелл, стукая металлическим концом трости в пол, — теперь же он должен предложить нам решение.

С присвистом дыша, он по очереди оглядел всех собравшихся.

— Тело Сэма де Виллы, — подчеркнул он, — найдено в комнате, запертой изнутри. Пока все идет неплохо. Лесли Грант, считает убийца, будет обвинена в этом преступлении. Но как же она это проделала?

Не забывайте, эти придуманные убийства, предположительно, остались неразгаданными. Вы, полиция, предположительно, пребываете в ступоре. Очень хорошо, однако вы не можете пребывать в ступоре на этот раз. Если вину необходимо возложить на мисс Грант, мы должны узнать, как все было проделано, иначе мы так и не сможем ничего ей предъявить. Вся схема, придуманная убийцей против нее, развалится, если не разрешить загадку этой запертой комнаты. Вы все еще следите за ходом моих рассуждений?

Дик Маркхэм заколебался:

— Значит, вы считаете…

— Я предполагаю, — ответил доктор Фелл, — что с нами обязательно свяжутся.

Хэдли подозрительно нахмурился.

— Погодите! — проворчал суперинтендант. — Вы поэтому просили меня некоторое время назад…

Он одернул себя, когда доктор Фелл бросил на него выразительный взгляд, умоляя не проболтаться. Дику Маркхэму этот взгляд показался несколько нарочитым, слишком уж умоляющим, и ему стало неуютно от ощущения, что тут подспудно идет настоящая битва разумов.

— Я хочу сказать, — развил свою мысль доктор Фелл, — что с нами свяжется «друг» или «доброжелатель», который намекнет, если и вовсе не изложит в подробностях, как именно решается загадка запертой комнаты. Предполагается, что полиция один раз зашла в тупик. Нельзя рисковать тем, что она окажется там снова.

— Свяжется… каким образом? — спросил Дик.

— Почему бы не по телефону?

После паузы, во время которой доктор Фелл опять обращался к своему невидимому парламенту, он бросил на Дика хмурый взгляд.

— Сегодня рано утром вам позвонили, — сказал он, — и этот момент очень меня интересует. Местный полицейский вкратце пересказал мне ваши показания. Однако я бы хотел расспросить вас

как можно подробнее по этому поводу, потому что… архонты Афин! Ву-ву-ву!

Это собачье завывание ученого с мировым именем вынудило лорда Эша озадаченно взглянуть на него.

Лесли закусила нижнюю губу.

— Я в этом ничего не понимаю, — выпалила она. — Но я в это не верю, потому что омерзительнее и быть не может. Вы же не хотите сказать, вы же не всерьез уверяете… — в голосе Лесли звучала настоящая мольба, — что на свете есть человек, способный сделать такое, лишь бы свалить на меня вину?

— Действительно, требуется усилие, чтобы поверить, не правда ли? — спросил доктор Фелл, глядя куда-то в пустоту. — Да, требуется усилие, чтобы поверить.

— В таком случае, прошу вас, объясните, к чему вы клоните?

— Именно это, — резко произнес доведенный до белого каления Хэдли, — хотел бы знать и я.

— Вынужден признаться, — сказал лорд Эш, — что от меня суть тоже ускользает. — Он взглянул на наручные часы и прибавил с надеждой: — Но вы, конечно же, останетесь на ланч?

Лесли вскочила с места.

— Благодарю, но я не останусь, — сказала она. — Учитывая мой новый статус в обществе как дочери Лили Джуэл…

— Милая моя, — мягко проговорил лорд Эш, — не глупите.

Уложив четыре переливающихся предмета на отрез темного бархата, он снова сложил ткань в подобие конверта и протянул ей.

— Заберите, — сказал он.

— Я их не возьму, — огрызнулась Лесли так, словно готова была уже топнуть ногой. На глаза ей снова навернулись слезы. — Не желаю впредь видеть эти вещи никогда! Они ведь ваши, верно? Во всяком случае, так всегда считала ваша семья. Значит, заберите их, все до единой, и, ради бога, дайте мне уже жить спокойно!

— Дорогая мисс Грант! — сказал лорд Эш, настойчиво размахивая перед ней свертком. — Нельзя вот так запросто спорить, кто возьмет, а кто не возьмет, когда речь идет о подобных ценностях. Вы можете ввести меня в искушение. Но я бы, с вашего позволения, показал их жене после ланча…

— Вы считаете, я когда-нибудь снова смогу смотреть в глаза леди Эш?

— Откровенно говоря, — отозвался муж озна-

ченной леди, — да.

— Или кому-то еще в этой деревне, если на то пошло? Я рада, что все закончилось. Я свободна, камень упал с души, я снова чувствую себя человеком. Но чтобы смотреть людям в глаза…

Дик подошел и взял ее за руку.

— Перед ланчем ты пойдешь со мной, — сказал он, — на прогулку в Голландский сад.

— Блестящая идея, — одобрил лорд Эш. Открыв ящик стола, он опустил туда отрез бархата со всем содержимым. Затем, словно вспомнив что-то, выбрал на кольце с многочисленными ключами маленький ключик и запер ящик. — Этот досадный вопрос… э-э… вашей собственности мы можем уладить и позже. А пока что целительный деревенский воздух развеет эти мрачные мысли.

Лесли развернулась:

— А это мрачные мысли, Дик? В самом деле?

— Это мрачная чепуха, милая моя.

— Тебе не важно, кто я?

Дик расхохотался так оглушительно, что ее сомнения, как он заметил, начали отступать.

— Что сказала тебе Синтия? — настаивала Лесли. — И как она себя чувствует? И как получилось, что она оказалась вместе с тобой в такую рань?

— Может, забудем уже об этом, Лесли?

— Именно, — сказал лорд Эш. — Однако же одно, похоже, очевидно, мистер Маркхэм. — Его лицо несколько посуровело, и в глазах промелькнуло выражение, которое Дик не смог прочесть. — У мисс Грант здесь несколько недоброжелателей.

— О чем это вы? — воскликнула Лесли.

— Один из них, — пояснил лорд Эш, — отправляет вас в Шесть Ясеней. Другой, если верить тому, что мы только что слышали, пытается отправить вас на виселицу за убийство.

— Разве вы не понимаете, — вспыхнула Лесли, крепко держа Дика за локоть, — что именно это мне невыносимо? И я не желаю с этим жить. Мысль, что кто-то, кто угодно, способен ненавидеть тебя настолько сильно, страшнее всего на свете. Я не хочу даже слышать об этом!

Лорд Эш задумался.

— Разумеется, если доктору Феллу удастся каким-то образом установить, как и почему совершилось это выходящее из ряда вон преступление в запертой комнате…

— Ах да, — извиняющимся тоном произнес доктор Фелл, — думаю, мне удастся, если я получу ответы на пару вопросов, которые как раз жду.

Ощущение новой опасности, скрытой опасности, ударило по нервам Дика Маркхэма.

Быстро крутанувшись на месте, он успел с изумлением заметить разыгрывавшуюся между доктором Феллом и суперинтендантом Хэдли пантомиму. Она состояла всего лишь из поднятых бровей и намека на движение губ, но все исчезло тотчас же, так что он не уловил сути. До сего момента он считал и доктора Фелла, и Хэдли союзниками, помощниками, прибывшими сюда, чтобы прогнать призрачную опасность. Никаких сомнений, они по-прежнему союзники. Но в то же время…

Доктор Фелл нахмурился.

— Вы ведь наверняка понимаете, — спросил он, — что важнее всего принять во внимание в этом деле?

Глава пятнадцатая

День уже клонился к закату, когда перед зловещим коттеджем в Виселичном переулке доктор Фелл снова задал этот же вопрос.

После ланча в Эш-холле доктор Фелл, Хэдли и Дик Маркхэм совершили небольшой променад по деревне. Дик собирался пойти домой вместе с Лесли, но доктор Фелл и слушать не захотел. Похоже, в его интересах было попасться на глаза как можно большему числу людей.

Пока еще ни слова не просочилось о том, что жертва вовсе не сэр Харви Гилмэн или что у полиции имеются основания подозревать что-нибудь, кроме самоубийства. Почти физически ощущалось приглашение в мышеловку, соблазнительный призыв в капкан, свист, выманивающий убийцу. К ним поворачивались лица, горящие от любопытства, хотя вопрос читался только в потупленных взглядах. Никогда в жизни Дик не чувствовал себя настолько неловко.

И они попались на глаза множеству людей.

Попытка поговорить с Синтией Дрю провалилась из-за ее матери, печальной маленькой

женщины, которая особо подчеркнула, что не желает разговаривать с Диком Маркхэмом. Синтия, пояснила она, неудачно упала с каменных ступенек, у нее синяк на виске. Она не в настроении кого-либо видеть, и пусть никто не надеется — здесь брови миссис Дрю взлетели — увидеть ее.

Зато они натолкнулись на майора Прайса, который выходил из своей конторы. И еще сыщиков представили Эрншоу, который что-то покупал на почте. Доктор Фелл купил шоколадные сигары заодно с настоящими, сначала заглянув в кондитерскую, а затем в табачную лавку; он обменялся мнениями по поводу церковной архитектуры с преподобным мистером Гудфлауэром; посетил паб «Грифон и ясень», чтобы пропустить несколько пинт, пока заведение не закрылось.

Пламенеющее желтым солнце уже низко висело за деревней, когда они повернули обратно в сторону Виселичного переулка. Проходя мимо дома Лесли, Дик вспомнил ее последние слова, обращенные к нему: «Ты же придешь на ужин сегодня, как мы планировали?» — и как он с жаром согласился. Он высматривал в окне ее лицо, но не увидел. Зато теперь впереди, рядом с темнеющим фруктовым садом, маячил черно-белый коттедж с невысокой крышей и изуродованными окнами.

Тело Сэма де Виллы, он же сэр Харви Гилмэн, давным-давно забрали в морг в Хокстоуне. Констебль Берт Миллер теперь неотлучно стоял на страже в палисаднике перед домом. Хэдли обратился к нему, как только они приблизились на расстояние крика:

— Отчет о вскрытии не приходил?

— Нет, сэр. Они обещали позвонить, как только будет готово.

— Удалось отследить телефонный звонок?

Берт Миллер явно нуждался в пояснениях. На широком лице под внушающим почтение шлемом не отразилось никаких чувств.

— Какой телефонный звонок, сэр?

Хэдли уставился на него.

— Анонимный телефонный звонок, — произнес он, — кто-то позвонил мистеру Маркхэму рано утром и просил срочно явиться сюда. Это вы помните?

— Да, сэр.

— Этот звонок отследили?

— Да, сэр. Он был сделан из этого коттеджа.

— Из этого коттеджа, вот как? — повторил Хэдли, поглядев на доктора Фелла.

— С этого телефона, — пояснил Миллер, кивнув на открытую в прихожую дверь у него за спиной,

— в две минуты шестого утра. Так сказали на телефонной станции.

И снова Хэдли бросил взгляд на доктора Фелла.

— Подозреваю, вы собираетесь сказать, — сухо заметил он, — что именно это вы и предполагали?

— Да черт побери, Хэдли! — жалобно проворчал доктор Фелл. — Я же не пытаюсь изображать из себя чародея, который делает гипнотические пассы над волшебным шаром, как Сэм де Вилла. Но определенные выводы действительно напрашиваются, потому что не могут не напрашиваться. Вы же понимаете, не правда ли, что важнее всего принять во внимание в этом деле?

Хэдли уклончиво промолчал.

— Послушайте, сэр, — вмешался Дик, — вы уже задавали раньше этот вопрос. А потом, когда мы пытались ответить, вашего ответа мы так и не услышали. И каков же он?

— По моему скромному мнению, важнее всего принять во внимание, — сказал доктор Фелл, — как Сэм де Вилла провел последние шесть часов своей жизни.

Дик, ожидавший услышать что-то совершенно иное, уставился на него во все глаза.

— Вы ушли от него, — продолжал доктор Фелл,

— вчера вечером около одиннадцати часов. Прекрасно! Вы обнаружили его мертвым — умершим только что — примерно в двадцать минут шестого утра. Отлично! В таком случае чем он занимался в этот промежуток? Давайте выясним.

Доктор Фелл неуклюже взобрался по двум каменным ступеням крыльца в маленькую прихожую. Однако он не пошел в гостиную — по крайней мере, сразу. Он стоял в прихожей, разворачиваясь вокруг своей оси с величественной медлительностью, достойной боевого корабля на маневрах, и его невидящий взгляд блуждал по сторонам.

— Гостиная слева. — Он указал рукой. — Столовая через коридор справа. — Он указал. — Кухня и буфетная в задней части дома. — Он снова указал. — Я заглянул во все эти места, пока ждал здесь сегодня утром. В том числе осмотрел и электрический счетчик в буфетной. — Доктор Фелл разгладил свои усы, после чего снова обратился к Дику: — Когда вы уходили от него в одиннадцать вечера, де Вилла сказал, что собирается лечь спать?

— Да.

— И предположительно, именно так он и поступил, — рассуждал доктор Фелл, — поскольку

лорд Эш, заехавший вскоре после вас узнать, как дела у раненого, обнаружил, что в доме темно. Лорд Эш ведь так вам сказал, верно?

— Да.

— Утром я не поднимался наверх. Но стоит сделать это сейчас.

Узкая лестница с массивными перилами резко заворачивала направо. Она привела их на верхний этаж с низким потолком. Здесь, где крытая гонтом крыша давила толстым жарким одеялом, они обнаружили две довольно просторных спальни, а еще одну крохотную заднюю комнату и ванную. В спальне, расположенной прямо над гостиной, были заметны следы пребывания.

Доктор Фелл толкнул плотно пригнанную дверь с засовом, которая заскрипела и заскребла по голым половицам. В оба окна в наклонной стене, выходившие в переулок, било предвечернее солнце, и тень березовой рощи напротив придавала ему грязный красноватый оттенок.

Обстановка в комнате была спартанская, под стать белым штукатуреным стенам. Односпальная кровать, комод с зеркалом, дубовый гардероб, стул с прямой спинкой, на полу пара маленьких ковриков. Воздух в комнате был тяжелый, несмотря на открытые окна, и все здесь говорило

о спешке и неаккуратности. В кровати явно спали, и сейчас покрывала были откинуты, словно спавший в ней человек вскочил внезапно.

О том же свидетельствовали разбросанные личные вещи — воротнички, туалетные принадлежности, книги, плетеный пояс от халата, — которые вываливались из двух больших чемоданов, так и не распакованных до конца.

— Как понимаете, он заехал сюда лишь на короткое время, — заметил доктор Фелл, указывая своей тростью. — Готовый все подхватить и бежать, как только получит свой куш. Идеальный план, благородное воплощение. А вместо того… Погодите-ка минутку!

На полу у кровати стояла пепельница с двумя или тремя сигарными окурками. Рядом возвышался пивной бокал, наполненный несвежей, мутноватой водой, и крошечный пузырек. Следуя за пытливым взглядом доктора Фелла, Хэдли поднял пузырек. В нем оказалось несколько маленьких белых таблеток, и он поднес его к окну, чтобы прочитать этикетку.

— Люминал, — сообщил суперинтендант. — Таблетки в четверть грана.

— Тут ничего странного, — вставил Дик. — Вчера вечером упоминалось, что он привез с

собой люминал. Миддлсворт сказал, что он может принять одну таблетку, если спина сильно разболится.

Доктор Фелл задумался.

— Одну таблетку? Не больше?

— Во всяком случае, это слова доктора Миддлсворта.

— И я так полагаю, рана причиняла ему сильную боль?

— Еще какую! Он даже и не пытался это скрыть, могу поклясться.

— Нет! — загромыхал доктор Фелл, яростно мотая головой и корча мрачную гримасу. — Нет-нет-нет! Слушайте, Хэдли. Вовсе не в характере де Виллы быть таким скромником!

— О чем это вы?

— Ну, предположим, вы оказались в его положении? Предположим, вы взвинченный тип, наделенный богатым воображением, и вам предстоит долгая ночь с болезненной огнестрельной раной? А у вас под рукой полный пузырек люминала. Разве вы остановитесь на скромной четверти грана? Разве не примете щедрую дозу, чтобы наверняка провалиться в сон?

— Да, — признал Хэдли, — вероятно, я так и сделал бы. Однако…

— Мы пытаемся, — проревел доктор Фелл, неуклюже топая к двери и обратно, — восстановить события, предшествовавшие этому преступлению. И что же мы получили?

— Не сказать, чтобы много, если хотите услышать честный ответ.

— И все же проследим за действиями де Виллы. Гости покидают его в одиннадцать вечера. Он уже в пижаме, в халате и тапочках, поэтому ему нет необходимости переодеваться. Он поднимается по лестнице в спальню.

Здесь блуждающий взгляд доктора Фелла натолкнулся на плетеный пояс от халата, торчавший из чемодана. Он пристально поглядел на него, дергая себя за нижнюю губу.

— Слушайте, Хэдли. Тело де Виллы обнаружили сегодня утром в пижаме и халате. Сам я не обратил внимания; может, вы запомнили, был ли в халате пояс? — Он поглядел на Дика. — Или, может быть, вы, мальчик мой?

— Я не помню, — признался Дик.

— И я, — сказал Хэдли. — Однако все сейчас в морге Хокстоуна. Мы запросто можем позвонить и спросить.

Доктор Фелл отмахнулся от этого предложения.

— Как бы то ни было, продолжим восстанавливать события темных часов перед убийством. Де Вилла поднимается сюда, чтобы лечь в постель. Он приносит с собой стакан воды. Принимает хорошую дозу люминала и садится на кровать, чтобы докурить сигару — vide[5] пепельницу, — в ожидании, пока подействует лекарство. А потом...

Хэдли насмешливо хмыкнул.

— А потом, — подхватил Хэдли, — он встает и спускается вниз в пять утра?

— Получается, что так.

— Но почему?

— А это, — отрывисто произнес доктор Фелл, — как я надеюсь, мистер Маркхэм сможет сказать нам здесь и сейчас. Идемте вниз.

Гостиная внизу не казалась такой омерзительной, когда неподвижная фигура больше не сидела за письменным столом. Специалисты из Хокстоуна уже сделали все фотографии и сняли все отпечатки пальцев. И шприц унесли, хотя винтовка 22-го калибра так и стояла, прислоненная к камину, а коробка с рассыпавшимися кнопками лежала на полу рядом с глубоким креслом.

---

[5] Notes: 5
Смотри*(лат.).*

Хэдли, который успел сказать Дику несколько ласковых по поводу его отпечатков на вещественных доказательствах и уничтоженных улик, сейчас промолчал, только выразительно посмотрел. И доктор Фелл не стал ничего говорить. Скрестив руки на груди, доктор уселся в простенке между двумя окнами спиной к ним. По одну сторону от него было окно с зияющей дыркой от пули, по другую — пустая оконная рама с осколками разбитого стекла внизу. За окнами маячил шлем Берта Миллера, двигавшийся туда и обратно в ритме неутомимо вышагивавшего констебля.

— Мистер Маркхэм, — начал доктор Фелл с такой проникновенной серьезностью, что Дика охватили некоторые сомнения, — я хочу, чтобы вы сейчас сосредоточились, как не сосредоточивались никогда в жизни.

— На чем?

— На том, что видели этим утром.

Чтобы сосредоточиться, не требовалось усилий. Дик гадал, выветрится ли когда-нибудь, хотя бы спустя недели, этот инфернальный запах горького миндаля, чтобы образы больше не выпрыгивали на него из углов этой гостиной.

— Послушайте, сэр! Давайте сначала проясним

один момент. Как вы считаете, я вам лгу?

— С чего бы мне так считать?

— С того, что все вокруг, от Миллера за окном до суперинтенданта Хэдли и лорда Эша, по-видимому, думают, что я наверняка лгу или же что мне все это приснилось. Говорю вам, эти окна были заперты изнутри! И дверь была заперта и закрыта на засов изнутри. Вы в этом сомневаетесь?

— О нет, — ответил доктор Фелл. — Я в этом не сомневаюсь.

— Однако же убийца должен был — как бы это сказать? — чтобы прикончить де Виллу, он должен был оказаться в этой комнате и выйти из нее в своем физическом теле. Несмотря на запертую дверь и окна.

— Да, — подтвердил доктор Фелл.

За окнами промелькнул силуэт Миллера, подобно тени закона.

Суперинтендант Хэдли подтащил глубокое кресло к письменному столу, уселся туда, где сидел покойник, и вынул свой блокнот. Доктор Фелл прибавил:

— Я серьезно, Хэдли. Я имею в виду именно это.

— Продолжайте! — предложил Хэдли.

— Давайте начнем, — пробурчал доктор Фелл,

крепче прижимая скрещенные руки к груди, — с этого таинственного телефонного звонка в две минуты шестого утра. Теперь мы уже знаем, что звонили из этого дома?

— Да.

— Голос, к примеру, не мог принадлежать де Вилле?

— Вполне мог, да. Я не знаю, чей это был голос. Он говорил шепотом.

— Но при этом создавалось впечатление, — доктор Фелл задрал подбородок, копаясь в памяти, — что дело срочное?

— И очень срочное. Да.

— Правильно. Вы выскочили из своего дома, потом побежали по переулку. Когда вы были еще на некотором расстоянии от этого коттеджа, вы увидели, как в гостиной зажегся свет.

Доктор Фелл помолчал, глаза за стеклами пенсне сошлись к носу от сосредоточенных размышлений.

— Как далеко вы были от дома, когда увидели этот свет?

Дик задумался.

— Я бы сказал, чуть дальше ста ярдов.

— Значит, по сути, заглянуть в комнату в тот момент вы не могли?

— Боже, нет, конечно! Ничего подобного! Я находился слишком далеко. Я только увидел, как свет вспыхнул на фоне все еще довольно темного неба.

Суперинтендант Хэдли молча поднялся с места. Единственным источником света в комнате была яркая лампа под абажуром бронзового оттенка, висевшая над письменным столом. Выключатель был на стене, рядом с дверью в прихожую. Хэдли подошел к нему, щелкнул, опуская рычажок, затем снова поднял, так что лампа загорелась и погасла, после чего, также молча, он вернулся к своему блокноту на письменном столе.

Доктор Фелл прочистил горло.

— Затем, — продолжил он, — вы пошли по переулку медленнее? Да! А чуть позже, как я понимаю, вы увидели, как над стеной появилось дуло этой винтовки двадцать второго калибра? Да. Как далеко от дома вы были, когда увидели все это?

И снова Дик задумался.

— Ну… скажем, ярдах в тридцати. Может быть, чуть меньше.

— Значит, вы по-прежнему не могли заглянуть в комнату?

— Нет. Естественно, не мог.

— Однако вы отчетливо видели винтовку?

— Да.

— Вы даже, — доктор Фелл протянул правую руку и постучал по оконному стеклу, — вы даже различили отверстие от пули, когда оно, как вы с чувством сообщили констеблю, «выскочило на оконном стекле»?

Дик беспомощно развел руками:

— Боюсь, я выразился слишком литературно. Я как раз вспоминал шатер предсказателя. Но именно так в точности и получилось. Я смотрел на винтовку, я видел, как она выстрелила, и даже с такого расстояния я различил отверстие от пули.

— Я так понимаю, у вас хорошее зрение?

— Очень хорошее. Например, вчера, стреляя в тире майора Прайса, я мог запросто увидеть, куда попал и сколько очков выбил, даже не подтягивая мишень к прилавку.

Вмешался суперинтендант Хэдли.

— Если вы подозреваете, что с этим пулевым отверстием что-то нечисто, — произнес он, — можете выбросить это из головы. Специалисты все подтвердили: угол стрельбы, сила удара, повреждения окна. А еще, — он кивнул на разбитую картину над камином, — провели экспертизу пули, извлеченной из стены. Она выпущена из

этой винтовки, и никакой другой.

Доктор Фелл медленно повернул к нему покрасневшее лицо.

— Боже мой, Хэдли, — произнес он в неожиданном и совершенно нехарактерном для него приступе гнева, поразившем Хэдли почти так же сильно, как и Дика, — может быть, позволите уже допросить этого свидетеля так, как нужно мне?

Лицо его заполыхало еще ярче.

— Вы, сэр, суперинтендант столичной полиции. И я полностью в вашем распоряжении. Я всего-навсего ваш приглашенный консультант, или, если выражаться менее претенциозно, старик, которого вы таскаете за собой в загадочных, хотя и не столь безумных, делах. Вы сейчас оказали мне честь, позволив консультировать вас в случае, который мы оба считаем убийством. Так могу я, сэр, задавать собственные вопросы или не могу?

Движение шлема Берта Миллера за окнами приостановилось на долю секунды, прежде чем Миллер зашагал дальше. И не без причины, ведь Дик, пересказывая Миллеру эту историю сегодня утром, настаивал на самоубийстве, приводя в доказательство столько подробностей, что констебль и не задумывался об иной вероятности. И сейчас Миллер впервые услышал слово «убий-

ство» от столичного начальства.

Однако Дик едва обратил на это внимание — все было сметено выходящей за рамки вспышкой гнева доктора Фелла.

— Простите, что наступил вам на любимую мозоль, — мягко проговорил Хэдли. — Продолжайте.

— Гм! Ха! Очень хорошо. — Доктор Фелл поправил свое пенсне и сделал долгий и шумный вдох через нос. — Услышав выстрел, мистер Маркхэм, вы снова побежали вперед?

— Да.

— И повстречали в переулке мисс Синтию Дрю?

— Именно так.

— Как получилось, что при вашем отменном зрении вы не заметили ее раньше?

— Потому что, — ответил Дик, — солнце било мне в глаза, прямо из переулка. Она двигалась с востока, я же видел все по сторонам, но не в самом переулке.

— Гм, да. Это объяснение. Но как оправдала мисс Дрю свое присутствие в переулке в такой час?

— Послушайте, сэр! Вы же не думаете…

— Как объяснила, — мягко повторил доктор

Фелл, — мисс Дрю свое присутствие в переулке в такой час?

Снаружи, в прихожей, пронзительно зазвонил телефон.

От этой настойчивой трели все трое мужчин, погруженные в собственные мысли, слегка вздрогнули. Интересно, подумал Дик, уж не этого ли звонка ожидает доктор Фелл? Или это убийца — под личиной самого доброго друга во всех Шести Ясенях — звонит, чтобы нашептать еще больше гадостей о Лесли Грант? Хэдли поспешил к телефону, они услышали, как он разговаривает, понизив голос. Когда он вернулся, лицо его было очень серьезно.

— Что там? — поторопил его доктор Фелл.

— Нет, — быстро ответил суперинтендант, — это не то, что вы подумали. Эта ваша идея с телефонным звонком — чепуха, и вы это знаете. Никто не пойдет на такой глупый риск. А вот другая ваша идея, я признаю…

— Кто это звонил, Хэдли?

— Это был судмедэксперт из Хокстоуна. Он только что завершил вскрытие. И снова все перевернулось с ног на голову.

Доктор Фелл, прислонившийся к стене всем своим грузным телом, выпрямился. Рот под раз-

бойничьими усами открылся.

— Ну, Хэдли! Вы же не собираетесь сказать мне, что Сэм де Вилла погиб в конце концов не от синильной кислоты?

— Вот уж нет. Он погиб от синильной кислоты, тут все в порядке. Примерно три грана ангидридной синильной кислоты, впрыснутые с помощью шприца чьей-то неумелой рукой. Вот только…

— Только что?

— Содержимое его желудка, — сказал Хэдли.

— Продолжайте же!

— Примерно за шесть часов до смерти, — пояснил Хэдли, — Сэм, по-видимому, проглотил три или четыре грана люминала.

И Хэдли снова уселся за стол и открыл свой блокнот.

— Разве вы не понимаете? — продолжал он. — Если перед сном, вскоре после одиннадцати вечера, Сэм принял столько люминала, то вряд ли он смог бы по собственному почину спуститься в гостиную в пять утра на следующее утро.

Глава шестнадцатая

— Заметьте! — прибавил осторожный суперинтендант. — Мы не утверждаем, что это совершенно невозможно. — Он поднял карандаш и изучил его кончик. — Некоторые люди способны сопротивляться самым сильным наркотикам, а некоторые очень быстро избавляются от последствий их воздействия. Мы же только можем сказать, что это маловероятно. Но ведь согласно свидетельским показаниям, Сэм все же спустился в гостиную этим утром?

— По всей видимости, да.

— И если мы не считаем мистера Маркхэма лжецом, свет действительно включился в этой комнате тогда, когда он, по его словам, включился?

— Несомненно.

— Однако вы не считаете, что этот факт переворачивает все дело с ног на голову?

— Не считаю, — отвечал доктор Фелл, прислоняясь спиной к стене, отчего передняя часть его пасторской шляпы приподнялась, словно сдвинутая невидимой рукой, — нет, мальчик

мой, не могу сказать, что это так. Вероятно, все прояснится, — он скривил лицо в безобразной гримасе, — если вы позволите мне продолжить с некоторыми насущными делами. Как объяснила (повторю, с вашего позволения, вопрос) мисс Синтия Дрю свое появление в переулке в столь ранний час?

Дик отвел взгляд:

— Она не могла заснуть. Отправилась прогуляться.

— Прогуляться. Э-э… ага. А Виселичный переулок — популярное место для утренних прогулок в вашей деревне?

— Вполне. Почему нет?

Доктор Фелл нахмурился:

— Этот переулок, как сказал мне лорд Эш, заканчивается всего в паре сотен ярдов на восток отсюда, на том месте, где в восемнадцатом веке действительно стояла виселица.

— Формально он заканчивается, да. Но дальше натоптанная тропинка ведет через поля к Лесу Гоблина, куда все ходят гулять. Констебль Миллер, между прочим, как раз живет там рядом.

— На самом деле, мальчик мой, — произнес доктор Фелл с необычной для него мягкостью, — кричать необязательно. Я прекрасно все по-

нимаю. Но суть в том, что мисс Дрю оказалась на месте преступления или где-то неподалеку. Возможно, она видела что-нибудь или слышала, что способно нам помочь?

— Нет. Синтия… Погодите минутку, да, она видела! — опомнился Дик, озабоченный новыми, мучительными загадками. — Я не сообщил об этом утром, давая показания, потому что тогда Синтия еще не успела мне рассказать. Она упомянула об этом уже позже, когда я застал ее в доме Лесли.

— Так что же?

— Примерно за минуту до того, как выстрелила винтовка, — сказал Дик, — Синтия видела, как кто-то бежал через переулок из фруктового сада на этой стороне в рощу на другой.

Он описал, как было дело.

И на доктора Фелла его слова произвели электризующий эффект.

— Ясно! — громогласно объявил доктор и щелкнул пальцами в воздухе. — Архонты Афин, да это же почти слишком хорошо, чтобы быть правдой! Ясно!

Хэдли, знавший своего дородного друга с давних времен, оттолкнул от стола глубокое кресло и спешно поднялся. От движения кресла, колесики

которого со скрипом проехались по вытертому коричневому ковру мимо коробочки канцелярских кнопок, взглядам открылось кое-что еще.

На полу, раскрытая и упавшая разворотом вниз, словно сунутая под кресло с глаз долой, лежала книга в матерчатом переплете. Хэдли, хотя в данный момент его внимание было занято другим, наклонился, чтобы поднять ее.

— Слушайте, Хэдли, — вставил доктор Фелл, не сводя взгляда с одной кнопки, которая, по-видимому, откатилась дальше остальных. — Постарайтесь не наступать на эти кнопки. Итак? Что же там?

Хэдли протянул ему книгу. Это оказался потрепанный сборник эссе Уильяма Хэзлитта[6] с именем Сэмюеля Р. де Виллы на форзаце и множеством заметок, сделанных тем же почерком. Доктор Фелл с любопытством изучил книгу, прежде чем бросить на стол.

— А у Сэма, — проворчал он, — весьма утонченные литературные вкусы.

— Когда вы уже вытряхнете из своей любительской башки идею, — резко отозвался Хэдли, — будто профессиональные мошенники только

---

[6] Notes: 6

Уильям Хэзлитт (1778–1830) — один из классиков английской эссеистики.

и делают, что болтаются по модным отелям и барам?

— Ладно-ладно!

— Профессорские манеры Сэма, о чем я твержу вам все утро, приносили ему по пять тысяч в год. Его отец был священником в одном западном графстве, сам он отлично учился в Бристольском университете, он действительно изучал медицину и до сих пор разыгрывал из себя патологоанатома без особых промахов. Как-то раз на юге Франции он выманил у одного хитроумного английского адвоката весьма внушительную сумму, потому что… — Хэдли умолк, поднимая книгу со стола и опуская ее обратно. — Ладно, в данный момент это не имеет значения! Какая там блестящая мысль вас осенила?

— Синтия Дрю, — произнес доктор Фелл.

— А что с ней?

— То, что она видела или утверждает, что видела, похоже, поставит точку в этом деле. Кое-кто допустил грубейшую ошибку. А вы как, мальчик мой, — он подмигнул Дику, — не заметили в переулке этого подозрительного типа?

— Говорю же, солнце било мне в глаза!

— Солнце, — возразил доктор Фелл, — било в глаза всем. Взгляните-ка!

С ощущением неизбежной катастрофы, ощущением, что все катится под откос навстречу неизбежному краху, Дик, подчиняясь кивку доктора, поглядел в окно. Не новый, но сверкающий двухместный автомобиль черного цвета, в котором он узнал машину Билла Эрншоу, прокатился по переулку и остановился. На переднем сиденье рядом с Эрншоу сидела Синтия Дрю.

— С этой леди мы не встречались, — заметил доктор Фелл, — однако могу догадаться, кто это. Хэдли, хотите поспорить, до нее дошли слухи, что мисс Грант в конце концов оказалась вовсе не злобной отравительницей? И она в ужасе кинулась сюда, чтобы услышать от нас правду?

Хэдли хлопнул рукой по столу.

— Не могла она ничего узнать, говорю вам! — заявил суперинтендант. — Никто не знает, кроме нас, мисс Грант и лорда Эша. Лорд Эш поклялся, что не обмолвится ни словом. Не могла она ничего узнать.

— О да, еще как могла, — сказал Дик Маркхэм. — Эрншоу!

Хэдли поглядел озадаченно:

— Эрншоу?

— Банковский управляющий! Этот парень, который сейчас выходит вместе с ней из машины!

Он был здесь сегодня утром и задержался, успев услышать, как доктор Фелл произнес: «Однако это не сэр Харви Гилмэн». Не помните, доктор Фелл?

Наступила тишина, и они отчетливо услышали, как ноги со свистом рассекают траву, пока Синтия и Эрншоу приближались к коттеджу.

Доктор Фелл выругался себе под нос.

— Хэдли, — произнес он оглушительным шепотом, напомнившим о дуновении ветра в тоннеле подземки, — я осел! Архонты Афин, что же я за первостатейный*осел*! Я совершенно забыл об этом парне, несмотря на тот факт, что сегодня днем мы встречались с ним на почте.

С этими словами доктор Фелл стукнул себя кулаком по розовому лбу.

— Пора заводить секретаря, — взревел он, — просто для того, чтобы напоминал мне, о чем я думал две минуты назад. Разумеется! Эта прямая спина! Шляпа а-ля Энтони Иден! Эти прилизанные волосы и белоснежная улыбка! Когда мы наткнулись на него в почтовом отделении, у меня, кстати, возникло смутное ощущение, что я уже где-то видел этого типа. Рассеянность, мой добрый Хэдли…

— Что ж, — отозвался Хэдли без всякого сочувствия, — меня не вините. Но, к вопросу о

почтовых отделениях, разве это как-то помешает другому вашему плану?

— Нет, не должно. И все же надо было бы разыграть все по-другому.

Смысл этого разговора о почтовом отделении — им заправляла импульсивная мисс Лора Фезерс, всегда готовая отчитать вас во весь голос из-за своего затянутого сеткой прилавка за малейшее нарушение почтового этикета, — совершенно ускользнул от Дика.

Однако и все прочие мысли рассеялись, сметенные его тревогой за Синтию Дрю.

— Миллер! — окликнул суперинтендант Хэдли.

Берт Миллер за окном развернулся кругом. Казалось, он собирался высказать какие-то собственные соображения, но в итоге передумал.

— Сэр?

— Можете впустить и мисс Дрю, и мистера Эрншоу, — сказал ему Хэдли. — Однако, — здесь он устремил весьма выразительный взгляд на доктора Фелла, — допрашивать свидетеля, друг мой, я буду сам.

Синтия и не отставaвший от нее Эрншоу спешно вошли из прихожей в комнату и замерли на месте. Тяжесть эмоционального напряжения,

пока Хэдли стоял, вежливо глядя на Синтию, ощущалась в гостиной не хуже жары.

С помощью пудры Синтии почти удалось замаскировать темный синяк на правом виске. Замаскировать все остальное не получилось.

— Мисс Синтия Дрю? — монотонно пробубнил Хэдли.

— Да-да, я…

Хэдли представился сам и представил доктора Фелла. Он сделал это намеренно, ловко и, как показалось Дику Маркхэму, вызвал жуткое ощущение надвигающейся опасности.

— Вы хотели видеть нас с какой-то целью, мисс Дрю?

— Моя мама сказала, — ответила Синтия, решительно глядя сияющими голубыми глазами, — что вы заходили ко мне. — Синтия слегка взмахнула рукой. — К сожалению, она не сразу объяснила, что это были вы. Она решила таким образом оградить меня от неприятностей. И только когда заглянул мистер Эрншоу…

— Ах да, — любезно подхватил Хэдли. — Мистер Эрншоу…

— …Заглянул, заговорил об одном, о другом, — продолжала Синтия, силясь унять дыхание, но по-прежнему твердо глядя прямо в глаза Хэдли,

— и тогда я узнала, что это были вы. Вы ведь не просто так хотели видеть меня, мистер Хэдли?

— На самом деле — да, мисс Дрю. Не желаете ли присесть?

И он указал на тяжелое глубокое кресло, в котором недавно сидел покойник.

Если то был обдуманно бессердечный жест, он возымел действие. Однако Синтия даже не дрогнула и не отвела взгляда.

— В это кресло, мистер Хэдли?

— Или в любое другое, все равно. Если у вас имеются возражения по поводу этого.

Синтия подошла и плюхнулась в глубокое кресло.

Эрншоу, который, улыбаясь, в сомнении топтался у двери, кашлянул.

— Так получилось, что я рассказал Синтии… — начал он оглушительно громко, после чего умолк на фоне всеобщего молчания и взглядов, обращенных к нему со стороны Хэдли и доктора Фелла. Хэдли поглядел через стол на Синтию, упираясь в край столешницы руками.

— Ваша мама сказала нам, мисс Дрю, что этот синяк на виске у вас из-за того, что вы поскользнулись и упали на каменные ступени.

— Боюсь, — ответила Синтия, — это была просто

вежливая ложь для соседских ушей.

Хэдли кивнул:

— На самом деле мне сказали, что этот синяк вы получили, когда мисс Лесли Грант ударила вас ручным зеркалом?

— Да. Боюсь, что это правда.

— Возможно, вам будет интересно услышать, мисс Дрю, что мисс Грант отрицает, будто била вас зеркалом или чем бы то ни было еще?

Синтия подняла голову. Положила на подлокотники кресла ладони с растопыренными пальцами. Голубые глаза раскрылись чуть шире от изумления.

— Но это же неправда!

— Неправда, мисс Дрю, что вы упали и ударились головой об изножье кровати?

— Я… о нет, конечно нет! — После выжидательного молчания, пока они снова слушали отдаленный бой церковных часов, Синтия прибавила: — Давайте уже разберемся с этим раз и навсегда, хорошо? Ненавижу ходить вокруг да около. Ненавижу… всякое жульничество! И я совершенно уверена, что вы знаете, чего ради я пришла к вам. Мистер Эрншоу рассказывал мне…

Эрншоу вставил, прежде чем кто-то успел его

остановить:

— Если вы не возражаете, — произнес он подчеркнуто вежливо, — я бы предпочел, чтобы меня не впутывали в это дело.

— И что же? — вопросил доктор Фелл.

— Я пришел сюда сегодня рано утром, — продолжал Эрншоу, бессознательно улыбаясь даже сейчас, когда он высказывал протест, — чтобы узнать насчет винтовки. Этой самой винтовки, которая стоит у камина. Пока я был здесь, я поделился с Диком Маркхэмом одной теорией касательно этого дела. И еще я сообщил ему некоторые сведения.

— По поводу, — уточнил доктор Фелл, — канцелярских кнопок?

— Да! — Теперь слова лились из Эрншоу непринужденным потоком. — Полковник Поуп всегда использовал канцелярские кнопки, чтобы закреплять на окнах тюль, и вы сами увидите, если посмотрите на следы на оконных рамах в этом доме. Впрочем, откуда взялась коробка кнопок на полу, я не могу понять. Но не важно!

На этом месте Эрншоу вскинул руку.

— Пока я был здесь, — продолжал он, обращаясь к доктору Феллу, — я кое-что услышал. Насчет… сэра Харви Гилмэна. Это вы сказали, доктор Фелл.

Я, как вы помните, не давал слова хранить молчание. Никто не просил меня об этом не упоминать. И все равно я решил помалкивать. Потому что я занимаю определенное положение в обществе, потому что я этого не понял, потому что конфиденциальность есть конфиденциальность.

Теперь никто и не пытался остановить Эрншоу. Он говорил как будто в пустоту, как будто обращаясь к доктору Феллу из-за угла, совершенно игнорируя живую картину в центре комнаты, представленную Хэдли и Синтией. Молчаливую борьбу взглядов между Хэдли и Синтией особенно подчеркивали и выводили на новый уровень лихорадочные слова Эрншоу.

— Сегодня по дороге домой из банка…

Синтия слабо шевельнулась.

— Сегодня по дороге домой из банка, — снова начал Эрншоу, — я остановился у дома Синтии, чтобы передать ей сообщение от моей жены. Синтия согласилась меня принять. Она была немного расстроена. И поведала мне совершенно дикую историю, — здесь Эрншоу громко хохотнул, — о Лесли Грант.

— Правдивую историю, — сказала Синтия, не сводя взгляда с Хэдли.

— Дикую историю, — повторил Эрншоу. —

Понимаете, я почувствовал себя обязанным предостеречь ее. Тут уж не до конфиденциальности. И я сказал: «Послушай, откуда ты это взяла?»

— Весьма любопытный вопрос, — вставил Хэдли.

— Я сказал: «Потому что я обязан сообщить, что доктор Гидеон Фелл говорит: этот сэр Харви Гилмэн вовсе не сэр Харви Гилмэн. И Миддлсворт тоже утверждает, что это самозванец».

— Это правда? Насчет Лесли? — спросила Синтия с напором.

— Это правда? — подхватил Эрншоу, побледневший до самого лба.

Суперинтендант Хэдли еще пару секунд упирался в письменный стол обеими руками, и его лицо не выдавало никаких чувств.

— Предположим, я скажу вам, мисс Дрю, и вам тоже, мистер Эрншоу, что история о мисс Лесли Грант совершенно правдива?

— О боже мой! — пробормотал Эрншоу бесцветным голосом.

Синтия наконец-то опустила взгляд. Кажется, она хватала ртом воздух, как будто бы задерживала перед этим дыхание целую минуту.

— Имейте в виду, официально, — проговорил суперинтендант предостерегающим тоном, — у

меня нет для вас информации, которой я могу поделиться. Я всего лишь говорю «предположим». И мне кажется, мистер Эрншоу, мне лучше отпустить вас, пока я еще немного побеседую с мисс Дрю. Вы не возражаете подождать ее в машине?

— Нет, нет и нет, — заверил его Эрншоу. Он бросил взгляд на Дика и отвернулся, озадаченный и смущенный. — Лесли Грант отравительница с… Не важно! Конфиденциальность. Но это невероятно! Прошу меня простить.

Он плотно закрыл за собой дверь. Они услышали его шаги в прихожей, и их ритм, кажется, ускорился, когда он пошел по траве перед домом.

Первый раз Синтия обратилась напрямую к Дику Маркхэму.

— Я не могла сказать тебе об этом утром Дик, — произнесла она тихим, ровным голосом. В ее взгляде сквозила жалость; если это была игра, то Дика охватил самый настоящий ужас. — Я не могла заставить себя причинить тебе такую боль! Когда дело дошло до испытания, боюсь, я попросту провалила его.

— Да, — сказал Дик. В горле у него пересохло; он не смотрел на нее в ответ.

— Я весь день гадала, — продолжала Синтия голосом, в котором сквозили угрызения совести,

— вдруг я обошлась с ней несправедливо? Честно говоря, если бы тут закралась какая-то ошибка, мне пришлось бы на коленях вымаливать у нее прощение!

— Да. Конечно. Я понимаю.

— Когда Билл Эрншоу рассказал мне то, что рассказал, я на полсекунды задумалась… Но вот же оно!

— Минуточку, мисс Дрю. — Хэдли говорил негромко. — Вы не могли заставить себя причинить боль мистеру Маркхэму, сообщив ему об этом, хотя считали, что он и без того уже все знает? — Он помолчал. — Вы же сказали мисс Грант, не так ли, что мистер Маркхэм уже все об этом знает?

Синтия рассмеялась коротко и резко.

— Я непозволительно скверно выражаю свои мысли, — ответила она. — Да. Я знала, что он слышал об этом. Но мне не хотелось оказаться тем человеком, кто станет тыкать ему этим в глаза и напоминать. Разве вы не в силах понять?

— Между прочим, где вы услышали эту историю, мисс Дрю?

— Ну, разве это сейчас имеет значение? Если история правдивая?

Хэдли протянул руку и взял свой блокнот.

— Это не имело бы значения, — признал он ровным тоном, — если бы история была правдивая. Только это вовсе не правдивая история, мисс Дрю. Это нагромождение лжи, придуманной мошенником, который выдавал себя за сэра Харви Гилмэна.

Синтия уставилась на него во все глаза:

— Вы же сказали…

— Ничего подобного. Я осторожно сказал «предположим», что может подтвердить любой из этих джентльменов. — Хэдли нацелил кончик карандаша на свой блокнот. — Так где же вы услышали эту историю?

Недоверие, отрицание, все то же прямодушие смешивались в выражении лица Синтии, несмотря на ее бледность и оцепенение.

— Не валяйте дурака! — взорвалась она. И прибавила: — Если это неправда, почему же тогда все говорят, что это правда?

— Некоторые люди, возможно, недолюбливают мисс Грант. Разве это не приходило вам в голову?

— Нет. Мне нравится Лесли, во всяком случае, я считала, что она мне нравится, очень даже.

— И все же вы напали на нее?

— Я на нее не нападала, — ответила Синтия

с ледяным спокойствием, поднимая бледный подбородок.

— В таком случае она напала на вас? Вы по-прежнему настаиваете, что получили этот синяк на виске в результате удара ручным зеркалом?

— Да.

— Где вы слышали эту историю, мисс Дрю?

Синтия снова пропустила его вопрос мимо ушей.

— Это совершеннейший абсурд, — заявила она, — сообщать все эти подробности, если только в них нет хотя бы доли правды. Хоть какой-то правды, разве вы не понимаете? — Она развела руками. — Что вы знаете о Лесли? Сколько раз она была замужем? Что она держит в своем сейфе?

— Послушайте, мисс Дрю. — Хэдли отложил блокнот с карандашом. Он снова уперся ладонями в край столешницы с такой силой, словно собирался опрокинуть стол на нее. — Я не устаю повторять вам, что во всей этой байке правды нет.

— Однако же…

— Мисс Грант не преступница. Она никогда не была замужем. То, что хранилось в ее сейфе, совершенно безобидно. Ее не было рядом с этим коттеджем прошлой ночью и даже этим утром.

Позвольте мне продолжить. Этот дом стоял темный с одиннадцати вечера до самого начала шестого утра, когда свет включился в…

— Сэр! — вмешался новый голос.

Уже несколько минут Дик сознавал то, что можно назвать фоновым диссонансом. Шлем полицейского констебля Миллера по-прежнему мелькал за окном туда-сюда. Однако в последнее время движения его сделались более стремительными.

И вот теперь широкая физиономия Миллера возникла перед ними, просунувшись в раму разбитого окна как-то боком, что было бы почти комично, если бы не суровая озабоченность констебля.

— Сэр, — обратился он к суперинтенданту осипшим голосом, — могу я кое-что сообщить?

Хэдли раздраженно обернулся:

— Позже! Мы же…

— Но это важно, сэр. Это насчет, — он просунул в окно крупную руку, чтобы показать, — вот этого.

— Войдите, — велел Хэдли, и никто в комнате даже не шевельнулся, пока Миллер не поднялся на крыльцо и не застыл по стойке смирно, войдя в комнату.

— Я мог бы сказать и раньше, сэр. — Даже бо-

родавка рядом с носом Берта явно выражала укоризну. — Только никто мне и словечком не намекнул, что вы вроде как считаете произошедшее убийством.

— Итак?

— Я живу вон там, рядом с Лесом Гоблина, сэр.

— Очень хорошо, и что же?

— Вчера я возвращался домой очень поздно, сэр. Потому что один пьяница расскандалился на ферме Ньютона. Я всегда езжу домой на велосипеде по этому переулку, а потом по тропе до Леса Гоблина. И, — прибавил Миллер, — я проезжал мимо здешних коттеджей на велосипеде около трех часов ночи.

Молчание.

— Ну же? — поторопил Хэдли.

— В доме мистера Маркхэма, — Миллер кивнул на Дика, — ярко горело окно в одной комнате. Я отчетливо его видел.

— Все верно, — подтвердил Дик. — Я заснул прямо на диване в кабинете и не погасил свет.

— А зато этот коттедж, — продолжал Миллер с напором, — был освещен еще ярче. Он весь сиял, словно рождественская елка.

Хэдли сделал шаг, огибая письменный стол сбоку:

— О чем это вы говорите?

Миллер упорно и настойчиво излагал свою историю:

— Сэр, я вам говорю правду. Все занавески на окнах были задернуты, это да. Но все равно было видно, что внутри горит свет. И почти все комнаты в этом коттедже — по крайней мере, те, которые я видел с дороги, проезжая на велосипеде, — были освещены.

Неприкрытое недоумение Синтии Дрю, которая вытянула шею, развернувшись к констеблю из глубокого кресла, более сдержанная растерянность суперинтенданта Хэдли, представившего себе этот одинокий освещенный дом с одурманенным человеком внутри, — все это прошло мимо внимания Дика, заслоненное всепоглощающим удовлетворением, которым так и лучился доктор Гидеон Фелл.

— Ага! — Нарочито довольный выдох разнесся по комнате — это означало, что теперь он совершенно уверен в себе.

Миллер кашлянул.

— Я и смекнул тут: «Все в порядке». Я же слышал, что джентльмен ранен, значит, решил я, у него там сиделки, доктора, куча народу. Тут я подумал: «Может, зайти проведать?» Но решил,

что уже слишком поздно и это может подождать.

Однако же, сэр, — продолжал Миллер, возвышая голос, словно из опасения, что его могут перебить, — я все равно видел, что у передней двери стоит человек. Было темновато, понимаю. Но я все-таки заметил из-за белой блузы, или свитера, или как там это называется, и я совершенно уверен…

Хэдли так и стоял, оцепенев.

— Белая блуза? — повторил он.

— Сэр, там стояла мисс Лесли Грант.

Глава семнадцатая

Лжет Синтия? Или же Лесли? Давайте-ка разберемся.

Шагая домой по Виселичному переулку уже в сумерках, в том жутковатом, что-то нашептывающем сумраке, в котором птицы гомонят перед сном, Дик Маркхэм пытался во всем разобраться.

Шел уже девятый час. Даже если умыться и побриться наспех, он все равно опоздает на ужин к Лесли. Это походило на мелкое предательство, раз уж Лесли грядущее событие кажется таким романтическим. Однако, если иметь в виду такую мелочь, как убийство, кто же *лжет*: Синтия или Лесли?

Все это проклятое дело слишком сильно его задевало! Слишком личное! Слишком наэлектризованное эмоциями! Оно как будто превратилось в весы, на одной чаше которых оказалась Лесли Грант, а на другой — Синтия Дрю. И чаши весов никак не могли прийти в равновесие.

Одна из девушек, если рассматривать все именно под таким углом, честная и ясноглазая, чистосердечно говорит правду. Другая скрывает

за хорошеньким личиком множество уродливых мыслей, и выражение ее лица может оказаться совершенно иным, если застать ее врасплох.

Обеих девушек ты хорошо знаешь. Обеих недавно сжимал в объятиях — хотя в случае с Синтией только для того, чтобы ее утешить, само собой, — и связывать подобные мысли с любой из них кажется фантастической глупостью. Однако же игла шприца выскочила, словно кобра, капающая ядом, и держала ее чья-то рука, и кто-то смеялся.

Не то чтобы его верность Лесли пошатнулась. Он влюблен в Лесли.

Но предположим, в конце концов, всего лишь предположим…

Чепуха! У нее не могло быть никаких мотивов!

Точно не могло?

Но в случае с Синтией все почти так же скверно. Он же сам понаписал кучу разной популярной ерунды о вытеснении из сознания — весьма полезной, если нужны сюжетные ходы для пьесы или книги. Но если такое случилось у тебя на заднем дворе, прямо перед твоим носом, ты подобен человеку, который балуется черной магией, а потом обнаруживает, что его на самом деле преследует дьявол.

И в любом случае как же все совершилось в этой

самой запертой на замок и щеколду комнате?

А Фелл явно знает, хотя и не скажет ни словечка. На самом деле доктор Фелл с Хэдли удалились для совещания в узком кругу в дальнюю часть дома, откуда доносились частые крики и грохань кулаков по столу, но никаких внятных пояснений. Дика туда не позвали. Их с Синтией даже рассадили по разным комнатам под недреманным оком Миллера. Но теперь?..

Понуро шагая по переулку, Дик завернул в калитку перед собственным коттеджем. Темный дом возвышался впереди, ромбики стекол в рамах припудрены сумерками.

К черту все, ему надо спешить! Его же ждет Лесли. Ему просто необходимо побриться, он должен сменить эту мятую одежду…

Дик закрыл переднюю дверь в сумрачной прихожей. Двинулся в полумраке по коридору в кабинет, где контуры книг и театральные афиши пока еще не до конца потонули в тенях. Он нащупал выключатель у двери. Щелкнул рычажком, потом щелкнул еще раз, прежде чем понял, что рычажок уже опущен, однако свет не загорается.

Опять это дьявольское изобретение — электрический счетчик, в который нужно кидать шиллинги!

Миссис Бьюфорд, женщину, которая «ходила» за ним, Дик обычно снабжал изрядным запасом шиллингов, чтобы кормить это чудовище. Но накануне ночью он сам оставил свет гореть до утра, денежный запас истощился, и электричество отключилось.

На ощупь пройдя по кабинету, Дик выбрался в кухню, а оттуда — в буфетную, окна этой комнаты выходили на восточную сторону, как и окна его кабинета. Благодаря редкой удаче — такое с ним почти не случалось — удалось отыскать среди монеток в кармане шиллинг. Шаря рукой под раковиной, он нащупал счетчик, повернул рукоять, впихнув внутрь монету, услышал, как она громыхнула.

И в его кабинете зажегся свет.

В кабинете зажегся свет.

Он уже поднялся и стоял рядом с раковиной в буфетной, глядя в окно комнатки, когда заметил это. Он увидел яркое свечение, залившее его боковой садик: точно такое же свечение из окон чужой гостиной он наблюдал несколькими часами раньше…

Выключателя он не трогал, однако же свет загорелся. Дик Маркхэм ухватился за край раковины.

— Ничего себе! — сказал он вслух.

Он вернулся в кабинет, оглядел его и обратился к печатной машинке.

— Хочешь знать, старушка, — спросил он у печатной машинки, — как создать иллюзию, что свет зажегся внутри запертой на замок и щеколду комнате?

Дик осекся.

Потому что у двери в прихожей стоял майор Гораций Прайс с изумленно вскинутыми песочными бровями.

На круглом веснушчатом лице майора с подстриженными песочными усами и светло-голубыми глазами отражалась снисходительность. Его дружелюбная манера означала, что для автора нашумевших пьес вполне нормально по-приятельски беседовать со своей пишущей машинкой — и, пусть сам бы он так делать не стал, он все понимает.

— Что вы сказали, дружище? — переспросил майор.

— Хотите знать, майор Прайс, — ответил Дик вопросом на вопрос, — как создать иллюзию, что свет зажегся внутри запертой на замок и щеколду комнате?

Теперь уже не было нужды хранить тайну. Ему

особенно хотелось выдать именно этот секрет.

В заметно выпученных глазах майора Прайса отражался неподдельный интерес. Торопливо обернувшись через плечо и убедившись, что никто не подслушивает, майор вошел в кабинет и закрыл за собой дверь. Дик по-прежнему был полностью поглощен и увлечен своей идеей.

— Я вчера вечером подумал, — продолжал он, — что все три дома в нашем переулке оснащены электрическими счетчиками, работающими за шиллинги. Бог мой, так вот для чего он это сделал! Вот почему свет был включен во всех комнатах и горел всю ночь!

Майор Прайс разволновался:

— Дружище, притормозите-ка на минутку! Просто хорошо бы понять, кто и что сделал?

— Берт Миллер, — пояснил Дик, — проезжал мимо вчера ночью на своем велосипеде и видел, что за задернутыми шторами в том доме во всех окнах горел свет.

— В самом деле, дружище? И что же?

— Кто-то, — сказал Дик, — включил везде свет и оставил, чтобы закончился весь оплаченный запас.

— Ничего себе! С вашего позволения…

— Свет отключился. Затем кто-то перевел все

выключатели в доме в положение «выключено», кроме выключателя в гостиной, который так и остался нажатым. А в нужный момент сегодня утром кому-то было достаточно всего лишь кинуть шиллинг в счетчик в буфетной. И свет зажегся, как будто нажали на выключатель в гостиной.

Майор Прайс озадаченно хмыкнул.

Оглядывая по очереди театральные афиши на стенах — «Ошибка отравителя», «Переполох в семействе» и «Никогда бы не заподозрил», которые всегда вызывали у майора тихое изумление, хотя он видел их уже столько раз, — он продолжил, пройдясь по комнате и опустившись на неприбранный диван, обитый твидом.

— Может, расскажете мне обо всем? — предложил он. — Боюсь, я не имею ни малейшего понятия, к чему вы клоните.

И тут Дик заметил промашку.

Догадка насчет света была верной. Доктор Фелл знал, как это можно было проделать, поскольку сам туманно высказывался по поводу электрического счетчика в том коттедже.

Однако загадки это все равно не объясняло.

— Это не объясняет, — громко заявил Дик, — как убийца в своем физическом теле выбрался из за-

пертой комнаты, оставив Сэма де Виллу внутри! А комната по-прежнему заперта. И Сэм, могу в этом поклясться, умер всего за несколько минут до того, как я пришел.

В точности как и прежде. Загадка осталась неразгаданной.

Майор с ленцой вынул свою трубку и кисет с табаком. Голова с песочными волосами, стриженными, как у пруссака, подалась вперед, в глазах отразился страстный интерес.

— Кто такой, — спросил он немного резко, — этот Сэм де Вилла?

И тут Дик очнулся:

— Послушайте, майор, вы должны меня извинить! Я так ошеломлен некоторыми недавними событиями, что просто начал болтать вслух. А дело в том, как вы понимаете, что никаких прав рассказывать об этом у меня нет. Если вы поймете, почему…

— Дорогой друг! Все это не мое дело! Если только…

— Если только?

— Если только это не касается кого-то из моих клиентов, разумеется. — Майор Прайс большим пальцем заправил табак в трубку. — Мнения деревенских жителей, похоже, разделились,

самоубийство это или убийство. Я… э-э… не могу решить.

— Да меня тут просто осенила одна идея, — пояснил Дик. — Однако, боюсь, это ни к чему не ведет. Нет, забудьте об этом! Единственным человеком, выдвинувшим разумное предположение, был Билл Эрншоу.

Китовая спина майора Прайса окаменела.

— Эрншоу, — повторил он, — выдвинул разумное предположение?

— Именно! И я не понимаю, почему доктор Фелл пропустил его мимо ушей! Эрншоу сказал…

— Дружище, — прервал оцепеневший майор, — на самом деле, кажется, я не хочу об этом слушать. Меня просто удивило, что Эрншоу выдвинул, как вы это называете, разумное предположение.

— Послушайте, майор! Неужели вы с Биллом до сих пор на ножах?

Песочные брови поползли вверх.

— На ножах? Не понимаю. Но действительно прискорбно, в конце-то концов, когда парень, который гордится своим чувством юмора, не в силах вынести безобидной шутки и считает ее личным оскорблением.

— Речь о той шутке, которую вы сыграли с Эрншоу вчера в тире? Между прочим, а что это

была за шутка?

— Не имеет значения! Вообще не важно! — Трубка была набита, к полному удовлетворению майора Прайса, но вот на лбу дружелюбной физиономии залегла красная складка. Он так и сидел на диване с окаменевшей спиной. — Я пришел сюда говорить не об этом. Я пришел к вам… если вы меня извините…

— Боюсь, майор, это вам придется меня извинить. Я уже опоздал на ужин с Лесли, а сам до сих пор даже не одет.

— Именно, — сказал майор, заглянув в свою трубку. Затем он поднял глаза. — Вам известно, сколько сейчас времени?

Дик поглядел на свои бесполезные наручные часы.

— Без двадцати девять, — сообщил ему майор. — А мне кажется, вы были приглашены на коктейли к половине восьмого? Нет, погодите! — потребовал майор, вскидывая руку, когда Дик сделал попытку рвануться по лестнице наверх. — Конечно, самое время поторопиться. Самое время! Однако вопрос, дружище: застанете ли вы ее дома, когда окажетесь там?

Дик так и застыл:

— Что это значит?

Мотнув головой, майор Прайс сосредоточил все свое внимание на трубке.

— Я говорю, — сказал он, — как человек достаточно поживший, чтобы годиться в отцы вам обоим. А еще как друг. Так что без обид. Да черт побери, чего уж там! Пора бы вам уже сделать выбор — или-или! Это правда или нет, что миссис Рэкли видела вас сегодня с Синтией Дрю в двусмысленной позе в разгромленной спальне Лесли?

Фраза прозвучала настолько чудовищно в данный момент, что Дик был ошарашен.

— Говорю вам, — произнес он, — не было абсолютно ничего…

— Разумеется, не было, дружище! Я вполне понимаю! Но в то же время…

— Миссис Рэкли рассказала об этом Лесли?

— Да. Особенно когда вы не появились в половине восьмого, и в восемь, и даже в половине девятого. И еще один момент. — Майор Прайс сунул трубку в рот. — Синтия была там, — он кивнул в сторону соседнего коттеджа, — была там с вами все это время?

— Синтия ушла оттуда с Биллом Эрншоу час назад.

— Если бы вы только догадались позвонить,

дружище!

— Послушайте, майор Прайс. В этом деле произошли кое-какие весьма серьезные подвижки, которые грозят снова перевернуть все с ног на голову. Больше я вам ничего рассказать не могу, кроме того, что Хэдли теперь уже нагрянет к Лесли в любой момент… — он заметил, как коренастая фигура майора Прайса снова оцепенела, — чтобы задать ей несколько вопросов.

— В самом деле? Но вы мне ничего не говорили!

— И я сам только что ускользнул оттуда, поскольку Хэдли с доктором Феллом увлеклись спором и…

— Спором о чем?

— Об одном моменте, о возможности дистиллировать синильную кислоту. И насколько просто это сделать из безопасных ингредиентов, которые можно купить в аптеке. Но по большей части было плохо слышно или непонятно. В любом случае я все с легкостью объясню Лесли!

Майор Прайс крутанул колесико зажигалки и раскурил трубку.

— Мой дорогой друг, — начал он, — все, что я могу сообщить вам: девушка очень расстроена и почти в истерике. Должно быть, она многое

пережила за этот день, хотя она и не станет… — лоб его потемнел, — она не призна́ется в этом даже своему доверенному лицу. Если хотите сослужить ей хорошую службу, отправляйтесь туда немедленно.

— В таком виде?

Майор был непреклонен:

— Да. В таком виде. С дипломатической точки зрения, как вы понимаете, поздновато уже прибегать к помощи телефона.

Дик пошел.

Когда он снова свернул в переулок и направился на запад, в сторону деревни, до него донеслось слабое бормотание голосов, приближавшихся за спиной. Голоса принадлежали доктору Феллу и суперинтенданту Хэдли, которые до сих пор спорили.

Если эти двое прямо сейчас тоже направляются к дому Лесли, чтобы снова задавать вопросы девушке, которая, по словам майора Прайса, и без того уже очень расстроена и даже на грани истерики, Дик просто обязан оказаться у нее первым. А потом… что потом?

Он не знал. Никаких сомнений, что существовало какое-то вполне невинное объяснение тому, что Берт Миллер, готовый в том поклясться,

видел Лесли у коттеджа среди ночи; Дик отключил разум, отказавшись думать об этом, потому что иначе, твердил он себе, его ждут все те же терзания, после чего он получит естественное объяснение — второй раз за один день. Но он все равно ускорил шаг.

Минуты через три-четыре он был на Хай-стрит. До дома Лесли оставалось всего ничего.

Призрак розового заката еще медлил над крышами этих домов, поблескивая на сланце тут или вырисовывая силуэт дымовой трубы там. Но сумерки опускались на Хай-стрит, совершенно пустынную. Те обитатели Шести Ясеней, которые не коротали вечер в «Грифоне и ясене», сидели по домам, готовясь включить телевизоры для девятичасовых новостей.

Дик завернул направо, выйдя из Виселичного переулка, перешел улицу и, широко шагая, двинулся по вымощенной кирпичом дорожке, служившей на Хай-стрит тротуаром.

Вот уже дом Лесли, в глубине, за рядом каштанов, с широкой полосой газона по обеим сторонам. Из-за плотных, задернутых сейчас занавесок не пробивалось света, за исключением окна спальни, зато над входной дверью на крыльце сияла крошечная лампочка. Дик остановился

перед калиткой, поглядев по сторонам.

Единственным жилищем по соседству (если это можно называть жилищем) было почтовое отделение. Дик, поглядев вправо, увидел это маленькое, обшитое досками для защиты от непогоды строение во всей его неприглядности.

Два окна с грязными зеркальными стеклами, между ними дверь, под одним из окон с видом на Хай-стрит щель для писем и бандеролей. В переднем помещении мисс Лора Фезерс сочетала свои обязанности почтового работника с эпизодической торговлей тканями, которые, кажется, никто и никогда не покупал. Сама мисс Лора Фезерс обитала в тесных комнатушках в задней части строения. Почтовое отделение всегда закрывалось в шесть — злые языки утверждали, что раньше, — и сейчас оно было закрыто, уличные жалюзи опущены на двери и окна, бросая вызов посетителям, как крепостная стена — атакующей армии.

В мягких летних сумерках Дик поглядел на почту без всякого интереса.

Где-то неподалеку сонно жужжала припозднившаяся газонокосилка. Дик выбросил мисс Лору Фезерс из головы. Он открыл калитку. Шагнул на дорожку, намереваясь увидеть Лесли.

А потом кто-то выстрелил в закрытом почтовом отделении. Есть такая ужасная история о двух влюбленных, которые обречены вечно проталкиваться во вращающиеся двери одного и того же отеля с разных сторон. Нечто подобное — ощущение двери, вращающейся только для того, чтобы снова вернуть его в ту же кошмарную реальность, — всплыло в душе и сердце Дика Маркхэма.

Это точно было огнестрельное оружие. Пистолет или даже, может, винтовка. И он знал, откуда донесся выстрел.

Дику хотелось бежать прочь, бежать, не разбирая дороги, отделаться от того, что вечно преследует его. Но он с предельной ясностью понимал, что не может так поступить. Он обязан идти туда, куда его ведут, хотя бы ради Лесли. Он развернулся и помчался по кирпичному тротуару к почтовому отделению. Его собственные шаги глухо отдавались от кирпичей, и это был единственный звук на всей Хай-стрит.

Совсем близко виднелись бледные полоски электрического света из-за закрытых ставнями окон и двери.

— Эй! — кричал он. — Эй, вы там!

Он не ожидал ответа, но в некотором смысле получил его. За закрытой дверью раздались

удаляющиеся по голым доскам шаги, быстрые, осторожные шаги на цыпочках, отступающие в сторону жилого помещения в глубине почты.

Дик взялся за дверную ручку. Хотя эта дверь никогда не открывалась после шести — только для Генри Гарретта, почтальона, приходившего в девять за вечерней выемкой писем, которые мисс Фезерс успевала сложить для него в холщовую сумку, — сейчас она оказалась не заперта.

Образ мисс Фезерс, которая никогда не говорила ни о чем, кроме своего гастрита и бесчинствах посетителей, возник сейчас перед мысленным взором Дика. Он распахнул дверь, ощутив запах порохового дыма.

Внутри маленького и грязного почтового отделения запыленная электрическая лампочка освещала затянутый металлической сеткой прилавок почты по правую сторону и торговый прилавок с полками для тканей слева. Этот свет отражался в досках пола, отполированных и почерневших за годы. В недрах почты Дик увидел открытую дверь, ведущую в жилое помещение, откуда доносился свист и хлопанье крышки кипящего чайника.

Но туда он посмотрел не сразу.

Ящик, куда попадали с улицы письма и бан-

дероли, находился на той же стороне, где и прилавок с тканями. И его маленькая деревянная дверка была сейчас широко распахнута. Письма опускали в щель со стороны улицы, и они падали в ящик внутри, однако в данный момент в ящике их лежало всего несколько штук.

Зато пол с этой стороны был усеян затоптанными конвертами всех размеров, как будто их выдуло из ящика порывом ураганного ветра. Свернутый в плотный рулон журнал в упаковке до сих пор катился по неровному полу, и синяя марка все переворачивалась и переворачивалась, пока он не стукнулся о прилавок на противоположной стороне.

А за прилавком с тканями, пошатываясь, стояла сама мисс Лора Фезерс.

Ее темные глаза, остекленевшие и невидящие, все равно горели дикими электрическими огоньками. Она выглядела невероятно уродливой, невероятно жалкой со своими седыми волосами, затянутыми в пучок над искаженным лицом, и в бесформенном темном платье. В нее стреляли с близкого расстояния, и она крепко прижимала пальцы правой руки, окровавленные пальцы, к груди слева. Должно быть, она смутно осознала появление нового человека. Потому что левой

рукой, кажется, с зажатым в ней клочком бумаги она непрерывно махала, исступленно указывая на дверь в глубине.

Еще мгновение она указывала туда, хватая ртом воздух и тряся рукой, силясь заговорить, прежде чем повалилась мешком за прилавок.

И наступила тишина, если не считать свиста и хлопанья крышки кипящего чайника в дальней комнате.

Глава восемнадцатая

В своих снах еще долго после того Дик Маркхэм вспоминал ее глаза, сосредоточенные на нем. В них читался страстный надрыв, болезненное осознание своей участи, мольба, к какой мисс Фезерс не прибегала никогда в жизни. Но теперь она была мертва.

Дик видел, как она лежит за прилавком с широко открытыми глазами. Она упала на кучу рассыпавшихся писем, левая рука так и указывала перед собой. Однако пальцы немного расслабились, прежде чем окоченеть в давящей хватке смерти. Клочок бумаги, который она сжимала в кулаке, немного запачканный кровью по краям, лежал под рукой.

Дик машинально поднял его, когда тело мисс Фезерс встрепенулось, словно выловленная рыбина, после чего затихло. Он не смог бы объяснить, зачем поднял бумажку. И все же что-то бессознательно привлекло к ней его внимание.

Клочок бумаги оказался узким фрагментом верхушки конверта, оторванной вдоль, но без марки. Внутри застрял совсем уж маленький

кусочек листка почтовой бумаги, лежавший внутри исчезнувшего конверта. Напечатанные на машинке слова, несколько слов, оставшиеся от письма, бросились ему в глаза. Обрывок гласил:

«…зачем валять дурака? Если хотите знать, как Лесли Грант сделала это…»

И ничего больше. И на обратной стороне ничего. Но Дик уставился на эти слова так, словно они разрастались у него на глазах.

Потому что они были отпечатаны на его собственной машинке.

Никакой ошибки: это извилистое «у», с которым у него всегда было столько проблем, или это зачерненное «л», которое никогда не получалось четким. Дик жил за пишущими машинками, бок о бок с ними, ради них, он узнал бы родной «ундервуд» где угодно. Несколько секунд он стоял, таращась на этот чудовищный обрывок, прежде чем что-то еще заставило его вскинуть голову.

Где-то в жилой части, в глубине, осторожные шаги перешли на бег.

До него лишь потом дошло, насколько близок он был к тому, чтобы получить револьверную пулю в собственное сердце. Просто он действовал машинально, не задумываясь о последствиях. Все еще крепко сжимая обрывок письма и конверта,

он перепрыгнул через прилавок и кинулся к задней двери.

Перед ним оказались три отдельных комнатки, расположенные одна за другой. В первой, кухне-гостиной с засаленными обоями, стол был накрыт для ужина, и чайник громыхал, исходя облаком пара. Комната была пуста. Дальше еще одна дверь вела в спальню, и когда Дик ворвался туда, он увидел, как резко захлопнулась дверь буфетной в противоположной стене.

Он шел по следам убийцы, никаких сомнений. В спальне было темно. Кто-то по другую сторону двери буфетной лихорадочно нашаривал ключ, чтобы повернуть его, лихорадочно пытался запереть дверь от Дика.

А ключ никак не поворачивался.

Дик, рвавшийся к этой двери, растянулся во весь рост, зацепившись за сушилку с бельем, поставленную прямо у него на пути. Он грохнулся так, что ладони закололо иголками и мозги сотряслись, словно его ударили по голове. Однако он снова вскочил на ноги, как каучуковая кошка, пинком отбросив от себя загромыхавшую сушилку.

Буфетная тоже оказалась пуста.

Пропахшая затхлой водой и мыльной пеной,

она была не такой темной, как спальня. Задняя дверь, забранная стеклом, до сих пор подрагивала у стены, о которую ударилась, когда кто-то всего несколькими секундами раньше широко распахнул ее, выбегая.

Сбежал?

Нет! Но…

Серый свет очерчивал черные прямоугольники окон буфетной. Дик выскочил из задней двери в сладко благоухающие сумерки, шуршавшие листвой каштанов, и сразу же понял, содрогнувшись, куда он попал.

Пробежав все узкое строение почты насквозь, он вернулся футов на пятьдесят назад по Хай-стрит. За доходившей до пояса каменной стеной, разграничивавшей участки, он видел впереди боковую и часть задней стены дома Лесли Грант.

Бегущая тень убийцы, — тень, размытая почти до потери очертаний, неслась по лужайке. Она растаяла, слившись с контурами дерева, замешкалась и плавно сдвинулась к задней двери дома Лесли. Из кухонного окна не падало света, темным оставался и фасад. Дик едва различил, как открылась и снова закрылась задняя дверь, совершенно беззвучно, когда чья-то фигура растворилась внутри.

Внутри дома Лесли. Это означает…

Стоп!

Тяжело дыша, Дик перелез через низкую стену на участок вокруг дома. Когда глаза привыкли к сумраку, оказалось, в нем движутся и другие фигуры. Несколько мгновений он вслушивался в неровный, дребезжащий звук, стрекот газонокосилки, которая катится по траве.

Теперь он узнал косильщика. Это был Макинтайр, садовник Лесли, чья высокая сухопарая фигура как раз появилась рядом с задней дверью. Поглядев налево, в сторону фасада, Дик увидел, как неохватная, безошибочно узнаваемая фигура доктора Гидеона Фелла в пелерине и пасторской шляпе приближается по дорожке к передней двери.

Доктор Фелл с Хэдли все это время шли за ним следом. Должно быть, они тоже слышали выстрел.

Но вовсе не это стало причиной воодушевления, волной нахлынувшего на Дика, когда его разум снова заработал. Он держал в руке обрывки письма и конверта. Его мозг вдруг сложил вместе несколько разрозненных фактов. И он выдохнул от радости и облегчения после того, что ему пришлось себе сказать. Убийство Лоры Фезерс стало

окончательным, самым убедительным доказательством невиновности Лесли Грант.

Он сможет доказать.

Однако это грозит новыми опасностями. Настоящий убийца, выскочивший из задней двери почтового отделения, неожиданно оказался окруженным с трех сторон. С одной стороны приближался Макинтайр, доктор Фелл двигался с другой, а Дик — с третьей. Убийца нашел себе убежище в доме Лесли. Поскольку Лесли там одна и при ней только миссис Рэкли…

Эта мысль выводила из равновесия. Дик со всех ног побежал через лужайку к задней двери дома.

— Встаньте перед этой дверью! — крикнул он ошеломленному Макинтайру. — Никого не выпускайте! Вы меня поняли?

— Да, сэр. Только…

Он не остановился, чтобы ответить на немой изумленный вопрос Макинтайра. Открыв заднюю дверь, он вошел в темную кухню с ароматами готового ужина, увидел полоску света, протянувшуюся под дверью, открывавшейся в обе стороны, за которой была уже столовая, и торопливо двинулся дальше.

Лесли в светло-зеленом вечернем платье, присборенном на плечах, спешно поднялась

из-за стола. Свет люстры сиял на полированной поверхности столешницы красного дерева, заливал круглые кружевные салфетки, блестел на столовых приборах и фарфоровых тарелках, на которые так и не положили еды, на серебряных подсвечниках с высокими белыми свечами, которые так и не зажгли.

Сама Лесли, невольно вздрогнувшая и не сумевшая это скрыть, стояла, опустив руки. Он видел гладко причесанные каштановые волосы, нежный абрис подбородка и шеи, но вот карие глаза она неожиданно отвела в сторону.

— Твой ужин там, — сказала она, кивнув в сторону кухни и все еще не глядя на него. — Он остыл. Я… я отпустила миссис Рэкли. По трезвому размышлению тебе стала невыносима мысль ужинать с дочерью Лили Джуэл?

Но, несмотря на все ужасные подозрения, которые, как он догадывался, терзают ее, она не могла не заметить выражение его лица.

— Лесли, — спросил он, — кто только что вошел в дом?

Ее рука стиснула спинку стула. Она еще раз на мгновение отвернулась, словно стараясь стряхнуть с себя гнев и смятение, готовое пролиться слезами, прежде чем снова взглянуть на него с

недоумением:

— Ко мне в дом? Никто!

— Через заднюю дверь. Не более полминуты назад.

— Никто не входил, кроме тебя. Я все время сидела здесь! Я бы заметила!

— Есть еще твоя комната для завтрака, — продолжал Дик. — Он, или она, — в его воображении на мгновение промелькнуло лицо Синтии Дрю, — или кто бы это ни был, мог проскользнуть из нее в прихожую так, что ты не заметила бы.

— Дик, что все это значит?

Ему не хотелось ее пугать, однако сказать было необходимо.

— Послушай, милая. Убита Лора Фезерс. Кто-то вошел в почтовое отделение и застрелил ее всего несколько минут назад. — Он видел, как тонкие пальцы Лесли еще сильнее сжали спинку стула, она покачнулась и откинула голову, услышав о последнем происшествии. — Более того, убийца тот же человек, который отравил Сэма де Виллу. И, я боюсь, он сейчас у тебя в доме.

От пронзительной трели дверного звонка, зуммер которого был выведен как раз в эту комнату, оба подскочили, словно от погремушки гремучей змеи.

Лесли поглядела на него большими глазами.

— Все в порядке! — заверил Дик. — Это доктор Фелл. Он как раз подходил к передней двери, я его видел. Ты говоришь, миссис Рэкли в доме нет?

— Нет. Я отослала ее, поскольку…

— В таком случае идем со мной, — сказал Дик, крепко беря ее за запястье. — Вероятно, никакой опасности тут нет, но я хочу видеть тебя, пока буду открывать дверь.

Голос у него в голове сказал: «Да ты лгунишка, мальчик мой». Тут еще какая опасность, когда человек, который ненавидит Лесли Грант, как дьявол ненавидит святую воду, загнан в угол с заряженным оружием в руках прямо у нее в доме. Каждый уголок знакомого дома, каждая занавеска и лестничная площадка заражены и отравлены опасностью. Дик еще крепче взял Лесли за запястье, несмотря на то что она силилась высвободиться.

— На самом деле я бы предпочла, чтобы ты не трогал меня, — задыхаясь, проговорила Лесли. — Когда вы с Синтией…

— Да забудь уже о Синтии!

— Почему же?

Едва не волоча ее за собой в прихожую, Дик открыл дверь и увидел, как он и надеялся, вселя-

ющую уверенность необъятную фигуру доктора Фелла.

— Лора Фезерс… — начал Дик.

— Знаю, — сказал доктор Фелл. Его жилет вздымался и опадал под сиплые вдохи, голос звучал вполсилы. — Мы услышали выстрел и увидели, как вы побежали. Хэдли сейчас там. Могу я спросить, сэр, что за проклятое осиное гнездо вы разворошили на этот раз?

— Вот, — сказал Дик, — самое подходящее слово. Первым делом — я могу доказать, что Лесли никак не причастна к этому дурацкому делу. Второе, мне нет нужды это доказывать, поскольку, если вы позовете сейчас любого полицейского, какой окажется поблизости, мы сможем схватить убийцу прямо в этом доме.

Он в двух словах обрисовал ситуацию. На доктора Фелла его рассказ произвел странное действие. Похожий на Гаргантюа доктор неподвижно застыл на пороге — пасторская шляпа на голове, руки скрещены на рукояти трости — и шумно задышал. Его взгляд при этом был прикован к двум крохотным обрывкам бумаги, которые протягивал ему Дик.

Столь флегматичная реакция, когда Дик Маркхэм чуть ли не в любое мгновение ждал выстрела

со стороны лестницы, привела последнего в неистовство.

— Разве вы не понимаете, сэр? — терпеливо повторил он со сдерживаемым бешенством. — Прямо в доме!

— О да, — отозвался доктор Фелл. Его взгляд прошелся по прихожей. — Прямо в доме. Сможет он выйти через заднюю дверь?

— Надеюсь, что нет. Во всяком случае, там караулит Джо Макинтайр, садовник.

— И через переднюю дверь он тоже не выйдет, — произнес доктор Фелл, разворачиваясь всем телом, чтобы изучить прихожую позади себя, — поскольку там Берт Миллер и еще один человек, только что прибывший из департамента Скотленд-Ярда. Гм, да. Прошу на минутку меня извинить.

Он уковылял в сумерки, и они увидели, как он совещается там с двумя тенями на дорожке. Одна из теней скользнула в сторонку и за дом, другая осталась на месте, а доктор Фелл вернулся.

— Послушайте, сэр! — запротестовал Дик. — Разве мы не будем обыскивать дом?

— В данный момент, — ответил доктор Фелл, — нет. С вашего позволения, я бы предпочел пока войти и немного поговорить.

— Тогда, бога ради, позвольте мне хотя бы увести отсюда Лесли, пока…

— Уверяю вас, будет лучше, если мисс Грант останется.

— Хотя в доме убийца?

— Хотя, — серьезно отозвался доктор Фелл, — в доме убийца.

И он шагнул в прихожую, снимая на ходу свою пасторскую шляпу и сунув трость под мышку.

Его внимание привлекла ярко освещенная столовая. Широким жестом предложив Лесли и Дику идти вперед, он проследовал в столовую за ними. Поморгал, осматриваясь с рассеянным интересом. Пробормотал какое-то извинение, ссылаясь на жару. Довольно неуклюже сделав на этом акцент — в комнате было просто тепло, — доктор Фелл раздвинул плотные шторы на открытых окнах.

Под этими окнами, выходившими на улицу, стоял тяжелый сундук из флорентийского дуба. Доктор Фелл уселся на него, снова сложив руки на рукояти своей трости.

— Сэр, — начал он, — эти два обрывка бумаги, как вы весьма верно подметили, надо отдать Хэдли. Однако я понял из ваших речей, вы считаете, что разгадали смысл случившегося на почте?

Короче говоря, поняли причину убийства?

— Да. Мне кажется, я догадался.

— Очень хорошо, — одобрил доктор Фелл. — Может быть, расскажете мне, что́ вы поняли?

— Погодите, доктор! В такой момент…

— Да, черт побери! — отрезал доктор Фелл. — Именно в такой момент.

Лесли, хотя и явно не поняла ни единого слова, вся дрожала. Дик обнял ее за плечи. Весь дом, казалось, полнился таинственными скрипами и шорохами, как будто готовился к чему-то, а из прихожей доносилось размеренное тиканье.

— Как пожелаете, — согласился Дик. — Когда я повстречал сегодня утром суперинтенданта Хэдли в Эш-холле, я увидел его уже не в первый раз.

— Ага! И что же?

— Первый раз я увидел его, когда стоял у окна в спальне Лесли наверху, — Дик указал на потолок, — и наблюдал, как он переходит дорогу, направляясь к почтовому отделению.

— Продолжайте, — попросил доктор Фелл.

— Затем, — продолжил Дик, — мы устроили то совещание в кабинете лорда Эша. Вы объяснили, что вся эта история с убийством была попыткой свалить вину на Лесли…

Доктор Фелл перебил:

— Один момент. Я, как вы помните, предлагал всем поделиться предположениями, что еще это могло быть. Впрочем, продолжайте.

— Вы сказали, что настоящий убийца загадал нам загадку. И теперь он непременно подскажет разгадку, разгадку запертой комнаты, иначе полиция не сможет обвинить Лесли. Вы предполагали, что с вами теперь «обязательно свяжутся».

— Верно.

— Когда вы сказали об этом, — продолжал Дик, — суперинтендант Хэдли вдруг поднял голову и произнес: «Вы поэтому просили меня, некоторое время назад...» Но вы очень быстро его прервали. Вы высказали предположение, что это может быть телефонный звонок.

Только Хэдли ни на секунду не поверил в этот «телефонный звонок». Он упоминал об этом позже, в доме покойника. Он подчеркнул, что подобное было бы слишком рискованно, и прибавил: «А вот другая ваша идея, я признаю...» На чем вы снова его прервали. Вскоре после того опять упоминалась эта ваша другая идея, и на этот раз стала очевидна ее прямая связь с почтовым отделением.

Я самодовольный дурак с опилками в голове, — с горечью подытожил Дик, — раз так долго не

мог догадаться. Разумеется, это старинный трюк с анонимкой.

Лесли смотрела на него, сбитая с толку.

— Трюк с анонимкой? — повторила она.

— Да. Если настоящий убийца хочет вступить в контакт с полицией, тогда самым очевидным и безопасным выходом будет написать письмо. А в нашем почтовом отделении, как ты помнишь, нет автомата по продаже марок.

— Подожди минутку! — воскликнула Лесли. — Мне кажется, я в самом деле начинаю…

— Любой, кому нужны марки, должен купить их у Лоры за прилавком. Доктор Фелл, — сказал Дик, — был уверен сегодня утром, что некто или, возможно, даже небольшая группа лиц выйдет на связь, чтобы объяснить, как именно ты совершила убийство.

— Ты хочешь сказать…

— И поэтому он попросил Хэдли сделать то, что полиция часто делает в ожидании анонимных писем. По договоренности с начальником почтового отделения, каждая марка, проданная подозреваемому или подозреваемым, отмечается особым значком. Затем, когда анонимное письмо приходит, у полиции имеется неопровержимое доказательство, кто именно его написал. Легко

ли Лора Фезерс согласилась помочь с подобным трюком? Да она, должно быть, пришла в восторг! Доктор Фелл использовал именно этот прием, чтобы загнать в ловушку убийцу. И все почти получилось. Настоящий убийца действительно написал письмо, как и ожидалось. Вот у меня в руке доказательство. Настоящий убийца проскользнул ко мне в дом и отпечатал эту чертову писульку на моей собственной машинке…

Лесли отстранилась от него. Похоже, она не могла поверить своим ушам, и она вырвала у него руку, словно стараясь оттолкнуть от себя что-то.

— На твоей машинке? — воскликнула она.

— Да. Но это, боюсь, никак не поможет. Меня же почти весь день не было дома. Да и в любом случае здесь у нас половина соседей входит и выходит, не удосужившись хотя бы постучать. Синтия Дрю, майор Прайс…

— И я тоже, — улыбнулась Лесли.

— Я не шучу! — отрывисто произнес Дик. — Убийца отпечатал это письмо, выставляя Лесли известной отравительницей и, вероятно, объясняя, как именно был убит де Вилла. Убийца отправил письмо. После чего он, или она, каким-то образом догадался, что это ловушка. Он, или она, попытался вернуть письмо, он дождался,

пока Лора Фезерс вынет все письма из ящика, и под каким-то предлогом попросил отдать свое. Однако Лора была стреляный воробей, она обо всем догадалась и дала понять убийце, что догадалась. И вот тогда…

Дик жестом показал, будто нажимает на спусковой крючок. Он обернулся к доктору Феллу:

— Так это правда, сэр, или нет?

Лицо доктора Фелла было очень серьезно.

Поморгав, он снял пенсне, задумчиво уставился на него, помассировал глубокую красную борозду, оставшуюся на переносице, после чего нацепил обратно.

— О да, — признал он. — Это вполне себе правда.

Напряжение покинуло мышцы Дика, легкие расслабились в долгом облегченном выдохе.

— Значит, такую игру вы затеяли с почтой, сэр?

— Да. — Доктор Фелл нахмурился. — Разумеется, это был выстрел наудачу.

— Как же так?

— Да черт побери! — жалобно воскликнул доктор Фелл. — Этот трюк проходит довольно легко с анонимным автором, который пишет несколько писем, после чего покупает, соответственно,

несколько марок. Но, допустим, у вашего объекта завалялась случайная марка в кармане или дома и ему нет необходимости покупать? Но все равно попробовать стоило. И все получилось. Архонты Афин, — странное отчаянное выражение исказило его лицо, — архонты Афин, еще как получилось!

— Не вполне понимаю, сэр.

— Как-то слишком скоро, вам так не кажется? Почти что, — доктор Фелл щелкнул пальцами, — вот так. Но все равно я согласен, что все получилось. И стоило человеку жизни.

— Но тут ведь вы ничем не могли помочь.

— Не знаю, — произнес доктор Фелл.

— Как бы то ни было, ваша игра принесла результат, и эти два клочка бумаги, да и события этого вечера в целом, служат убедительным тому доказательством. Надеюсь, вы хотя бы с этим согласны?

— С чем?

— С изначальной теорией! Вы сказали, это может произойти, и вот оно произошло! Вы сказали, Лесли могут обвинить, анонимно связавшись с вами, и ее обвинили! Вы сказали, настоящий убийца будет действовать так, и он действовал так! Чего еще нам желать? По моему мнению, это

доказывает, что убийство Сэма де Виллы было намеренной попыткой свалить вину на Лесли Грант! Разве вы не согласны?

Доктор Фелл хлопал глазами, уставившись в пол. Руки, сложенные на набалдашнике трости, словно помогали не распасться всему громадному туловищу. Затем он поднял голову.

— Э-э, нет, — с неохотой отозвался он. — Не могу сказать, что я согласен.

Глава девятнадцатая

— Как же так?

— Я не согласен, — мягко пояснил доктор Фелл, — что объяснение, которое вы только что предложили нам, единственно возможное.

— Но ведь ваша собственная теория…

— Я прошу прощения, — весьма резко заговорил доктор Фелл. — Если вы подумаете и вспомните, подозреваю, вы согласитесь, что это вовсе не моя теория.

— Но вы же ясно сказали…

— Я сказал, — доктор Фелл возвысил свой и без того зычный голос, — я сказал, мы должны принять во внимание доказательства. Я сказал, что если мы рассмотрим доказательства, то придем к тем самым выводам, к которым должны прийти. Я предложил Хэдли вывести какое-нибудь другое заключение из имеющихся у нас фактов.

— И что же? В чем разница? Это ведь то же самое, разве не так?

— Но я сказал еще, если вы помните, — вежливо заметил доктор Фелл, — что потребуется сделать усилие, чтобы поверить.

Вся эта странная, неестественная ситуация начала уже действовать Дику Маркхэму на нервы.

— Да что все это значит? — возмутился он. — К чему вы нас подводите?

— Я спрашивала его, — сказала Лесли, — я спрашивала его о том же самом сегодня утром!

— Лора Фезерс застрелена, — сказал Дик. — Вы звоните в дверь. Я говорю вам, что в доме убийца — я говорю вам, что видел, как убийца забежал сюда, — и жду по меньшей мере, что вы захотите что-нибудь предпринять. Вместо того вы предлагаете посидеть и немного поболтать. Можно мне повторить, что в доме находится убийца?

— В самом деле? — уточнил доктор Фелл.

И тут Дик заметил кое-что, отчего волосы у него встали дыбом. Доктор Фелл, пусть в свойственной ему тяжеловесной манере, был взвинчен, напряжен и готов к прыжку не меньше его самого. Дика охватило тревожное ощущение, будто что-то шевельнулось, что-то притаилось в засаде, что теперь уже в любой момент все дело может в очередной раз перевернуться с ног на голову, только на этот раз с ужасающим грохотом.

— Возможно, я рискую нарваться на вполне заслуженные колотушки, — голос доктора Фелла как будто доносился откуда-то издалека, — но

все же мне хочется еще немного испытать ваше терпение.

— Зачем вы это делаете?

— Затем, что кое-чего жду.

— Чего же вы ждете?

Доктор Фелл пропустил этот вопрос мимо ушей.

— Только что, — продолжал он, — вы сделали некое точное и верное умозаключение по поводу почтовой ловушки, связав ее с ужасными последствиями. Не припасено ли у вас каких-нибудь еще умозаключений?

У Дика пересохло в горле.

— Думаю, я понял, как можно включить свет в комнате, когда комната заперта изнутри. — Он пересказал случай в собственном доме. — Это тоже верно, доктор?

— О да, — подтвердил доктор Фелл и заморгал, глядя на него с явным интересом. — Снова в точку. Но продолжайте же! — Он постучал в пол металлическим наконечником своей трости. — Если вы зашли уже так далеко, разве нельзя продвинуться еще чуточку вперед и увидеть правду — полную правду — об убийстве Сэма де Виллы?

— Нет!

— Почему бы нет?

— Потому что комната все равно остается запертой изнутри, кто бы ни кинул шиллинг в щель электрического счетчика за ее пределами!

— Это, конечно, так. И все же… — Доктор Фелл сделался каким-то рассеянным. Он надул щеки и выдохнул. — А что, — спросил он быстро, — вы думаете о ссоре, случившейся вчера между мистером Эрншоу и майором Прайсом?

— Разве это имеет отношение к делу, сэр?

— В качестве доказательства — нет. Как интересная наводка — да. Думаю, имеет.

Дик покачал головой:

— Я слышал, что Билл с майором Прайсом поссорились в тире из-за какого-то розыгрыша, устроенного майором. Но я так и не выяснил, в чем там была суть.

— Я выяснил, — сообщил доктор Фелл. — У лорда Эша. Я услышал много интересного от лорда Эша. Мистер Эрншоу, я полагаю, весьма гордится своей меткостью?

— Да, так и есть.

— Он вчера в начале дня пришел в тир, чтобы продемонстрировать свое мастерство перед миссис Эрншоу и еще несколькими дамами. — Доктор Фелл почесал нос. — Майор Прайс с

самым серьезным видом протянул ему винтовку, заряженную холостыми патронами. Мистер Эрншоу шесть раз выстрелил в мишень, но так и не увидел на ней следов от выстрела.

Доктор Фелл продолжал, рассматривая пол:

— Майор Прайс сказал: «Не повезло, дружище, сегодня вы не в форме». Это было за несколько минут до того, как до мистера Эрншоу дошла суть шутки. И шутка ему совсем не понравилась. После чего, как вы помните, мистер Эрншоу обвинил майора Прайса в том, что это он украл его винтовку «Винчестер–61» из тира, тогда как майор намекал, что вором должен быть мистер Эрншоу. Разве вы не улавливаете во всем этом нечто весьма многообещающее?

— Нет. Не могу так сказать. Розыгрыши подобного рода часто устраивает майор Прайс.

— Ну и? — воскликнул доктор Фелл.

— Но раз уж вы заговорили о Билле Эрншоу, мне кажется, он высказал самое разумное до сих пор замечание касательно запертой комнаты. Я пытался сказать вам сегодня утром, однако вы как будто не обратили никакого внимания.

— Простите мою дырявую голову, — извинился доктор Фелл. — Что же это было за замечание?

Дик потряс кулаками в воздухе.

— Кто выстрелил из этой проклятой винтовки в Сэма де Виллу примерно в тот самый момент, когда Сэм был отравлен? — вопросил он. — Билл предположил — и я с ним согласен, — что, не считая самого убийцы, этот человек, выстреливший из винтовки, является самым важным персонажем в этом деле. Разве вы не согласны?

— В некотором смысле. Да.

— Стрелок, — настойчиво продолжал Дик, — видел всю комнату. Все, что происходило в гостиной, было у него как на ладони. Отлично! Но вы даже не попытались выяснить, кто это был, не задали о нем ни единого вопроса, вы как будто вообще им не заинтересовались!

Доктор Фелл вскинул руку, призывая к тишине.

— Вот здесь, — подчеркнул он с удовлетворением, — мы и приходим к самому трудному вопросу во всем деле. Здесь мы попадаем в точку, где, фигурально выражаясь, гаснет свет. Тут у нас место, где облако умопомрачения (умоляю, простите, если мои слова напоминают вам передовицу «Таймс»), облако умопомрачения застилает пеленой глаза всех детективов, заставляя их петлять в неверном направлении.

Он указал на Дика своей тростью.

— Вы говорите мне: «Это же верх небрежности. Почему вы не пытаетесь отыскать этого стрелка с винтовкой, как ищете убийцу?» Прекрасно! Да! Однако я могу ответить, положа руку на сердце, что это будет пустой тратой времени.

Дик вытаращил глаза.

— Пустой тратой времени? Почему же?

— Потому что стрелок с винтовкой и отравитель, убивший де Виллу синильной кислотой, это один и тот же человек.

И снова прямо над ними раздалась пронзительная трель дверного звонка. Голова Дика шла кругом. В словах доктора Фелла вроде бы буквально не было смысла. Перед ним возникло безумное видение — явившееся из дешевых триллеров, где возможно все, — как убийца выстреливает в Сэма де Виллу какой-то фантастической пулей со шприцем с синильной кислотой, который вонзается в руку жертвы.

Дверной звонок снова зашелся трелью. Лесли заторопилась открыть, и хотя Дик схватил ее за руку, чтобы удержать, она вырвалась. Боковым зрением он увидел, когда Лесли открыла дверь, что пришел всего-навсего суперинтендант Хэдли, и смог ослабить бдительность. Потому что в данный момент он был слепо одержим, сосредоточен

на докторе Фелле, силясь нащупать объяснение, которое, как он чувствовал, ускользает от него все это время.

— Давайте все уже проясним! — взмолился Дик. — Вы говорите, что убийца…

Доктор Фелл заговорил, с трудом сохраняя терпение:

— Убийца прикончил Сэма де Виллу, шприцем введя ему в руку синильную кислоту.

— В гостиной?

— Да. В гостиной.

— А потом?

— Потом убийца выбрался из гостиной…

— Вышел из комнаты, оставив ее запертой изнутри?

— Да. Оставив комнату запертой изнутри.

— Но как?

— До этого мы еще дойдем, — невозмутимо произнес доктор Фелл. — Я прошу вас просто проследить за действиями этого изворотливого типа. Убийца сделал инъекцию синильной кислоты, отчего де Вилла почти моментально лишился сознания, но жизнь теплилась в нем еще минуты две. После чего убийца вышел из комнаты…

(Окна заперты. Дверь на замке и засове.)

— …И позвонил вам по телефону из прихожей,

требуя, чтобы вы пришли. Убийца дождался, пока вы выйдете из дома, и бросил шиллинг в электрический счетчик — это действие включило свет в гостиной. Имея теперь перед собой хорошо освещенную цель, убийца пробежал по переулку, спрятался за стеной и выстрелил в сторону окна из украденного «Винчестера–61».

— В покойника?

— В покойника или умирающего, да.

— Хотя комната уже была заперта изнутри?

— Да.

— Но зачем?

— Затем, что иначе весь план так бы и не сложился, — ответил доктор Фелл.

— Эй! — взревел сердитый голос, который уже несколько секунд силился привлечь их внимание. Дик только теперь это осознал.

В столовую вошел суперинтендант Хэдли. Они услышали, как он бросил через плечо: «Останьтесь здесь», прежде чем закрыть за собой дверь. Его лицо под котелком было жестким и угрюмым, даже с налетом бледности, что еще сильнее напугало Дика. Хэдли сцепил крупные руки и хрустнул пальцами.

— Фелл, — проговорил он сипло, — вы спятили?

Доктор Фелл, приковавший к себе взгляд Дика Маркхэма, гипнотизировавший его не хуже, чем фальшивый сэр Харви Гилмэн накануне вечером, ничего не ответил.

— Я ждал, — продолжал Хэдли, — что вы придете в дом, где была убита женщина. Я отправился сюда, чтобы выяснить, что, черт побери, с вами приключилось. И очень хорошо, что отправился. — Лицо Хэдли было не просто бледным, а со зловещим сероватым оттенком. — Потому что обнаружил здесь…

— Не сейчас, Хэдли, — сказал доктор Фелл, быстро поворачивая к нему голову. — Ради всего святого, не сейчас!

— Что значит «не сейчас»? Миллер мне докладывает…

Доктор Фелл поднялся на ноги, жестикулируя, как человек, который страстно умоляет о тишине и спокойствии. Он, похоже, старался игнорировать Хэдли, отмахнуться от суперинтенданта, сделать вид, что того вовсе не существует. И все равно обращался при этом к Дику Маркхэму.

— Когда я только пришел сюда, — сказал он, — я заметил вслух… э-э… что здесь чересчур тепло. Гм. Да. Так и было. Я раздвинул шторы. Только, боюсь, жара была не главной причиной, почему

я раздвинул шторы на окнах, которые, как вы видите, открыты. Прошу вас, присмотритесь к окнам!

Однако, пока зычный голос все быстрее выговаривал слова, у Дика возникло странное убеждение, что доктор Фелл не испытывает к окнам ни малейшего интереса. Он говорил, повернувшись к ним, говорил через них, отчего голос уносился наружу, как, по-видимому, и все затронутые в разговоре темы.

— Вы присматриваетесь, — настаивал он, — к окнам?

— Послушайте меня! — взревел Хэдли.

— А что там с окнами? — спросил Дик Маркхэм.

Все три реплики, кажется, наложились друг на друга.

— Это, как вы видите, обычные окна с переплетом. Точно такие, как у вас, у Хэдли, может быть, и у меня дома. Нижняя рама поднята. Но я опускаю ее… вот так.

Окно захлопнулось с мягким стуком.

— Когда окно не заперто, как сейчас, можно заметить, что оконная задвижка лежит плоско: параллельно оконному стеклу и раме и при этом развернута вправо. Но, предположим, мальчик

мой, я хочу запереть окно?

Как раз в этот момент Дик в первый раз заметил, что Лесли Грант в комнате нет.

Она так и не вернулась, не пришла обратно вместе с Хэдли. А суперинтендант со своим угрюмым, жестким лицом с посеревшей кожей стоял, словно человек, готовый выйти на поединок с самим дьяволом. Внезапное подозрение, которое, как он думал, успешно в себе поборол, затопило сознание Дика…

— Доктор Фелл, — спросил он, — где Лесли?

Доктор Фелл сделал вид, что не услышал. Возможно, действительно не услышал.

— Предположим, мальчик мой, я хочу запереть окно? Я берусь за головку этой металлической задвижки. Я тяну ее на себя и перекладываю влево. Вот так! Задвижка поворачивается в гнезде, теперь она торчит, развернутая на меня, под прямым углом к оконной раме, и окно заперто.

— Доктор Фелл, где Лесли?

— Вы обратили внимание, мальчик мой, что защелка развернута прямо на меня? И таким образом…

Он умолк, избавленный от необходимости продолжать. Последний раз в этом деле, зато оглушительно отчетливый, прогремел выстрел,

от которого содрогнулся весь дом.

Доктор Фелл, чье красное круглое лицо как-то особенно страшно отражалось в черном блестящем стекле, даже не повернулся. Все трое замерли на несколько секунд, словно парализованные. Затем Дик медленно перевел взгляд на потолок.

Он знал, откуда донесся выстрел. Он прозвучал в спальне Лесли, прямо над головой.

— Вы чертов идиот! — взревел Хэдли. Он уставился на доктора Фелла, и в его глазах отразилось больше чем подозрение. — Вы намеренно это допустили!

Голос доктора Фелла прозвучал приглушенно, отражаясь от оконного стекла:

— Я допустил это. Помоги мне Бог, да.

— Самоубийство?

— Подозреваю, что так. Вы же понимаете, другого выхода не было.

— Нет! — закричал Дик Маркхэм. — Нет!

Он сам не знал, сможет ли двигаться, потому что ноги сделались ватными, и еще он не доверял собственным глазам. Образ Лесли, карих глаз Лесли, мысль о Лесли, о том, как сильно он ее любил и будет любить, пока — снова колоколом прогудела железная фраза, — пока смерть не разлучит их; все это обрушилось на него, доводя

до исступления и кружа в водовороте, который никак не отпускал.

А потом он понял, что бежит к выходу.

Хэдли тоже бежал — они столкнулись в дверном проеме, когда Хэдли распахнул дверь; однако все происходило словно в бесконечной пустоте, и Дик даже не слышал, что говорит ему суперинтендант.

В прихожей горел яркий свет. Берт Миллер, двигавшийся стремительно для такого неуклюжего человека, уже поднимался по лестнице в глубине дома. Шагов Берта по ковру на ступенях не было слышно, или же это Дик Маркхэм лишился способности слышать.

Все так же, словно во сне, среди расплывающихся красок и света, он помчался вслед за Хэдли наверх. Там они увидели, как Берт Миллер с разинутым ртом стоит перед закрытой дверью спальни Лесли. Миллер с Хэдли заговорили вполголоса:

— Дверь заперта, сэр.

— Ну так ломайте ее!

— Даже не знаю, сэр, имеем ли мы право…

— Ломайте, говорю вам!

Дверь была тонкая. Миллер шагнул назад, разворачивая широкие плечи. Затем он оглядел

дверь, и его осенила идея получше. Он встал в позу футболиста, готового ударить по мячу, и Дик Маркхэм отвернулся. Когда подметка башмака Миллера одиннадцатого размера[7] врезалась в дверь пониже ручки, Дик даже не услышал.

Потому что по лестнице ковылял доктор Фелл, медленно и тяжело, сипло дыша и перенося весь свой вес на трость с загнутой рукоятью. А перед ним по ступенькам легко взбегала Лесли Грант.

Лесли резко остановилась, опустив руку на столбик перил на верхней площадке. Глаза ее широко распахнулись.

— Дик! — воскликнула она. — Да что с тобой такое?

Хрясь! — подметка Миллерова башмака второй раз врезалась в дверь.

— Что с тобой случилось, Дик? Почему ты на меня так смотришь?

Хрясь! — врезался в дверь башмак Миллера.

Доктор Фелл, с болезненным усилием поднявший себя на несколько последних ступеней и остановившийся, чтобы перевести дух, первым догадался, о чем мог подумать Дик. Невидящий взгляд доктора Фелла сфокусировался, когда он

---

[7] Notes: 7
Соответствует сорок пятому российскому размеру обуви.

перевел его с Лесли на Дика Маркхэма и обратно. Разинув рот под разбойничьими усами, он так резко откинулся назад, что у него прибавился еще один подбородок к уже имеющимся.

— Да черт побери, мальчик мой! — проговорил он в гаргантюанском потрясении. — Вы же не подумали… вам ведь не пришло в голову…

Хрясь! — в последний раз башмак Миллера врезался в дверь. Замок вывалился, тонкая дверь прогнулась, распахнулась и с такой силой качнулась обратно, что слетела с нижней петли.

Дик не ответил доктору Феллу. Он обнял Лесли и прижал ее так крепко, что она вскрикнула, задохнувшись.

Они услышали скрипучие шаги доктора Фелла, когда он медленно прошел по коридору и присоединился к Хэдли у разбитой двери. Хэдли, Миллер и доктор Фелл заглянули в спальню. Вившийся в свете лампы легкий пороховой дым проплыл мимо этих трех напряженно глядящих лиц. Доктор Фелл развернулся и со скрипом двинулся обратно.

— Полагаю, вам стоит подойти и взглянуть, — сказал он. — Лежит почти на том самом месте, где вы, должно быть, видели Синтию Дрю, когда она упала, лишившись чувств…

Дик вновь обрел голос:

— Синтия? Так, значит, это все-таки была Синтия?

— Господи помилуй, да нет же! — воскликнул доктор Фелл.

Выразив взглядом искреннее изумление, что подобная мысль вообще могла кому-то прийти в голову, доктор Фелл крепко взял Дика за плечо. Он подвел его к двери, откуда лился яркий свет, и Хэдли с Миллером расступились, давая дорогу.

Доктор Фелл подтолкнул Дика, заставив войти.

Спальня была в полном порядке, шторы на окнах раздвинуты навстречу летней ночи, все аккуратно прибрано, если не считать распростертого тела рядом с изножьем кровати; прибрано, если не считать автоматического пистолета 38-го калибра рядом с телом; прибрано, если не считать расползающегося пятна на груди человека, чьи легкие все еще слабо посвистывали, выпуская оставшийся воздух.

Голос доктора Фелла загромыхал в ухо Дика:

— Есть только один человек, который мог совершить оба убийства, — доктор Хью Миддлсворт.

Глава двадцатая

Все это случилось вечером в пятницу, 11 июня. В воскресенье днем 13-го небольшая компания, состоявшая из доктора Фелла, Хэдли, Лесли Грант и Дика Маркхэма, подъехала к небезызвестному зловещему коттеджу в полицейской машине. Хэдли строчил свой последний рапорт, требовалось проверить некоторые детали, и потому они услышали всю историю целиком.

Лесли и Дик дружно молчали, пока не вошли в гостиную. Лицо доктора Миддлсворта — изнуренное, терпеливое, с редеющими волосами надо лбом, интеллигентное, но уже застывшее после смерти — так и стояло у них перед глазами.

Когда они вошли в гостиную, где доктор Фелл занял диван, а Хэдли со своим блокнотом уселся в большое кресло за письменным столом, голоса прорезались у обоих.

— Доктор Миддлсворт! — воскликнул Дик. — Но как же он это сделал?

— Доктор Миддлсворт! — выдохнула Лесли. — Но почему он это сделал, пытаясь взвалить вину на меня?

Доктор Фелл с сосредоточенным видом раскурил сигару и резко помахал спичкой.

— Нет, нет и нет! — запротестовал он.

— Что вы имеете в виду?

— Главное, что мы должны осознать, — сказал доктор Фелл с тем же напором, — что не было ни малейшего намерения возлагать вину на мисс Грант. Это как раз то, во что мы должны были поверить; то, на что нас собирались купить. Нас подталкивали к выводу, что де Виллу убил тот, кто искренне поверил в «сэра Харви Гилмэна», кто счел его настоящим патологоанатомом из Министерства внутренних дел и был убежден, что Лесли Грант отравительница. Таким образом — вы же понимаете? — таким образом, единственным человеком, которого мы никак не могли заподозрить, был тот, кто с самого начала усомнился в «сэре Харви» и — это факт — притащил меня сюда, чтобы разоблачить мошенника! В этом и состоит совершенная гениальность всего преступления.

Сигара доктора Фелла тянулась не так, как ему нравилось. Он чиркнул еще одной спичкой и прикурил с еще большим старанием.

— Гм. Да. Итак. Давайте я расскажу обо всем, шаг за шагом, в точности как подсказывали мне

факты.

В совершенно неурочный час в пятницу утром интеллигентный, чем-то озабоченный мужчина с мягкими манерами спешно приехал в Гастингс на своей машине. Он выдернул меня из постели, представился доктором Хью Миддлсвортом, семейным врачом из Шести Ясеней. Он изложил события прошедшего вечера, сказав, что у него имеются причины подозревать в «сэре Харви» мошенника.

Знаком ли я с настоящим сэром Харви Гилмэном? Да, знаком. Правда ли, что сэр Харви такой маленький хрупкий человек лет пятидесяти с лишним, лысый? Нет, конечно же нет. Так-то вот.

«Что ж, — сказал мне Миддлсворт, — этот самозванец запугал моего друга по имени Дик Маркхэм чудовищным нагромождением *лжи* о его невесте. Не могли бы вы поехать вместе со мной в Шесть Ясеней — прямо сейчас — и вывести негодяя на чистую воду?»

Доктор Фелл состроил страшную гримасу.

— Естественно, я согласился. Ах вот как! Рыцарский дух во мне всколыхнулся. Я вскочил и с ревом помчался спасать даму, попавшую в беду, и молодого человека, охваченного ужасом.

В общем, мы прикатили на Хай-стрит в Шести Ясенях только для того, чтобы услышать от майора Прайса новость, что сэр Харви Гилмэн найден мертвым в точности при тех же обстоятельствах, как и в выдуманных им случаях.

Ничего себе, леди и джентльмены! И я повторю: ничего себе!

Миддлсворт, кажется, был ошарашен. И я тоже.

Здесь доктор Фелл с до крайности серьезным видом указал кончиком сигары на Дика и подался вперед со своего дивана.

— Прошу заметить, — сказал он, — что изначально гипотезу о том, что на мисс Грант хочет возложить вину кто-то, проглотивший выдумку «сэра Харви», выдвинул Миддлсворт. Дальше, в самом начале десятого, мы с ним поехали в коттедж, где встретились с вами и мистером Эрншоу. И я отчетливо помню, что это предположение исходило от Миддлсворта. А вы помните?

Дик кивнул:

— Да, помню.

— Я принял эту теорию, — сказал доктор Фелл, разводя руками. — Я сам согласился с ней. С первого взгляда это казалось единственным вероятным объяснением. Лишь одна мелочь

беспокоила меня, и я заговорил об этом вслух раньше, чем догадался, что благоразумнее было бы прикусить язык.

Итак, мистер Маркхэм, сказка «сэра Харви» о знаменитой отравительнице была сочинена специально для вас. Она явилась на свет ради вас. Она была нацелена исключительно на вас. Это была байка, рассчитанная на кого-то, кто окажется… окажется…

— Продолжайте, — горестно вставил Дик. — Скажите это. Простофилей.

Доктор Фелл обдумал его слова.

— Не простофилей, нет. Однако эмоционально увлекающимся, эмоционально напряженным и с живым воображением, способным проглотить ту жуткую историю, какую вы услышали. Очень хорошо! Все это вполне логично! Только почему же этот самозванец совершенно не стесняется вывалить всю эту чушь перед местным семейным доктором, который вовсе не напряжен эмоционально и не наделен чрезмерным воображением и который способен испортить ему всю игру?

Его отношение к Миддлсворту было весьма странным, даже со слов самого Миддлсворта. Он не пытался загипнотизировать Миддлсворта, как пытался загипнотизировать вас. Он не старался

произвести впечатление на Миддлсворта. Ему, кажется, было плевать на Миддлсворта. Он, похоже, даже не замечал присутствия Миддлсворта.

Дик выпрямился.

— А ведь верно! — выпалил Дик, вспомнив сцену, разыгравшуюся в этой самой комнате вечером в четверг. — Де Вилла обходился с ним как с предметом мебели. Он раздражался, когда Миддлсворт заговаривал, и пытался — как бы это точнее сказать? — отмахнуться от него.

Доктор Фелл задумчиво курил.

— И вот потому в моем грубом подозрительном уме, — произнес он, — промелькнула догадка, не знает ли, случайно, Миддлсворт гораздо больше, чем кажется. Короче, не может ли он быть сообщником.

— Сообщником? — воскликнула Лесли.

Доктор Фелл замахал на нее, требуя тишины.

— В тот момент я, разумеется, не мог догадаться, в чем смысл затеянной самозванцем игры. Зато мысль насчет Миддлсворта окрепла всего через несколько минут, когда вы, — он взглянул на Дика, — с подачи Эрншоу, волновавшегося из-за винтовки, подробно рассказали мне о событиях на ярмарке днем раньше.

Из этого повествования было ясно два момента.

Первый: самозванец имел феноменальный успех в качестве предсказателя. И заметьте себе, он не говорил своим клиентам какую-нибудь невнятицу, наподобие: «Вы добродушный, но воля у вас сильная, опасайтесь затевать новые сделки во время поста». Ничего, черт подери, подобного! У него была настоящая информация, полным-полно фактов о каждом! Откуда мошенник раздобыл все эти сведения, если только не предположить, что в тайну был посвящен кто-то еще? Короче говоря, имелся сообщник.

Второй момент, вытекающий из рассказа о приеме в саду, оказался вопиющим. Я имею в виду загадку исчезнувшей винтовки.

Дик взял Лесли за руку.

— Однако винтовка действительно исчезла, чтоб ее! — взорвался он. — Подозреваю, вы собираетесь сказать, что украл ее Миддлсворт?

— Ну да.

— Но как? Рядом с тиром находились только майор Прайс, Билл Эрншоу, доктор Миддлсворт, Лесли и я. И все мы готовы поклясться, что никто винтовки не брал. Что касается Миддлсворта, он помогал нести де Виллу в машину на глазах у всех, после чего уехал оттуда! Как же ему удалось стащить винтовку? Как я сказал Биллу Эрншоу,

винтовку нельзя просто сунуть в карман или унести под полой пиджака.

— Нельзя, — согласился доктор Фелл. — Зато ее можно запросто положить в сумку с клюшками для гольфа и унести совершенно незаметно. А у Миддлсворта, как вы мне сообщили, была при себе сумка с клюшками.

Повисло долгое молчание. Суперинтендант Хэдли за столом, методично писавший в своем блокноте, поднял голову и слабо улыбнулся. Дик, прекрасно помнивший, как доктор Миддлсворт возвращался с соревнований по гольфу с тяжелой сумкой, висевшей на плече — такой заметной и никем не замеченной сумкой для клюшек, — Дик Маркхэм выругался, начиная понимать.

— У старого зануды, — вставил Хэдли, кивнув на доктора Фелла, — время от времени случаются озарения. Потому-то я и позволяю ему буйствовать тут.

— Вот спасибо, — отозвался полный достоинства доктор Фелл с рассеянным видом. Он скосил глаза на кончик своей сигары, а затем снова обратился к Дику: — Миддлсворт, даже на столь раннем этапе, уже явил себя в весьма странном и сомнительном свете. Он был единственным, кто мог украсть винтовку. А затем…

Вы с Миддлсвортом поехали обратно в деревню на его автомобиле, он — к себе в кабинет, а вы — к мисс Грант. Я отправился в этот вот коттедж, — он обвел рукой комнату, — чтобы сразу взглянуть на место преступления. И здесь я обнаружил то, что буквально заставило меня снять шляпу перед человеческой изобретательностью, ибо я ясно увидел, каким способом можно провернуть трюк с запертой комнатой.

— И что же? — спросила Лесли. — Как?

Доктор Фелл не стал отвечать сразу.

— Пока я возился с самыми разными предметами в этой комнате, — лишь произнес он, — приехал Хэдли. Он лишь разок взглянул на тело и сказал: «Господи, это же Сэм де Вилла». После чего продолжил, как вы слышали позже, обрисовав мне в общих чертах карьеру де Виллы. И он сообщил мне кое-что, убедившее меня, что мы охотимся за Миддлсвортом. Поскольку, видите ли, Сэм де Вилла действительно изучал медицину.

— Полгода не дотянул, — уточнил Хэдли, — до получения диплома.

И снова доктор Фелл нацелил свою сигару на Дика.

— Припомните, — предложил он. — Я спросил

Миддлсворта, еще в тот ранний час, да вы и сами спрашивали его при мне, что прежде всего заставило его заподозрить в «сэре Харви Гилмэне» самозванца. Помните?

— Да.

— Миддлсворт ответил примерно следующее. Он сказал, что расспрашивал предполагаемого сэра Харви об одном нашумевшем деле. И «сэр Харви», как сообщил нам Миддлсворт, «грандиозно оговорился, упомянув две полости сердца». «Это меня несколько насторожило, — так заявил Миддлсворт, — поскольку любой студент-медик знает, что у сердца четыре полости». Только подобное было попросту невозможно. Сэм де Вилла, отлично игравший сэра Харви Гилмэна, не допускал и не мог бы допустить настолько грубой промашки. Это было совсем не в его характере, для этого не имелось оснований! Получается, лгал сам Миддлсворт.

Но чего ради?

Здесь доктор Фелл поглядел на Хэдли, карандаш которого продолжал скользить по страницам блокнота.

— Хэдли, у вас с собой показания Миддлсворта?

Хэдли взял портфель, стоявший рядом с

креслом, и открыл его. Вынул тонкий лист бумаги с печатным текстом, лежавший в синей папке и подписанный внизу неровной, расплывшейся завитушкой. Он протянул признание доктору Феллу, и тот потряс им в воздухе.

В ярком солнечном свете, лившемся в комнату через два окна, одно разбитое, другое с дыркой от пули, лицо доктора Фелла было мрачным, подавленным и тоскливым.

— Миддлсворт надиктовал это, — пояснил он, — перед самой смертью в пятницу вечером. История, если угодно, отвратительная. Однако вполне понятная, чистосердечная и до ужаса человеческая история.

— Да черт побери, — не выдержал Дик Маркхэм, — в том-то и беда! Мне нравился Хью Миддлсворт!

— И мне тоже, — согласился доктор Фелл. — И у вас, в общем-то, были все основания его любить. Каждый, кто избавляет мир от паразитов вроде Сэма де Виллы, заслуживает немалую благодарность. Если бы он не потерял голову и не застрелил совершенно безобидную начальницу почты…

— Вы бы, как я предполагаю, прикрыли его? — сардонически поинтересовался Хэдли. — А так вы

просто позволили ему совершить самоубийство?

Доктор Фелл пропустил его слова мимо ушей.

— История Миддлсворта, — сказал он, — очень проста. Помните, Хэдли говорил, что публика, подобная Сэму де Вилле, использует любое оружие, что угодно, включая шантаж, если только это поможет сорвать большой куш?

— Вы хотите сказать, что в этом деле замешан и шантаж? — уточнила Лесли.

Доктор Фелл помахал отпечатанным листком:

— Респектабельность Хью Миддлсворту давалась трудно. А он любил респектабельность. Он любил ее почти так же сильно, как… — Доктор Фелл поглядел на Лесли, закашлялся и снова отвернулся. — У него была жена «из местных», приличная семья и множество обязательств.

Однако достиг он своего положения не без труда. Девятью годами раньше, когда он отчаянно нуждался в деньгах, еще до Шести Ясеней и респектабельности, он согласился на некую работу. Работа была в одном лондонском доме призрения и весьма сомнительного толка, где специализировались на подпольных операциях. Миддлсворт и был тот врач, который эти операции проводил. Сэм де Вилла знал об этом и имел доказательства.

Сэм, вознамерившись заполучить драгоценности мисс Грант, приехал сюда и взял Миддлсворта в оборот. Миддлсворт даже не догадывался, что Сэм имеет отношение к медицине, как и он сам. Он знал Сэма только как ловкого мошенника.

«Слушай меня, — сказал Сэм. — Я приезжаю в Шесть Ясеней, выдавая себя за другого; я хочу заполучить драгоценности; а ты будешь мне помогать». И без того уже подавленный, Миддлсворт был в полном отчаянии. «Я не собираюсь содействовать тебе, — заявил Миддлсворт. — Когда ты исчезнешь с драгоценностями, все поймут, что я тоже причастен, с тем же успехом ты можешь просто выдать меня, и все. Так что я не собираюсь тебе содействовать».

«Пусть так, — холодно заявил Сэм. — Но ты все равно будешь мне помогать, и первым делом ты расскажешь мне все об этой деревне и ее жителях». Так что этот проницательный и въедливый мистер де Вилла составил себе полную картину. Ричард Маркхэм по уши влюблен в Лесли Грант. Помолвка неизбежна! Помолвка решена! Молодой человек сочиняет популярные, основанные на вымышленных историях пьесы, в которых разбирается образ мысли убийц, по большей части отравителей…

Сэм составил свой план легко и гладко. Он снял этот коттедж. И с блестящей дерзостью представился, в обстановке полной секретности, старшему констеблю округа как сэр Харви Гилмэн.

Затем он отправился на прием в саду. Новость о помолвке Лесли Грант и Ричарда Маркхэма разнеслась по деревне, заодно, стараниями уже миссис Рэкли, с вестью о торжественном ужине, назначенном на вечер пятницы. На приеме, где он изображал предсказателя, Сэм решил, что самое время действовать.

Вот только самоуверенный Сэм не сознавал, что в лице Хью Миддлсворта он имеет дело с человеком, нисколько не уступающим ему по уровню интеллекта. А Миддлсворт был не в себе и в отчаянии. Он-то считал, что прошлое забыто, но де Вилла явился прямиком оттуда. Он был как мертвый альбатрос у него на шее[8], готовый висеть и дальше. Вечная угроза! Вечный нарушитель его сна! Вечный кошмар, хоть отсутствующий, хоть присутствующий, вечно ставящий под удар его респектабельность…

И снова доктор Фелл закашлялся от некоторого

---

[8] Notes: 8

Аллюзия на поэму С. Т. Кольриджа (1772–1834) «Сказание о Старом Мореходе».

дискомфорта, стараясь не глядеть на Лесли.

— Вы в силах понять подобное чувство, мисс Грант?

— Да, — сказала Лесли. И задрожала.

— Миддлсворт решил, — просто произнес доктор Фелл, — что де Вилла должен умереть. И Миддлсворту едва ли не сразу представилась возможность его убить вскоре после этой ярмарки в четверг. Смотрите, как вырисовываются события!

Поправив пенсне и рассыпав порядочно сигарного пепла, доктор Фелл взял отпечатанное на машинке признание и пробежал пальцами вниз по строкам. Его губы с ворчаньем шевелились, пока он искал нужное место. После чего он зачитал вслух:

— «…де Вилла так сильно расстроил мисс Грант в шатре предсказателя, что она вскрикнула и нажала на спусковой крючок винтовки, когда майор Прайс нечаянно задел ее руку. Уверен, это был несчастный случай».

— Это и был несчастный случай! — воскликнула Лесли.

— «…я сразу же увидел, что у де Виллы всего лишь поверхностная рана. Однако он лишился сознания от шока, и все решили, что он при

смерти. Тут я понял, как смогу убить этого мерзавца, если только мы с ним останемся наедине. Именно поэтому я сунул винтовку в свою сумку с клюшками для гольфа, а сумку повесил на плечо, когда мы с майором Прайсом понесли его к машине. Я намеревался отвезти его домой, дать ему наркоз, извлечь настоящую пулю и выстрелить из этой же винтовки снова, чтобы убить. Все решат, что пуля та же самая, результат несчастного случая…»

— И все, черт побери, так и решили бы! — вставил Дик Маркхэм.

— «…но ничего не получилось, не сработало, потому что я никак не мог отделаться от майора Прайса, что бы я ему ни говорил. Поэтому мне пришлось придумать кое-что другое».

Доктор Фелл вновь помахал листком, а затем положил рядом с собой на диван.

— И он, — заметил доктор Фелл, — действительно придумал кое-что другое. Настоящий план был выдан ему — поднесен ему на тарелочке, — пока они с Диком Маркхэмом и Сэмом де Виллой сидели в этой самой комнате в четверг вечером. Сэм рассказывал жуткую историю о знаменитой отравительнице, строя в уме планы, как именно опустошит сейф, полный драгоценностей. Миддл-

сворт спокойненько сидел рядом. Но тут кое-кто подсказал, как именно он может убить де Виллу и выйти сухим из воды.

— Кто же это подсказал? — удивился Дик.

— Да сам Сэм де Вилла.

— Сэм де Вилла?

— Так утверждает Миддлсворт. Сможете вспомнить ту сцену?

Воссоздать картину было легко: де Вилла в глубоком кресле, под абажуром лампы, светившей прямо на него. Молчаливый и задумчивый Миддлсворт в плетеном кресле у окна потягивает пустую трубку. Летняя ночь за окнами шуршит, грубые занавески в цветочек задернуты не до конца. И крайне задумчивое лицо Миддлсворта возникло перед Диком с ужасающей ясностью.

— Вы с жаром обсуждали загадку запертой, наглухо замкнутой комнаты, — продолжал доктор Фелл. — Де Вилла, вспомнив пулю, прилетевшую в него через стенку шатра, заметил между прочим, что такое явление, как запертая комната, перестает существовать, когда в стене появляется дырка от пули. Все верно?

— Да!

— Вскоре после того Миддлсворт услышал снаружи шум. Он поднялся, подошел к окну,

раздвинул шторы и выглянул. Затем он откинул голову и так и стоял, глядя в окно, спиной к вам, как будто его только что осенила какая-то идея. Это тоже верно?

— Да.

— Так что же? — мягко подтолкнул его доктор Фелл. — Когда Миддлсворт глядел в окно, что он там увидел?

Доктор Фелл с некоторым усилием поднялся на ноги. Он проковылял к окну, все еще запертому на задвижку, где в нижней половине рамы, внизу и сбоку от металлического запора, зияло аккуратное пулевое отверстие.

Доктор Фелл указал на раму:

— Полковник Поуп, как мы знаем, постоянно прикреплял тюлевые сетки к этим окнам — иногда к верхней, иногда к нижней части, — используя канцелярские кнопки. Следовательно, что мы обнаруживаем? Мы обнаруживаем — на что с таким жаром указывал Эрншоу — бесчисленное множество крохотных дырочек, проделанных острыми кнопками. Мы обнаруживаем эти мелкие проколы, усеивающие деревянную поверхность оконных рам. Это ясно?

— Естественно! Только…

— Вы ведь можете воткнуть очередную кнопку

в любое место на раме, не так ли? А когда вынете кнопку, оставленную ею отметину никогда не обнаружат?

— Разумеется, не обнаружат. Но…

— Миддлсворта, — продолжал доктор Фелл, — осенило дважды. Я сейчас расскажу вам, что именно он сделал.

Он мог не сомневаться, что Сэм де Вилла примет приличную дозу люминала, перед тем как лечь в постель. Потому он спокойно покинул этот коттедж и повез вас домой на своей машине и встревожился только тогда, когда вы упомянули виски, и заклинал вас всеми святыми не напиваться…

— Почему?

— Потому что вы были жизненно важны для его плана. Затем Миддлсворт сам поехал домой и сделал кое-какие приготовления. У кого под рукой, скорее всего, окажется шприц? У медика. Мы обнаружили в деле об отравлении в Содбери-Кросс, что синильную кислоту можно дистиллировать из отдельных, нетоксичных составляющих, но у кого она, скорее всего, может оказаться под рукой? У медика. Однако как раз эти приготовления в тот момент его не занимали. Ему первым делом требовалось другое.

Вскоре после полуночи, когда Шесть Ясеней погрузились в сон, — доктор Фелл взял отпечатанное признание, но снова отложил его, — он потихоньку вернулся обратно к этому коттеджу.

В доме было темно. Он вошел без труда: дом был не заперт, а если бы и был, всегда найдется открытое окно. Сэма де Виллу он, как и ожидал, обнаружил в спальне наверху, одурманенного снотворным. Пока что все складывалось великолепно!

Он вошел в эту гостиную, где включил свет. И принялся подготавливать комнату — в частности, это большое глубокое кресло, в котором сейчас сидит Хэдли, — чтобы она соответствовала тем событиям, какие должны были развернуться на заре. Он закрыл оба окна, но раздвинул шторы на обоих.

Вы, конечно же, понимаете, что стало его следующим шагом? Миддлсворт, взяв с собой этот «Винчестер–61», перешел на другую сторону переулка, встал за каменную стену напротив дома и старательно выбрал позицию, после чего — все это по-прежнему вскоре после полуночи — он выстрелил в это окно освещенной и пустой комнаты.

Именно тогда был произведен настоящий вы-

стрел. Именно тогда пуля продырявила окно, разбила над камином картинку с битвой при Ватерлоо и канула в стену.

После полуночи никаких соседей поблизости не бывает. Он решил, что выстрел вряд ли кто-то услышит. Сэм де Вилла, забывшийся сном наверху, уж точно не услышал. На самом деле лорд Эш у себя в Эш-холле все-таки слышал выстрел посреди ночи и сказал мне, что упоминал об этом в разговоре с вами… — доктор Фелл снова взглянул на Дика, — когда вы встретились на следующий день. Только лорд Эш перепутал его с другим выстрелом, который слышал в самом начале шестого утра. Что касается Миддлсворта, за первую половину игры он мог теперь не опасаться. Он задернул шторы на всех окнах в коттедже, включил везде свет, чтобы электричество наверняка отключилось к утру, после чего потихоньку вышел из дома.

Никому не было причинено никакого вреда. Пока что.

Случайность могла бы помешать Миддлсворту, потому что глубокой ночью его вызвали к больному. Однако вызов был из Эш-холла, где заболела одна из горничных, что восхитительно согласовывалось с его целями. Он мог следить за

ходом событий.

Из Эш-холла он ушел без двадцати пять утра, что-то сбивчиво наговорив лорду Эшу о своем намерении ехать прямо в Гастингс, и покатил в сторону Хай-стрит. Здесь он ненадолго вышел из машины и снова прогулялся по Виселичному переулку. Я так и вижу, как он шагает там в первом призрачном свете серого утра, и мне представляется, что сердце его было так же холодно, как и его руки.

Задолго до того он, конечно же, заглянул в освещенные окна мистера Маркхэма и увидел, что мистер Маркхэм спит на диване, а на столе стоит полная, нетронутая бутылка виски и сифон. Мне кажется, потом он заглянул еще раз, убедиться. Затем он снова отправился в этот коттедж.

Электричество здесь отключилось уже давно. Дом стоял темный, было зябко, час убийства и мистификации приближался. Миддлсворт выяснил, что де Вилла по-прежнему спит наверху, одурманенный. Если бы жертва очнулась, Миддлсворт был готов связать ее мягким поясом от халата, который не оставил бы следов, а рот заткнуть носовым платком и залепить пластырем.

Но такой необходимости не возникло. Он снес де Виллу вниз — де Вилла был тщедушного тело-

сложения, а Миддлсворт мужчина крупный — и усадил в это кресло так, чтобы траектория уже вылетевшей пули проходила точно над макушкой де Виллы.

Затем, как только первый потусторонний свет зари заиграл в комнате, он закатал рукав халата де Виллы и, надев перчатки, ввел ему полный шприц синильной кислоты в левое предплечье.

Доктор Фелл помолчал.

Несмотря на теплый день, Дик Маркхэм весь похолодел. Он словно видел, как движутся тени в свете зари, зловещие тени в этой комнате: врач в перчатках, тело, дернувшееся разок, птицы на дереве снаружи.

— Затем, — наконец проговорил доктор Фелл, — он запер комнату. Он мог это сделать, как вы понимаете, потому что теперь в окне была дырка от пули. Мы продолжаем называть эту комнату запертой изнутри. Однако, черт побери, она не была запертой! В этом-то и весь смысл! Де Вилла говорил правду, заметив, что нельзя считать помещение запертым, когда у тебя в стене дырка от пули.

Миддлсворт взял коробку с кнопками и художественно рассыпал их по полу под левой рукой умирающего. Он запер на замок и задвижку

дверь изнутри. Наконец он… могу я попросить вас, Хэдли?

Суперинтендант Хэдли кивнул с весьма мрачным видом. Он поднялся и вышел из комнаты.

— В пятницу вечером, — продолжал доктор Фелл, — я уже немного порассуждал об окнах. Прошу вас, обратите внимание на это самое окно и на эту самую дырку от пули. Отверстие, как я вижу теперь, находится под оконным переплетом, тремя дюймами ниже и левее металлической защелки. Очень хорошо!

Я беру обыкновенную канцелярскую кнопку, вот такую, как эта у меня в руке. Я втыкаю эту кнопку в оконную раму — горизонтальную перекладину прямо передо мной, к которой прилегает скользящая рама — над дыркой от пули и чуть левее.

После чего я беру очень толстую черную нитку, длинный кусок, вот такой, — нитка явилась из объемного бокового кармана доктора Фелла, словно он показывал фокус, — и все готово для моего трюка.

Фигура суперинтенданта Хэдли возникла за окном. Нижняя часть рамы, как Дик уже отмечал раньше, находилась чуть выше пояса.

Доктор Фелл отпер окно, повернув металличе-

скую задвижку вправо, отчего она легла плашмя. Сложив нитку, он набросил петлю на головку задвижки. Концы нити он протянул влево, поверх воткнутой кнопки, словно через шкив. Затем он пропустил концы вниз, просунув оба через пулевое отверстие, так что теперь они оказались по другую сторону окна.

— Поскольку я некоторым образом далеко не скромных габаритов, — извиняющимся тоном пояснил доктор Фелл, — вы простите меня, если я продемонстрирую движение не сам. Но я подниму окно. Вот так!

Он толкнул вверх раму, и длинная нить побежала наверх вместе с ней, но петля по-прежнему оставалась на задвижке.

— А теперь представьте себе, что я выбираюсь наружу, как это сделал Миддлсворт. Выбираюсь наружу, закрываю за собой окно, — (рама опустилась с мягким стуком), — и вот я готов. Мне остается лишь взять эти концы нитки, которые свисают теперь снаружи, и потянуть их вниз, как делает сейчас Хэдли.

От давления нити, пропущенной поверх кнопки, которая служит блоком, оконная задвижка ползет в мою сторону, медленно поворачивается наружу, пока не встает под нужным углом, и вот

теперь окно заперто.

Когда задвижка на месте, сильный рывок за нитку выдергивает мой импровизированный блок из оконной рамы, кнопка падает внутрь и катится куда-то по полу комнаты. Я тяну за один конец нитяной петли, и нитка выползает из рамы, словно змея, и остается у меня в руке за окном. Никаких следов нет. Кнопку найдут, разумеется, в комнате. Только никто ее не заметит, если я заранее рассыпал по полу коробку таких же кнопок. Прекрасно, Хэдли!

Оконная задвижка, повернутая с помощью нитки, скользнула в нужном направлении, заперев окно. Хэдли, стоявший за окном, резко рванул нитку вниз. Кнопка, воткнутая не до конца, вывалилась на подоконник внутри комнаты и упала на пол. Она приземлилась на ковре…

— Недалеко, как вы видите, — указал доктор Фелл, — от другой кнопки, которая как будто выкатилась из рассыпанной коробки, обнаруженной здесь утром в пятницу. Вы, вероятно, помните, как я рассматривал ее, пока мы были здесь вчера днем? Хэдли едва на нее не наступил.

Хэдли, потянув за конец нити, уже вытаскивал ее наружу через пулевое отверстие.

— И все это было подготовлено, чтобы Миддлсворт мог вывернуться, — сказал доктор Фелл. — В пересказе это занимает несколько минут, но на деле хватит и тридцати секунд. Комната была заперта изнутри. Миддлсворт был готов к последней, самой важной части — убедить вас, мистер Маркхэм, что никакого отверстия в окне не было до того, как вы подошли.

Он направился к телефону в прихожей и нашептал вам в трубку то сообщение. Оно наверняка должно было заманить вас сюда, оно и заманило. Он прикинул, сколько времени вам понадобится, чтобы выйти из дома. Он бросил шиллинг в электрический счетчик, опустив заранее рычажок выключателя в этой комнате, и свет вспыхнул. Затем пробежал по переулку — в восточном направлении, от фруктового сада в сторону рощицы, где его заметила мисс Дрю, — и вот теперь все было готово.

Когда вы показались на дороге, он как следует громыхнул винтовкой по стене. Привлек ваше внимание. А пока вы окликали стрелка, он прицелился в окно и выстрелил…

— Холостым, — подытожил Дик.

— Холостым патроном, — согласился доктор Фелл. — Вдохновленный случаем с Эрншоу, с

которым майор сыграл знаменитую шутку, Мидлсворт воспользовался этой идеей.

И вот теперь вы, мистер Маркхэм, были безоговорочно уверены, что увидели, как дырка от пули, как вы выразились, «выскочила» на стекле. Именно это я должен был опровергнуть, когда расспрашивал вас днем в пятницу. И я был, вероятно — гм! — несколько на взводе, расспрашивая вас, и когда Хэдли вмешался в самый ответственный момент, боюсь, я мысленно пожелал ему провалиться в тартарары.

Однако на самом деле ничего подобного вы не видели. И это становится ясно из вашего рассказа о случившемся. Ваши собственные слова, когда я надавил на вас, были: «Я смотрел на винтовку, я видел, как она выстрелила, и даже с такого расстояния я различил в окне пулевое отверстие».

«Различили» — да. Но это совсем другое дело. Вполне естественно, что вы не сводили взгляда с винтовки. Вы видели, как она выстрелила. Прекрасно! Но если вы при этом видели, как пулевое отверстие появилось в окне, придется предположить, что вы повернули голову слева направо быстрее, чем пронеслась винтовочная пуля. А подобное, совершенно очевидно, невозможно.

Я выдохнул с облегчением, сэр. Когда вскоре

после того я узнал, что мисс Синтия Дрю видела мужчину — или чью-то фигуру, — бежавшего через дорогу, мне показалось, дело завершено. Если бы только Хэдли не влез в самый неподходящий момент…

Суперинтендант Хэдли, вернувшийся в комнату, замер на месте от негодования.

— Это я-то влез? — возмутился он.

— Да.

— Если бы вам пришло в голову, — сказал Хэдли, — заранее сообщить мне, какого черта вы затеяли, все, возможно, прошло бы более гладко. И кстати, вы не забегаете вперед в вашем повествовании?

Сигара доктора Фелла погасла. Он поморгал, глядя на нее, и заковылял обратно к дивану, где и уселся.

— Так почти все уже сказано. С вашего позволения, переведем часы назад и вернемся обратно в десять часов утра пятницы, где мы и соберем все недостающие фрагменты. Я… э-э… был склонен считать, после первого осмотра этой гостиной перед тем, как явился Хэдли, что смогу проникнуть в загадку запертой комнаты. Хэдли приехал, как я уже рассказывал раньше, и раскрыл личность покойника, а мое внимание уже было сосредото-

чено на докторе Миддлсворте. Как раз перед тем, как я двинулся в сторону Эш-холла…

— Почему вы так сильно хотели попасть туда? — спросил Дик.

— Все в доме, — пояснил доктор Фелл, — были на ногах почти всю ночь из-за заболевшей горничной. Кто-нибудь мог услышать что-нибудь интересное. Лорд Эш, как я уже рассказал, действительно слышал выстрел сразу после полуночи. Отправляясь туда, я попросил Хэдли выяснить, кто заведует почтовым отделением…

— И, — прорычал Хэдли, — поставить разные отметки на марках, купленных четырьмя или пятью людьми! Я же до сегодняшнего дня понятия не имел, что вы на самом деле идете по следу Миддлсворта. Вы могли бы с тем же успехом охотиться за мисс Дрю, которая была моей подозреваемой, или за майором Прайсом, за мистером Эрншоу, даже за…

— Мной? — негромко спросила Лесли.

— Даже за самим лордом Эшем, — завершил Хэдли, улыбаясь ей. — И этот трюк с ловушкой, поставленной на целую толпу…

— Что ж, вероятно, я ошибся, — сказал доктор Фелл, нисколько не смущенный. — Но все начиная с этого момента громогласно подтверждало,

что я был прав, и я даже услышал от лорда Эша, в вашем присутствии, что этот «продавец Библий», Сэм де Вилла, побывал только в Эш-холле. Осмелюсь предположить, что он прощупывал обстановку в месте своего пребывания, зажигал, так сказать, путеводный маяк для себя. Однако, черт меня побери, он вовсе не получил никакой информации о жителях деревни из разговора с лордом Эшем. Что подтверждало версию о сообщнике.

Я уже дал вам разнообразные подсказки после моей беседы с мистером Маркхэмом позже днем, наводящие на мысль, что мы загнали кого-то в ловушку. Из признания Миддлсворта нам известно, что он догадался о трюке с марками, потому что купил их целый блок, а несчастная Лора пометила их весьма небрежно.

Он уже отправил письмо мне, обвиняя мисс Грант в том, что она прославленная отравительница, и намекая — не говоря ничего определенного, но рассыпая подсказки, — как именно можно совершить подобное убийство. Разве вы не видите, что ему пришлось подводить солидную основу под свою выдумку? Пришлось доказывать, что у Лесли Грант имеется враг, который до сих пор верит в «сэра Харви Гилмэна» и пытается ее

оболгать. Это был единственный для него способ — и самый надежный, по его мнению, — отвести подозрение от себя.

Он написал письмо. Затем, испугавшись, попытался заполучить его обратно. И Лора Фезерс погибла.

— Однако письмо, — уточнил Дик, — на самом деле недостаточно ясно намекало, как именно было совершено убийство?

— О нет. Это было бы слишком опасно. И к тому же необязательно. Все, что от него требовалось, внедрять, внедрять и внедрять мысль, что кто-то пытается оболгать мисс Грант. Но он обо всем догадался, увидев помеченные марки, он побежал, он укрылся в доме мисс Грант, потому что сразу три человека подходили к нему с трех сторон.

— Видите ли, — доктор Фелл замялся, — я был вполне уверен, что видел, как он метнулся в спальню, когда сам я подходил к дому по дорожке. И слова мистера Маркхэма подтвердили это. Так что я приказал сторожить дом. Он не мог сбежать. Однако же… я говорил для него, я позволил ему услышать меня, и я позволил ему умереть. Полагаю, это все объясняет.

Последовало долгое молчание, пока сонное солнце заливало комнату.

— Нет, не все, — возразил Дик. — Подозреваю, это Синтия подслушивала за этими окнами вечером в четверг? И услышала рассказ де Виллы о Лесли?

— О да. Мисс Дрю — хорошая девушка. Однако она склонна делать неверные выводы.

— И Лесли на самом деле не оглушала ее зеркалом у себя в спальне, когда они ссорились?

— Разумеется, нет! — возмутилась Лесли.

Они сидели в креслах недалеко друг от друга. И Дик собирался с духом для последнего вопроса.

— Ты думаешь о том, — опередила его Лесли, — что услышал после? Что я выходила из дома и меня видели в палисаднике перед этим коттеджем в три часа ночи? И у тебя зародилась жуткая идея, что я могу в конце концов оказаться виновной.

— Ну… не то что бы виновной. Но…

— Ты так подумал! И не отрицай!

— Хорошо, милая, я подумал.

— И я тебя не виню, — сказала Лесли. — Весьма печально, что объяснение окажется до крайности глупым. Но я не в силах с этим бороться! Это меня тревожит, это всегда меня тревожило. Я побывала у разных врачей, но они говорят, не о чем беспокоиться. Они говорят, такое часто случается

с людьми вроде меня: чрезмерно напряженными, склонными к мрачным размышлениям, делающими из мухи слона.

Но я ведь в самом деле считала, что убила его, неужели ты не понимаешь? Я хочу сказать, я считала, что убила «сэра Харви Гилмэна» случайным выстрелом! И мне это даже приснилось! Я ничего не могу поделать со снами! Я провела кошмарную ночь и проснулась ужасно уставшая. Потому-то и поняла, что это, должно быть, снова случилось, хотя у меня было весьма смутное представление о том, что именно произошло или где я побывала. Когда увидела на спинке стула другую одежду, уже потом, проснулась утром и увидела…

— Послушай, — начал Дик. — Ты пытаешься нам сказать…

— Это был просто очередной безобразный случай в довершение ко всему остальному, — сказала Лесли. — Ни больше ни меньше, как хождение во сне. Должно быть, я вышла на улицу, вероятнее всего, с мыслью выяснить, что с ним или насколько тяжело он пострадал, только я этого не помню. Самое ужасное, что я вполне могла бы столкнуться с убийцей. Но я не узнала бы, даже если бы такое случилось. Я не слишком-то хороша для тебя, верно? Дочка Лили Джуэл с

расшатанными нервами, да еще и склонная к лунатизму, поскольку…

Дик взял ее руки в свои.

— Ведь это*твои* расшатанные нервы, — сказал он, — и потому мне все нравится. Но одно я могу тебе обещать, как говорит доктор Фелл, положа руку на сердце. Никакой лунатизм тебе больше не грозит.

— Почему это?

— Я, — сказал Дик Маркхэм, — за этим прослежу.